

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2024'3

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (заместитель главного редактора),
Е.И. Матюхова, (ответственный секретарь), М.И. Строкова

Журнальная верстка:

ООО “Верди”

Верстка web-страниц:

Е.А. Ключева, Е.М. Ломтева

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
'Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)'

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Deputy Editor-in-Chief),
Elizaveta Matyukhova (Executive Secretary), Marina Strokova

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Elena Lomteva

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department for Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector for Structural Policy and Competitiveness, Center for Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center for North American Studies, Deputy Director, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center for Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Deputy Director, IMEMO

Inna Miroschnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department for Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal 'The World Economy and International Relations' of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of Post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group for the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector for the EU Studies, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector for Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department for Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department for Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the RAS, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuotong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Выборы президента США: меняющийся электорат в кризисе двухпартийности
 Бунина А.А., Войтоловская А.Р., Журавлева В.Ю. 12

На перепутье: русскоязычные сообщества в Германии
 Матюхова Е.И. 27

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке)
 Подшибякина Т.А., Камара С. 38

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

Регулирование “облачных сервисов” как инструмент международной конкуренции: опыт США и Китая
 Григорьевский В.В. 50

Расширение БРИКС: последствия для арктического сотрудничества в сфере логистики
 Стрельникова И.А., Майоров М.Г., Попов Д.И. 71

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue	10
-----------------------------------	----

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

Presidential Election 2024 in the USA: Electoral Shift in Bipartisanship Crisis <i>Bunina A.A., Voitlovskaya A.R., Zhuravleva V.Yu.</i>	12
At a Crossroads: Russian-Speaking Communities in Germany <i>Matiukhova E.I.</i>	27

THEORY AND METHODOLOGY

Postcolonial Discourse: Theory, Methodology and Practice of Application (on the Example of Ethnopolitical Separatism in Africa) <i>Podshibyakina T.A., Camara S.</i>	38
--	----

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

Cloud Services Regulation as a Tool of International Competition: U.S. and China Policies <i>Grigoryevsky V.V.</i>	50
BRICS Expansion: Implications for Logistics Cooperation in the Arctic <i>Strelnikova I.A., Maiorov M.G., Popov D.I.</i>	71

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию третий в 2024 г. выпуск нашего журнала.

В выпуске три рубрики – **“Динамика социальных и политических пространств”**, **“Теория и методология”** и **“Тренды и риски развития”**. В фокусе внимания авторов – трансформация двухпартийности как фактор динамики политической системы и политического процесса в США; идентичность так называемых русских немцев в Германии и России, а также их потенциал стать “коммуникационным мостом” между двумя странами в нынешних непростых геополитических условиях; возможности теории постколониального дискурса в изучении феномена и практик этнополитического сепаратизма в бывших колониях в Африке; проблема регулирования “облачных сервисов” в политическом соперничестве США и КНР; направления и перспективы сотрудничества Российской Федерации с неарктическими странами – участницами БРИКС в Арктике.

Открывает рубрику **“Динамика социальных и политических пространств”** статья сотрудников Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН на тему “Выборы президента США: меняющийся электорат в кризисе двухпартийности”. Виктория Юрьевна Журавлева, кандидат политических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра, Александра Романовна Войтоловская, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США, и Анастасия Александровна Бунина, младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США, изучают президентские выборы в США в зеркале системной трансформации политической системы страны, в центре которой – двухпартийная организация политического процесса. По мнению авторов, с 2000 г. выборы президента США более не вписываются в традиционную двухпартийную рамку. Изучая сдвиги в партийных предпочтениях различных социальных групп, значимость “колеблющихся штатов” в поляризованной политической среде и избирательные программы обеих партий, авторы анализируют поиск политическими элитами новой формулы равновесия национальной политической системы.

Вторая статья рубрики – исследование Елизаветы Игоревны Матюховой, младшего научного сотрудника сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН, на тему “На перепутье: русскоязычные сообщества в Германии”. Автор поставила своей целью выявить роль диаспор и диаспоральных миров в поддержании связей между принимающим и отправляющим обществами в кризисный период на примере так называемых русских немцев в Германии. На обширном массиве экспертных заключений, научных публикаций и различных материалов органов государственной власти двух стран автор изучает инициативы и стратегии, разработанные Германией и Россией для обеспечения эффективного взаимодействия с русскими немцами, а также перемены в их идентификации и самоидентификации. Опираясь на категории идентичности и политического пространства в анализе транснациональных диаспор, автор приходит к выводу, что власти обеих стран нередко рассматривают эту группу как инструмент продвижения собственных идеологических конструктов, стремясь таким образом расширить сферу своего влияния, однако серьезный кризис в отношениях Российской Федерации и ФРГ значительно сократил потенциал этих групп стать своего рода “коммуникационным мостом” между двумя странами.

В рубрике **“Теория и методология”** статья Сиди Камара, гражданина Республики Мали, соискателя Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, и его научного руководителя Татьяны Александровны Подшибякиной, доктора политических наук, профессора кафедры теоретической и прикладной политологии, на тему “Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке)”. Авторы поставили вопрос о концептуальном

и исследовательском потенциале теории постколониального дискурса Э. Саида для изучения этнополитической конфликтности в странах Африки постколониального периода. Был проведен критический анализ франкофонных постколониальных исследований для выявления колониальных стереотипов в постколониальных контекстах, а также их отражения в современных внешнеполитических стратегиях Франции и в практиках ее вмешательства в политические дела независимых африканских государств региона Сахель, фактически поддерживающих этнополитические конфликты.

Первая в рубрике **“Тренды и риски развития”** – статья аспиранта ИМЭМО РАН Валентина Валентиновича Григорьевского на тему «Регулирование “облачных сервисов” как инструмент международной конкуренции: опыт США и Китая». Он представил сравнительное исследование моделей поведения двух наиболее влиятельных в международной индустрии “облачных сервисов” государств, использования ими различных стратегий и методов регулирования для усиления своей позиции в данной сфере и в области ИКТ в целом. Автор изучил официальные документы обеих стран по указанной тематике, принципы, декларируемые ими на уровне международных организаций и институтов глобального управления, выявил общее и особенное в их политике, подтвердив свою гипотезу о том, что регулирование “облачных сервисов” фактически используется ими в качестве одного из инструментов международного политического влияния. По мнению автора, развитие технологий “облачных сервисов” и трансформацию мирового порядка следует считать основными факторами развития международной системы регулирования в указанной сфере. В статье предложен сценарный прогноз развития международного регулирования “облачных сервисов”: конфронтационный (конкуренция имеет преимущественно политический характер, увеличиваются риски фрагментации интернета, происходит дивергенция технических стандартов, растет вероятность деструктивных действий, включая применение “облачных сервисов” в военных целях) и консенсусный (международная конвергенция во всех аспектах регулирования “облачных сервисов” – техническая стандартизация, юридические нормы и экономические правила, основополагающие принципы защиты персональных данных и соблюдения национальных интересов всех стран).

Закрывает рубрику (и выпуск) статья наших коллег из Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” на тему “Расширение БРИКС: последствия для арктического сотрудничества в сфере логистики”. Исследование подготовлено сотрудниками научно-учебной группы “БРИКС+ как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике” факультета мировой экономики и мировой политики Ириной Александровной Стрельниковой, руководителем группы, кандидатом юридических наук, доцентом департамента зарубежного регионоведения, Максимом Глебовичем Майоровым и Дмитрием Игоревичем Поповым в рамках исследования “БРИКС+ как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике” Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)». В фокусе внимания авторов, которые опираются в своем анализе на теорию международных режимов, – перспективы взаимодействия России в Арктике с неарктическими странами из расширенного состава БРИКС. Они попытались выявить общие интересы стран БРИКС в сфере логистики в арктическом регионе, определить потенциал сотрудничества между ними в данной области, а также новых стран – членов объединения в этом направлении (Объединенных Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Ирана). По мнению авторов, “старые” члены БРИКС, Китай и Индия, ориентированы преимущественно на хозяйственные и экономические вопросы и проблемы рационального использования ресурсов. Полярные повестки Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ пока еще только формируются, но эти страны также демонстрируют интерес к развитию сотрудничества в области логистики и судоходства, особенно в зоне Северного морского пути и международного транспортного коридора “Север–Юг”, что в перспективе может привести к созданию общей межрегиональной транспортной системы в рамках БРИКС и в целом стать общей основой для формирования в будущем полярной повестки данного межгосударственного объединения.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

**ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА США:
МЕНЯЮЩИЙСЯ ЭЛЕКТОРАТ В КРИЗИСЕ ДВУХПАРТИЙНОСТИ**© БУНИНА А.А., ВОЙТОЛОВСКАЯ А.Р.,
ЖУРАВЛЕВА В.Ю., 2024

БУНИНА Анастасия Александровна, младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (abunina@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7765-6014

ВОЙТОЛОВСКАЯ Александра Романовна, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23, (a-borisova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-0295-1312

ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (zhvika@imemo.ru), ORCID 0000-0003-1911-625X

Бунина А.А., Войтоловская А.Р., Журавлева В.Ю. Выборы президента США: меняющийся электорат в кризисе двухпартийности. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 3, сс. 12-26. DOI: 10.20542/afij-2024-3-12-26 EDN: ZCAXIE

DOI: 10.20542/afij-2024-3-12-26

EDN: ZCAXIE

УДК: 324(73)

Поступила в редакцию 27.08.2024.

После доработки 07.10.2024.

Принята к публикации 20.10.2024.

Выборы американского президента как зеркало отражают все сложности переходного периода, который переживает политическая система Соединенных Штатов. В центре системной трансформации – двухпартийная организация политического процесса. На протяжении большей части истории США двухпартийность гарантировала устойчивость и относительную предсказуемость политического развития страны. Две партии традиционно были достаточно адаптивными и гибкими, чтобы, с одной стороны, структурировать общество и власть, а с другой – оперативно реагировать на изменение настроений электората и социально-экономическую динамику. Выборы в такой системе представлялись рутинным и предсказуемым по своему исходу процессом передачи власти. Однако в 2000 г. тренд изменился. Выборы президента стали демонстрировать явные признаки глубоких социально-политических сдвигов, которые перестали вписываться в двухпартийную рамку. С 2016 г. очевидность этих изменений уже не вызывает сомнения. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере избирательной кампании 2024 г. выявить ключевые изменения, происходящие с американским электоратом, и на основе этих изменений проиллюстрировать деградацию двухпартийной системы организации политического процесса в США.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Авторы рассматривают актуальные сдвиги в партийных предпочтениях различных социальных групп, значимость “колеблющихся штатов” в поляризованной политической среде и программы обеих партий, представленные на национальных конвентах летом этого года. В статье анализируется тренд на “размывание” электората между партиями, начало которому было положено в 2016 г., а ярким продолжением, по всей видимости, станут президентские выборы 2024 г. В центре этого тренда две социальные группы – белый рабочий класс и этнические меньшинства, которые стали основным фокусом борьбы между демократами и республиканцами в текущей гонке. Авторы приходят к выводам, что политическая система США постепенно переходит к поиску новой формулы равновесия, элементы которой только начинают проявляться в текущих процессах.

Ключевые слова: президентская избирательная кампания, США, двухпартийность, белый рабочий класс, смещение электората, расовые меньшинства, колеблющиеся штаты, независимый электорат, партийные платформы.

Вклад авторов: равноценный вклад авторов в сбор материала, написание и сведение текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

PRESIDENTIAL ELECTION 2024 IN THE USA: ELECTORAL SHIFT IN BIPARTISANSHIP CRISIS

Received 27.08.2024. Revised 07.10.2024. Accepted 20.10.2024.

Anastasia A. BUNINA (abunina@imemo.ru), ORCID 0000-0001-7765-6014, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Aleksandra R. VOITOLOVSKAYA (a-borisova@imemo.ru), ORCID 0000-0003-0295-1312, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Victoria Yu. ZHURAVLEVA (zhvika@imemo.ru), ORCID 0000-0003-1911-625X, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The election of the American President reflects all the difficulties of the transition period which the country's political system has entered as a mirror. At the center of the systemic transformation is the two-party organization of the political process. Throughout of U.S. history, bipartisanship has been a guarantor of stability and relative predictability of the country's political development. The two parties have traditionally been adaptive and flexible enough to, on the one hand, structure society and government, and, on the other, quickly respond to changing mood of the electorate and to socio-economic developments in society. Elections in such a system appeared to be a routine and predictable transfer of power. However, in 2000, predictability came to an abrupt end. The presidential elections began to show clear signs of deep socio-political changes that no longer fit into the two-party system framework. Since 2016, the obviousness of these changes is no longer in doubt. The purpose of this article is to use the example of the 2024 election campaign to identify key changes occurring in the American electorate that reflect the degradation of the two-party political system. The authors examine current changes in the party preferences of various social groups that have emerged during the current election campaign, the significance of 'swing states' in a polarized political environment, and the programs of both political parties presented at respective national conventions this summer. The article analyzes the electoral shift between the parties, which began in 2016, and is likely to continue in the 2024 elections. At the center of this shift are two social groups – the white working

class and ethnic minorities – that have become the main focus of the struggle between Democrats and Republicans in the current elections. The authors come to the conclusion that the U.S. political system is gradually moving towards a search for a new equilibrium formula, elements of which are only beginning to appear in the current processes.

Keywords: *presidential election campaign, USA, bipartisanship, white working class, electoral shift, racial and ethnic minorities, swing states, independent electorate, party platforms.*

About the authors:

Anastasia A. BUNINA, Junior Researcher, Center for the North American Studies.

Aleksandra R. VOITOLOVSKAYA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Center for the North American Studies.

Victoria Yu. ZHURAVLEVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Deputy Director, Head of the Center for North American Studies.

Authors' contribution: *equal contribution of the authors to the collection of material, structuring and writing the text of the article.*

Competing interests: *no potential financial or non-financial interest was reported by the authors.*

Funding: *no funding was received for conducting this study.*

For citation: Bunina A.A., Voitolovskaya A.R., Zhuravleva V.Yu. Presidential Election 2024 in the USA: Electoral Shift in Biparty Crisis. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 3, pp. 12-26. DOI: 10.20542/afj-2024-3-12-26 EDN: ZCAXIE

ВВЕДЕНИЕ

К 1830-м годам, когда американские граждане присоединились к процессу избрания президента своей страны¹, выборная кампания в США стала особым общенациональным событием, направленным прежде всего на создание нужного эмоционального заряда у электората, укрепление чувства сопричастности среднего американца к тому, что происходит в его стране, на обновление образа “Мы – страна-народ”, который заложен в Конституции. Избирательная кампания президента занимает почти год, и за это время политика успевает проникнуть в жизнь обычного американца, наполнить ее особым смыслом, превратить рядового гражданина США из объекта в активного субъекта политического процесса. Это непростая задача, поскольку последние полвека американские граждане все больше разочаровываются в федеральной власти, уверенные, что национальные политики оторваны от их реальной жизни и неспособны сделать ее лучше.

Выборная кампания стала восприниматься как торжественный ритуал, в котором участвуют обе стороны – государство и общество. Разочарование электората и рутинизация

¹ Конституция США не предполагала всенародного избрания президента. Согласно ст. 2 Конституции президента избирает коллегия выборщиков. Каждый штат направляет в коллегия выборщиков соответственно числу своих представителей в Конгрессе. На сегодняшний день коллегия состоит из 538 выборщиков. Для победы кандидату достаточно набрать 270 голосов. Сам процесс избрания выборщиков Конституция не установила, также она умолчала о роли политических партий, которые впоследствии стали основными регуляторами этого процесса. В логике федеративного устройства США все функции, не закрепленные за федеральным правительством, относятся к ведению штатов. Поэтому процесс избрания выборщиков полностью определяется властями штатов и серьезно различается. На первых выборах в 1789 г. только в четырех штатах (Вирджиния, Делавэр, Мэриленд и Пенсильвания) выборщики избирались всенародно, в остальных они назначались или выбирались legislatures штатов. Процесс перехода к всенародному избранию выборщиков во всех штатах растянулся до 1830-х годов, самой последней к такому способу избрания выборщиков перешла Южная Каролина уже после окончания Гражданской войны в 1865 г. Единый день голосования – первый вторник, следующий за первым понедельником ноября, – был назначен Конгрессом только в 1845 г. В этот день граждане в своих штатах формально голосуют не за кандидата в президенты, а за его выборщиков, заявляя таким образом властям штата, за кого они хотят, чтобы голосовали выборщики штата. Но, по сути, это считается голосованием граждан за президента, и результаты выборов объявляются именно на этом этапе. Формально существует второй этап избрания – голосование самих выборщиков за кандидата. Оно происходит 17 декабря. Выборщики собираются в своих штатах и голосуют в соответствии с результатами всенародного голосования в каждом из штатов. В большинстве штатов действует принцип “победитель получает все” – кандидат, получивший большинство голосов граждан штата, получает голоса всех выборщиков штата. Математически число выборщиков подсчитывается сразу же после всенародного голосования. Правила партий не рекомендуют выборщикам голосовать вразрез с выбором граждан. Такие случаи в истории были единичными, они никак не меняли исход выборов, а сами выборщики, проголосовавшие вопреки решению граждан, дисквалифицировались и больше не имели возможности когда-либо выступать в этой роли.

избирательного процесса заставляют политическую элиту прикладывать еще больше усилий, задействовать новейшие технологии для вовлечения избирателей в этот многоступенчатый процесс. В последние десятилетия эти старания превратили избирательную кампанию в феерическое шоу национального масштаба, а события текущей кампании можно признать достойными голливудского сценария.

Между тем, если выйти за рамки целенаправленно создаваемого формата национального “развлечения” утомившегося и разочарованного электората, избирательная кампания, пусть и в гипертрофированном виде, проявляет наиболее острые социально-политические изменения в американской власти и обществе. Трансформационный характер современных социально-политических процессов в США признается большинством исследователей американистов, как в России, так и в самих Соединенных Штатах. Об их различных аспектах пишут: В.С. Васильев [1], Э.В. Кириченко [2], И.И. Курилла [3], В.О. Печатнов [4], В.В. Согрин [5], Н.М. Травкина [6], А.И. Абрамовитц [7], Р.П. Джонс [8], Р.Д. Патмэн [9], М. Фиорина [10], М.Дж. Хезерингтон и Т.Дж. Рудольф [11] и др.

Авторы данной статьи придерживаются эволюционного подхода к анализу американской политической системы, рассматривая текущие изменения как проявления очередного переходного этапа в ее развитии, в ходе которого в ответ на меняющиеся характеристики среды политические институты постепенно приобретают новые черты [12; 13].

Гипотеза предлагаемой работы состоит в том, что двухпартийность как ключевая характеристика американского политического процесса и политической системы переживает экзистенциальный кризис в результате социально-экономических изменений, которые происходят в США, начиная со второй половины XX в. Кризис двухпартийности усиливает идейную поляризацию политического процесса в Соединенных Штатах, которая, в свою очередь, подрывает баланс между компромиссом и конфликтностью, лежащий в основе развития американской политической системы [14]. Вследствие чего она постепенно переходит к поиску новой формулы равновесия, элементы которой только начинают проявляться в текущих, наблюдаемых нами в “прямом эфире”, процессах.

Цель работы состоит в выявлении идейных и социальных смещений в двухпартийной схеме, как на уровне партий, так и электората, которые могли бы объяснить специфику текущей избирательной кампании. Для достижения этой цели была поставлена задача проанализировать актуальные изменения в партийных предпочтениях различных электоральных социальных групп, выявившиеся по ходу текущей избирательной кампании, значимость “колеблющихся штатов” в поляризованной политической среде и программы обеих политических партий, представленные на национальных конвентах летом этого года.

Учитывая, что исследование проводится на анализе текущих событий, финализация которых не известна на момент написания работы, оно носит во многом эвристический характер. Авторы опираются на статистические данные, часть из которых (электоральные предпочтения и настроения граждан) быстро меняются по ходу кампании и могут еще измениться на момент публикации статьи. При этом авторы стремятся выявить в текущих событиях более или менее долгосрочные тренды социально-политических изменений и воздерживаются от краткосрочных прогнозов.

СОВРЕМЕННЫЙ “ПОРТРЕТ” АМЕРИКАНСКОГО ИЗБИРАТЕЛЯ

Несмотря на недовольство американских граждан своим федеральным правительством [15], в последние десятилетия явка на федеральные выборы растет и составляет в среднем 62–63%². Это хороший показатель для полностью децентрализованной, организованной партиями избирательной системы, в которой проголосовать не так уж просто. В стране фактически отсутствуют общенациональные

² Schaul K., Rabinowitz K., Mellnik T. 2020 Is the Highest in over the Century. *Washington Post*, 5.11.2020. Available at: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/elections/voter-turnout/> (accessed 11.07.2024).

правила и нормы, регулирующие выборные процедуры, кроме самых общих, прописанных в Конституции.

Прежде всего, в Соединенных Штатах нет центрального избирательного органа и сопутствующей системы автоматической регистрации избирателей, которая вносила бы гражданина в единую базу при получении обязательных документов, удостоверяющих личность. Для того, чтобы принять участие в выборах, гражданин США должен сначала официально стать избирателем, то есть зарегистрироваться в том штате, где он проживает на момент избирательной кампании. Каждый штат устанавливает свои порядки сроки регистрации. При этом большинство штатов требуют, чтобы регистрация избирателей завершалась за определенное время до дня голосования. Электронную реформу, позволяющую гражданам зарегистрироваться онлайн, провели лишь 17 из 50 штатов³. Также лишь незначительная часть штатов позволяет регистрироваться в день голосования. В итоге если гражданин сменил штат проживания или впервые участвует в выборах, он должен прийти на избирательный участок дважды, и в большинстве штатов сделать это нужно в рабочий день.

Такая процедура требует высокой политической лояльности и активности от граждан. Неудивительно, что по статистике каждый пятый американец никогда не регистрируется и не может участвовать в выборах⁴. Отсутствует в США и единая система досрочного голосования, также привязанная к предварительной регистрации. Это исключает из голосования еще в среднем 5–7% американцев⁵.

В США не разработан единый стандарт голосования по почте. Более того, он постоянно меняется от выборов к выборам. Например, в штатах Вашингтон, Гавайи, Колорадо, Орегон и Юта голосуют преимущественно по почте, а после пандемии COVID-19 число желающих голосовать именно этим способом в целом по стране достигло 65 млн человек⁶. Однако в ряде штатов такой способ по-прежнему допустим только в случае, если избиратель не может прийти на участок самостоятельно, при этом проконтролировать, что заполненный и отправленный бюллетень будет получен и учтен при подсчете голосов, очень сложно.

COVID-19 обеспечил миллионам избирателей возможность принять участие в выборах удаленно. Всего в 2020 г. проголосовало 158 млн человек⁷ – это 2/3 всех зарегистрированных избирателей, из них 100 млн голосовало досрочно либо по почте. Тогда это позволило ныне действующему президенту Дж. Байдену собрать 7 млн голосов и получить преимущество перед соперником – Д. Трампом – в 4.5%. Однако отсутствие единого стандарта, который к тому же технически предотвращал бы возможность злоупотреблений и мошенничества, представляет серьезную проблему. Республиканские штаты выдвигают претензии к надежности такого голосования, что может стать основанием для оспаривания результатов национальных выборов, как то имело место в начале 2021 г.

Кроме того, по причине слабой координации бюрократических институтов, списки избирателей часто подвергаются “чисткам”. Обычно это оправданные меры, связанные с переездом гражданина в другой штат или кончиной, однако иногда ошибочному удалению подвергаются пассивные избиратели, которые по той или иной причине

³ Elections in America: Concerns over Security, Divisions over Expanding Access to Voting. Pew Research Center. 29.10.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2018/10/29/elections-in-america-concerns-over-security-divisions-over-expanding-access-to-voting/> (accessed 11.07.2024).

⁴ Desilver D. Turnout in U.S. Has Soared in Recent Elections but by Some Measures Still Trails That of Many Other Countries. Pew Research Center. 01.09.2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/11/01/turnout-in-u-s-has-soared-in-recent-elections-but-by-some-measures-still-trails-that-of-many-other-countries/> (accessed 10.07.2024).

⁵ 2018 Voter Engagement Survey. PRRI/The Atlantic. 17.07.2018. Available at: https://www.prii.org/wp-content/uploads/2018/07/PRRI-The-Atlantic-2018-Voter-Engagement-Survey-Topline.pdf?utm_source=Democracy+Collaborative+at+ReThink+Media&utm_campaign=774f203b91-EMAIL_CAMPAIGN_2019_02_01_09_27&utm_medium=email&utm_term=0_3e305aa083-774f203b91-391816881 (accessed 10.07.2024).

⁶ Communication in Crisis. Navigator, 14.01.2024. Available at: <https://navigatorresearch.org/wp-content/uploads/2021/01/Navigator-Update-01.14.20.pdf> (accessed 10.07.2024).

⁷ Desilver D. Op. cit.

приняли решение не участвовать в голосовании. Так, после выборов 2016 г. из списков ошибочно исчезло порядка 17 млн человек⁸.

Изначальная децентрализация избирательной системы была усилена решением Верховного суда 2013 г. об отмене⁹ одной из статей Закона о гражданских правах 1965 г.¹⁰, согласно которой любое изменение в избирательном законодательстве штатов должно было одобряться Министерством юстиции США. Такое решение неизбежно привело к появлению новых практик, усложняющих голосование для расовых и социальных меньшинств, на защиту прав которых и был направлен Закон 1965 г.

Несмотря на перечисленные препятствия, выборы 2020 г. побили все рекорды явки с начала прошлого века – 66% американцев приняли в них участие¹¹. Во многом такую активность обеспечили кампании обеих партий в защиту американской демократии, своеобразной ключевой фигурой которой стал Д. Трамп. Однопартийцы Дж. Байдена боролись с ним как с основной угрозой демократии, а республиканцы – за него против всевластия федерального правительства под руководством демократов.

Помимо эмоционального подъема электората, выборы 2020 г. продолжили очень важный тренд на смещение электората между партиями, начало которому было положено в 2016 г., а ярким продолжением, по всей видимости, станут выборы 2024 г. Это смещение затронуло две социальные группы – белый рабочий класс¹² и расовые меньшинства. Первые традиционно были электоратом Демократической партии, однако процессы, вызванные глобализацией, и политика переноса производств за пределы США, продвигаемая и реализуемая демократами, серьезно изменили социально-экономический и политический статус этой части населения. К 2000-м годам она выпала из внимания политической элиты и превратилась в так называемый забытый электорат [16]. В 2016 г. Д. Трамп стал первым кандидатом в президенты, который вернул эту социальную группу в национальную политику, обеспечив таким образом Республиканскую партию новой для нее избирательной силой.

Демократы, на тот момент уже второе десятилетие строящие свои политические победы на “коалиции Обамы” – афроамериканцы, латиноамериканцы, молодежь и женщины, оказались не готовы к “воскрешению” своего бывшего электората. Но это возвращение не осталось без их внимания, и уже в 2020 г. Дж. Байдену удалось одержать победу именно потому, что к “коалиции Обамы” присоединилась часть белых представителей рабочих профессий, успевших разочароваться в Д. Трампе за четыре года его президентства.

Дж. Байден в 2020 г. получил на 3% больше голосов белых избирателей, нежели Х. Клинтон в 2016 г.¹³ Так, в 2020 г. наметилась новая демократическая коалиция в среде электората и новый тренд в межпартийной борьбе – перетягивание белого рабочего класса, который с особой силой проявился уже в кампании 2024 г. Демократы попытались усилить свои позиции среди этой социальной группы и компенсировать выход из кампании действующего президента, выбрав в пару к своему кандидату губернатора Миннесоты Т. Уолца – белого мужчину старшего среднего возраста, бывшего военнослужащего Национальной гвардии, школьного учителя географии и футбольного тренера. Республиканцы в свою очередь взяли в пару к Д. Трампу сенатора от штата Огайо Дж.Д. Вэнса, который регулярно напоминает о своем рабочем происхождении, не помешавшем ему получить степень доктора юриспруденции в Йельском университете.

⁸ Brater J., Morris K., Pérez M., Deluzio C. *Purges: A Growing Threat to the Right to Vote*. The Brennan Center for Justice at NYU School of Law. 20.07.2018. Available at: <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/purges-growing-threat-right-vote> (accessed 10.07.2024).

⁹ *Shelby County v. Holder*. Oyez. Available at: <https://www.oyez.org/cases/2012/12-96> (accessed 06.08.2024).

¹⁰ *Voting Rights Act of 1965*. National Archives. Available at: <https://www.archives.gov/milestone-documents/voting-rights-act> (accessed 12.07.2024).

¹¹ Desilver D. Op. cit.

¹² К категории “белый рабочий класс” в США, как правило, относят представителей белого населения неиспаноговорящего происхождения без высшего образования. Подробнее см. [16].

¹³ Igielnik R., Keeter S., Hartig H. *Behind Biden's 2020 Victory*. The Pew Research Center. 30.06.2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/06/30/behind-bidens-2020-victory/> (accessed 12.07.2024).

Изменения политических предпочтений второй фокусной группы – расовых меньшинств – также проявились уже в 2020 г., когда Д. Трамп неожиданно для демократов улучшил свои предыдущие показатели именно в этой, нетипичной для Республиканской партии, группе: на 7% среди избирателей азиатского происхождения, на 4% – у латиноамериканцев и на 1% – у афроамериканцев¹⁴. В 2024 г. демократы, “заменяли лицо” своей кампании с белого пожилого мужчины на женщину – представительницу расовых меньшинств, с целью вдохнуть новую жизнь в “коалицию Обамы” и вернуть себе доминирование среди афроамериканцев и латиноамериканцев.

Между тем за прошедшие с президентства первого афроамериканца годы настроения и предпочтения этой социальной группы несколько изменились. Во-первых, усиление левого крыла в Демократической партии сделало риторику и повестку партии слишком либеральной для религиозной части испаноязычного и афроамериканского населения, которые начали отдавать предпочтение правоконсервативным кандидатам от Республиканской партии. Во-вторых, молодые афроамериканцы перестают считать себя меньшинством, связанным какими-либо обязательствами с демократами. В процессе смены поколений доля чернокожих, увязывающих борьбу за свои права с усилиями Демократической партии, становится все меньше. Им на смену приходит более молодой электорат, который оценивает политиков обеих партий с точки зрения нынешних реалий и недоволен ими так же, как белое население. 85% чернокожих избирателей в возрасте до 35 лет считают, что демократы забывают про афроамериканцев, как только те отдадут за них свой голос, и лишь 55% уверены, что партия добивается прогресса в решении проблем, затрагивающих представителей этой расы¹⁵.

В 2020 г. изменения проявились и в настроениях других групп электората. Так, традиционно горожане активнее поддерживали демократов, а сельские жители – республиканцев. Но в 2020 г. 54% жителей пригородов проголосовали за Байдена¹⁶. Судя по данным опросов, это смещение продолжается и в текущей кампании¹⁷.

Меняются и гендерные предпочтения: в 2016 г. белые американки голосовали за Трампа¹⁸. Дж. Байдена в 2020 г. поддержало уже больше женщин, чем Х. Клинтон, однако 53% все же выбрали Трампа¹⁹. Выдвинув К. Харрис, демократы рассчитывают в том числе привлечь симпатии женщин. Уже через полтора месяца после замены кандидата они получили на 16% больше поддержки среди этой группы избирателей²⁰.

Наконец, меняется связка “уровень дохода – уровень образования” в электорате двух партий. Уровень получаемого образования меняет в сторону повышения экономического статуса избирателей Демократической партии, тогда как Республиканская все больше становится партией бедных слоев населения. Выпускники университетов по мере увеличения собственных доходов традиционно голосовали за республиканцев. Сегодня же граждане с высшим образованием выбирают демократов чаще тех, кто получил только среднее образование. Соответственно, у партии растет процент электората с высокими доходами. Одновременно бедные и особенно обедневшие за время постковидной рецессии граждане “дрейфуют” в сторону республиканцев, составляя единую группу с избирателями без высшего образования.

¹⁴ Igielnik R., Keeter S., Hartig H. Op. cit.

¹⁵ *Black Voices Poll: Poll of 1,000 Black Voters Nationwide*. Change Research. 18.02.2023. Available at: <https://changeresearch.com/black-voices-poll-of-1000-black-voters-nationwide/> (accessed 10.07.2024).

¹⁶ Thompson D. The Most Important Divide in American Politics Isn't Race. *The Atlantic*, 07.11.2020. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/11/2020-election-results-prove-density-destiny/617027/> (accessed 19.05.2024).

¹⁷ Cohn N. Where Harris Has Gained and Lost Support Compared with Biden. *New York Times*, 22.08.2024. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/08/22/upshot/kamala-harris-polling-groups.html> (accessed 22.08.2024).

¹⁸ *Gender Gap: Voting Choices in Presidential Elections*. The Center for American Women and Politics. Available at: <https://cawp.rutgers.edu/gender-gap-voting-choices-presidential-elections> (accessed 19.05.2024).

¹⁹ Cai S., Massey D. Pro-Harris Activism Tests Trump's Support Among White Women. *Axios*, 28.07.2024. Available at: <https://www.axios.com/2024/07/28/kamala-harris-trump-white-women-activism> (accessed 10.07.2024).

²⁰ Cohn N. Op. cit.

Такое межпартийное смещение электората вызвано одновременно экономическими и политическими факторами. В краткосрочном плане серьезным шоком для американского общества стала постковидная рецессия. Несмотря на небезуспешные усилия администрации Дж. Байдена по восстановлению экономики, борьбу с инфляцией и безработицей, общий уровень жизни среднего американца упал [17]. Существенная доля населения до сих пор ощущает себя беднее, чем в доковидные времена, несмотря на объективное улучшение экономических показателей. Ситуацию усугубляет долгосрочный тренд: под влиянием глобализации экономика США пережила серьезные структурные трансформации, полностью изменившие условия традиционного социального контракта, упрощенная формулировка которого – “следующее поколение живет лучше, чем предыдущее”. С конца 1980-х годов наблюдается стагнация медианного дохода среднего и рабочего классов²¹, оказавшихся наиболее уязвимыми перед лицом долгосрочных изменений и краткосрочных кризисов. Это неизбежно вызывает недовольство граждан и заставляет их менять политические предпочтения. Поскольку двухпартийная рамка предлагает “недовольному избирателю” ограниченный выбор, он просто переходит из одного лагеря в другой (от демократов к республиканцам) и обратно.

При этом партии, оставаясь частью идентичности избирателя [14], навязывают обществу свои ценностные картины мира, создаваемые ими в политических целях. Погоня политических партий за победой на выборах делает электорат заложником ценностной дихотомии, которая жестко разделяет не только политическую реальность, но и ценностно-культурную, раскалывая страну на два лагеря. Результатом становится общественная усталость от навязываемого противостояния и неэффективности системы, что приводит к численному росту независимого электората при одновременной консолидации двух групп радикальных сторонников каждой из партий.

Независимый или “колеблющийся” электорат в США представляет сегодня самую большую идейную группу (43%)²². Этот политически неангажированный электорат не доверяет ни одной из партий, но вынужден голосовать за их представителей, поскольку двухпартийная система не предоставляет другого выбора. Это делает партийные предпочтения различных групп более волатильными. Избиратели все чаще ориентируются на личность кандидата, а не на его партийную принадлежность, и склонны менять партию на каждых выборах.

ВЫБОРЫ, ИСХОД КОТОРЫХ РЕШАЮТ НЕСКОЛЬКО ШТАТОВ

Сочетание усиления партийной лояльности с одновременным ростом числа независимых избирателей приводит к тому, что американские выборы, во-первых, становятся борьбой лишь за определенную часть граждан, а во-вторых, имеют максимально непредсказуемый результат. В условиях двухпартийной системы страна с течением времени поделилась на штаты, традиционно голосующие за демократов или республиканцев. Периодически некоторые государственно-территориальные единицы меняли свою политическую окраску. Например, южные штаты с 1960-х годов постепенно из оплота Демократической партии превратились в правоконсервативную базу Республиканской. Этот масштабный переход положил начало современному разделению США на “красные” (республиканские) и “синие” (демократические) штаты.

Последние десятилетия 38 штатов стабильно голосуют за одну и ту же партию. При этом в ходе агитационной кампании кандидаты именно им уделяют меньше внимания. Поскольку решающим голосом обладают так называемые колеблющиеся штаты – те, которые на очередных выборах могут поменять свои предпочтения.

²¹ Desilver D. For Most U.S. Workers, Real Wages Have Barely Budged in Decades. The Pew Research Center. 07.10.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/08/07/for-most-us-workers-real-wages-have-barely-budged-for-decades/> (accessed 15.07.2024).

²² Bushard B. Voters Who Identify as Independents Skyrocket – as Democrats and Republicans Dwindle. *Forbes*, 12.01.2024. Available at: <https://www.forbes.com/sites/brianbushard/2024/01/12/voters-who-identify-as-independents-skyrocket---as-democrats-and-republicans-dwindle/> (accessed 19.05.2024).

Это далеко не новый феномен в политическом процессе США. Впервые партийную лояльность неожиданно сменил Огайо в 1860 г., а со второй половины XX в., в ответ на рост идейной целостности партий и расширение идейной же пропасти между ними, число колеблющихся штатов стало расти. С 1992 г. на каждых президентских выборах насчитывается несколько штатов, сменивших партийную окраску.

Однако в центре особого внимания такие штаты оказались с 2000 г., после первых в современной истории США “спорных выборов”, победителем которых стал республиканец Дж. Буш-мл. Тогда результаты были окончательно объявлены лишь после повторного подсчета голосов в штате Флорида, а первоначальный победитель – кандидат от Демократической партии Альберт Гор – был вынужден признать свое поражение.

С тех пор все внимание прогнозистов, политтехнологов и самих кандидатов приковано к неопределившимся штатам. В силу преобладания колеблющегося электората победа в них достигается разницей буквально в 1–2% голосов. В связи с этим 75% бюджета избирательной кампании расходуется на колеблющиеся штаты [18], поездки кандидатов начинаются и завершаются именно в них, и нередко претенденты на власть вообще не уделяют внимания лояльным штатам.

“Колеблющимися” штаты становятся прежде всего в силу демографических причин. Чаще всего это штаты демографически неоднородные и “подвижные” из-за межштатной миграции, то есть за период между выборами баланс между различными демографическими группами в них меняется. Электорат может почти поровну делиться между партиями, и тогда исход выборов решают независимые избиратели. Но в следующем цикле число сторонников одной партии может вырасти, и тогда штат резко сменит партийную аффилиацию. В следующем же электоральном цикле это соотношение может опять измениться. Данная демографическая специфика проявляется также в том, что во всех таких штатах контроль над органами власти разделен между двумя партиями. Этот фактор может служить маркером при определении возможных колеблющихся штатов в текущем избирательном цикле.

Каждый выборный год список колеблющихся меняется: его пополняет какой-либо “традиционно партийный” или покидает штат, давно получивший репутацию неопределившегося. Так, долгое время Огайо считался не просто колеблющимся, но прогнозным штатом – на протяжении многих лет кандидат, победивший в нем, становился президентом. Однако Д. Трамп сумел перевести его в число республиканских. Аналогично в 2016 г. за Трампом ушла в республиканский лагерь Флорида, которая в 2008 и 2012 гг. голосовала за демократа Б. Обаму. На сегодняшний день ее консервативные позиции не ставятся под сомнение, а растущее население и 30 голосов выборщиков серьезно усложняют демократам задачу победы на федеральных выборах.

В штатах, которые вошли в список колеблющихся после президентской кампании 2020 г. и автоматически рассматриваются такими в нынешнем году, решающую роль будут играть две упомянутые выше социальные группы избирателей – расово-этнические меньшинства и белый рабочий класс. Этот перечень составляют Аризона, Висконсин, Джорджия, Невада, Мичиган, Пенсильвания и Северная Каролина. Вместе они могут дать кандидату в президенты решающие голоса 93-х выборщиков. Каждому из этих штатов присуща своя специфика, приводящая его в ряды колеблющихся.

Традиционно республиканские Аризона и Джорджия в 2020 г. с минимальным перевесом избрали Дж. Байдена. Аризона – один из самых урбанизированных штатов страны, и жители ее городов все реже голосуют за республиканцев. Кроме того, в ней проживает много латиноамериканцев, которые пока еще в основном голосуют за демократов, хотя Трампу удалось перетянуть на себя часть этого электората. В 2020 г. Аризона стала одним из тех штатов, где Дж. Байден победил с минимальным перевесом (10 тыс. голосов), и это стало поводом для Д. Трампа оспорить результаты выборов. В итоге штат оказался в списке решающих для победы в 2024 г., и оба кандидата проявляют к нему повышенное внимание. Джорджия примечательна тем, что в ней проживает много консервативных евангелистов, но они “уравновешиваются” высокой долей социальных

групп, поддерживающих демократов, – афроамериканцами и избирателями с высшим образованием²³.

Северная Каролина постепенно становится колеблющейся, потому что сюда мигрируют люди с высшим образованием либеральных взглядов из Калифорнии в результате переноса оттуда высокотехнологичных предприятий²⁴. Это расширяет базу Демократической партии, которая ранее в этом штате была представлена в основном афроамериканцами. Поскольку такие изменения – процесс длительный, штат, скорее всего, останется в среднесрочной перспективе непредсказуемым.

Невада становится штатом с некоторым, пока слабым, демократическим преимуществом. В его социально-демографической картине – расово-этнические меньшинства, растущее число молодежи и большое количество профсоюзов, члены которых чаще всего голосуют за Демократическую партию.

Наконец, Мичиган, Пенсильвания и Висконсин – штаты с существенной долей именно фокусного электората обеих партий – рабочего класса. Пенсильвания наиболее интересна для кандидатов тем, что в демографическом плане она представляет собой наиболее точное отражение страны в целом: смешанное городское и сельское население, 12% афроамериканцев, средний душевой доход – 41 тыс. долл., 30% населения имеют высшее образование, 51% населения – женщины.

ПРОГРАММЫ ПАРТИЙ: НОВОЕ И НЕЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Для обеих партий сложность работы с колеблющимся электоратом заключается прежде всего в его неоднородности. Объединяет его только высокая степень недоверия к официальным институтам федеральной власти, в том числе к партиям [15]. По этой причине подобрать единую стратегию, эффективную для всех независимых избирателей, кандидатам практически невозможно. Одновременно нужно сохранить голоса избирателей традиционных. Поэтому политические лозунги кандидатов кампании 2024 г. – К. Харрис и Д. Трампа – очень разнятся в зависимости от того, перед какой аудиторией и в каком штате они выступают. Гибкость становится основным победным качеством как для демократов, так и для республиканцев. Это усвоил даже не склонный к компромиссам Д. Трамп, выступления которого в 2024 г. отличаются большим разнообразием и умеренностью, чем в 2020 г. С целью привлечения нетрадиционных для Республиканской партии слоев населения – молодых, образованных, обеспеченных, чернокожих и латиноамериканцев – Д. Трамп с приближением дня всеобщего голосования постепенно смягчает образ радикала, оставляя эту роль своему вице-президенту.

Стратегия К. Харрис также направлена на привлечение более умеренного электората. Для этого она, сохраняя верность демократической повестке, по отдельным вопросам высказывалась даже более смело, чем Дж. Байден (например, более открыто поддержала палестинских беженцев). При этом кандидат старается сбалансировать разные точки зрения, которые разделяют приверженцы партии. Выбранный ею имидж женщины-политика выглядит довольно гармоничным. Она подчеркнуто выступает в двух ипостасях: женщины и политика, не стесняясь быть женственной в одних ситуациях и жестким политиком в других. Подобная тактика заметно отличается от той, что придерживалась в кампании 2016 г. Х. Клинтон, пытавшаяся прежде всего быть политиком, нивелируя гендерную принадлежность.

Харрис не пытается работать на весь электорат, который нужен для победы, она делит эту задачу со своим будущим вице-президентом Т. Уолцем. Ее зона ответственности – темы, важные для американских женщин и расовых меньшинств: право на аборт, пенсионное

²³ Bacon P.Jr. How Georgia Turned Blue. *Five Thirty Eight*, 18.11.202. Available at: <https://fivethirtyeight.com/features/how-georgia-turned-blue/> (accessed 13.08.2024).

²⁴ Kamarck E., Keenan D. North Carolina's Emergences as a Swing-State Could Help Biden Win in November. *Brookings. Commentary*, 09.05.2024. Available at <https://www.brookings.edu/articles/north-carolinas-emergence-as-a-swing-state-could-help-biden-win-in-november/> (accessed 13.08.2024).

и медицинское страхование, забота о детях, матерях-одиночках, широкая социальная поддержка государством самых уязвимых слоев населения. Остальные вопросы она оставляет своему партнеру по предвыборной гонке. С учетом полной поддержки демократического истеблишмента и небывалых фандрайзинговых успехов²⁵ К. Харрис, такая тактика вполне может оказаться успешной.

В программных текстах проявить гибкость гораздо сложнее. Поэтому текущие программы кандидатов, составленные в традициях идейного противостояния партий, отражают уже устоявшуюся картину разделенной поляризованной страны, в которой одни отдают приоритет социальному государству, а другие пытаются сохранить капитализм образца времен “отцов-основателей”.

Программа демократов основывается на плане Дж. Байдена, разработанном на первые 100 дней его предполагавшегося второго срока. Этот план он успел анонсировать во время выступления в штате Мичиган в июне 2024 г.²⁶ Программа представляет собой традиционную повестку в духе “социального государства”, каким его видят и строят демократы в США в рамках собственной ценностно-культурной парадигмы. Многие обещания из экономического блока К. Харрис, безусловно, могут быть привлекательными для ее электората, но весьма утопичны с точки зрения их реализации в рыночной экономике страны. Например, она предлагает установить потолок цен на товары базовой потребительской корзины, закрепить цены на лекарства и ограничить рост арендной платы за жилье 5% в год.

Помимо этого, центральной темой демократической программы остается принятие федерального закона, который сделал бы неконституционным запрет абортов. В настоящее время этот вопрос находится в компетенции штатов. К. Харрис предлагает также расширить программы социальной помощи и медицинского страхования, повысить гарантированную на федеральном уровне минимальную заработную плату, обеспечить равную оплату труда женщинам и мужчинам, сохранить на постоянной основе налоговые вычеты для семей с детьми, родившимися в период пандемии, списать долги за медицинские услуги и, традиционно, повысить корпоративный налог²⁷.

Сложность в реализации объявленных обещаний связана с их принятием в Конгрессе, где из-за поляризации партий в последние годы “погибают” гораздо более консенсусные и менее противоречивые, а также необходимые обществу инициативы. Даже при идеальном сценарии, когда демократам удастся сохранить большинство в Сенате и вернуть себе Палату представителей, им вряд ли удастся преодолеть сопротивление парламентского меньшинства, которое будет традиционно затягивать споры о предмете законопроекта и предлагать несущественные поправки.

Во внешней политике демократы также придерживаются своей традиционной стратегии, подтвержденной в 2021–2024 гг.²⁸:

- опираться на дипломатию и военно-политические союзы;
- избегать втягивания страны в долгосрочные военно-политические конфликты;
- рационализировать оборонный бюджет, отдав приоритет инвестициям в технологии будущего;
- обеспечивать поддержку Израиля и Украины;
- противодействовать наращиванию китайского военного присутствия в Южно-Китайском море.

²⁵ Только за один месяц своего “преемничества” в роли нового кандидата от Демократической партии Харрис собрала 310 млн долл. Для сравнения, доля средств, собранных Трампом за тот же период, составила 139 млн долл. См.: *Harris Raised a Massive \$310 Million in July, As She Looks to Reset November's Race Against Trump*. Available at: <https://apnews.com/article/harris-fundraising-democrats-trump-fbc14aa926444b4f961f579c63811766> (accessed 10.08.2024).

²⁶ President Biden Previews His First 100 Days of Second Term. C-Span, 12.07.2024. Available at: <https://www.c-span.org/video/?c5123664/president-biden-previews-100-days-term> (accessed 10.07.2024).

²⁷ Luhbi T. Harris Proposes Raising Corporate Tax Rate to 28% to Help Pay for Campaign Promises. CNN, 19.08.2024. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/08/19/politics/harris-corporate-tax-rate-raise-proposal/index.html> (accessed 20.08.2024).

²⁸ *The Democratic Party Platform*. Available at: <https://democrats.org/where-we-stand/party-platform/> (accessed 10.07.2024).

Республиканская партия в преддверии общенациональных выборов опубликовала не менее популистский проект своей платформы²⁹. Его объем – всего 16 страниц (существенно меньше, чем 60-страничная версия 2016 г.), а стиль напоминает агитационный бюллетень с громкими обещаниями и привлекающими внимание заголовками. Содержательно эта предвыборная платформа представляет собой слегка переработанные инициативы Д. Трампа, с которыми он пришел в Белый дом в 2016 г.

Фирменный девиз Д. Трампа “Сделаем Америку снова великой” (*Make America Great Again*) теперь является официальным слоганом Республиканской партии, а идея о том, что современные Соединенные Штаты забывают о простых американцах, – центральной в программе.

Трамп по-прежнему обещает достроить заградительную стену вдоль южной государственной границы, призванную остановить поток нелегальных мигрантов в США, но в новой платформе, в отличие от его предыдущих обещаний, нет упоминаний о том, что проект должен осуществиться за счет Мексики. Вместо этого республиканцы обещают, что цена строительства будет “доступной”. Также в представленном тексте много внимания уделяется обещанию Трампа депортировать миллионы людей, не имеющих документов, позволяющих им проживать в США. Для этого планируется использовать полицию штатов. Вместо удостоверения личности в программе предлагается начать требовать от мигрантов подтверждение гражданства.

Республиканцы обещают вернуть рабочие места американцам в обрабатывающей промышленности, превратить США в производственную сверхдержаву, а также в крупнейшего производителя электроэнергии в мире. Они планируют обеспечить и сохранить право американцев на хранение и использование оружия, бороться с преступностью, особенно среди мигрантов, в том числе организованной в виде иностранных наркокартелей и бандитизма.

Некоторая нехарактерная ранее для команды Д. Трампа гибкость присутствует и в официальной программе. Прежде всего, из нее исчезли планы введения общенационального запрета абортов. Само слово “аборт” упоминается в документе лишь раз – в контексте прерывания беременности на поздних сроках. В отличие от программы 2016 г., где оно фигурировало 35 раз. Подчеркивается, вразрез с традиционной консервативной парадигмой республиканцев, что партия поддерживает процедуру экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и свободный доступ к контрацепции. Однако в программе также упомянуто, что 14-я поправка к Конституции³⁰ применима и к нерожденным детям, а значит, партия продолжает поддерживать полный запрет на аборты на уровне законодательств штатов.

Кроме того, согласно обновленной платформе, республиканцы более не намерены выступать за отмену программы медицинского страхования *Obamacare* и не планируют сокращать социальные программы *Social Security* и *Medicare*, а также повышать пенсионный возраст.

В экономических планах партии – меры, направленные на сохранение доллара в качестве мировой резервной валюты, победа над инфляционным кризисом, “борьба с излишними расходами”, а не сокращение госдолга, как в предыдущих версиях, сокращение налогов для американских рабочих (вместо повышения заработной платы), отмена налогов на чаевые, защита права на майнинг криптовалюты. Предлагается в целях снижения экономической взаимозависимости лишить Китай статуса “нации наибольшего благоприятствования”, который он получил в 2001 г. благодаря активной позиции США в этом вопросе, запретить гражданам КНР покупать недвижимость в США, поэтапно отказаться от импорта китайских товаров первой необходимости, поддержать повышение тарифов на товары, произведенные за рубежом.

²⁹ 2024 Republican Party Platform. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-republican-party-platform> (accessed 10.07.2024).

³⁰ 14-я поправка к Конституции США, принятая в 1868 г., гласит: “Все лица, родившиеся или натурализованные в США и подпадающие под их юрисдикцию, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают”.

В программе больше не упоминаются традиционный брак между мужчиной и женщиной, только его “святость”, запрет на транспереход и другие непопулярные у либеральных и умеренных избирателей инициативы. Однако есть предложение полностью прекратить финансирование школ, пропагандирующих критическую расовую теорию, радикальную гендерную идеологию и другой неприемлемый с точки зрения консервативных ценностей расовый, сексуальный или политический контент. В образовательных программах, согласно предвыборному документу, следует учитывать пожелания родителей. Республиканцы обещают защищать христианство и его ценности.

Гибкость предвыборной программы Республиканской партии и Д. Трампа, с характерными признаками популизма, однако, ярко контрастирует с программой “Проект 2025” (*Project 2025*)³¹, 900-страничным документом, подробно описывающим конкретные шаги будущего республиканского президента по реформированию госаппарата, федеральных министерств и ведомств, составленном в духе консервативной и ультра-религиозной повестки. Его разработал ряд правоконсервативных исследовательских центров во главе с ведущим республиканским мозговым центром “Фонд наследие” при участии сотрудников партийного аппарата и сторонников Д. Трампа. В прессе документ окрестили негласным “планом Трампа” из-за явных совпадений с опубликованной предвыборной программой Республиканской партии. При этом сам Трамп незадолго до Национального конвента Республиканской партии публично дистанцировался от “Проекта 2025” и в дальнейшем не упоминал о нем.

Этот текст показателен прежде всего с точки зрения правоконсервативных настроений, которые доминируют в Республиканской партии, и которые она поддерживает в своем базовом электорате. Маловероятно, что в случае победы Д. Трампа предложения и идеи, озвученные в “Проекте 2025”, будут буквально реализовываться исполнительным офисом президента. Но вектор движения следующей республиканской администрации уловить можно, и он в корне не совпадает с направлением развития, предлагаемым стране К. Харрис.

Традиционно базовые отличия двух партий состояли в роли федерального правительства в жизни граждан. Демократы с 1930-х годов XX в. стали заметно склоняться к необходимости расширения его социальной ответственности. Тогда как республиканцы сохраняли верность традиционному распределению полномочий: федеральное правительство занято лишь тем немногим, что ему определили по Конституции основатели американского государства – прежде всего распределяет и контролирует бюджет, регулирует торговые взаимоотношения между штатами и общается с внешним миром, защищая национальные интересы союза в целом. За минувшие столетия возможности и полномочия федерального правительства сильно расширились во многом в ответ на экономические и военные кризисы и на растущие потребности общества. Республиканцы рассматривают это расширение полномочий и ответственности как угрозу американскому образу демократии и свободы. Такие настроения всегда были характерны для правых консерваторов, поэтому в периоды их доминирования в Республиканской партии они звучат особенно настойчиво.

По мере усиления левого крыла демократов параллельно с усилением правого у республиканцев все более далекие друг от друга образы будущего страны предлагают партии своему электорату. Сегодня этот образ, в представлении правоконсервативных республиканцев, устремлен к Америке до времен Великой депрессии, до того, как демократические администрации начали постепенно выстраивать сеть социальных программ. В своем “Проекте 2025” они предлагают отменить практически все социальные пакеты, сократить число федеральных министерств, передав их полномочия властям штатов, и сделать сменяемой бóльшую часть чиновничьего аппарата. В свою очередь демократы предлагают образ Америки, напоминающий скорее европейские демократии с существенными социальными расходами и максимальной ответственностью государства за все сферы жизни граждан. Как показывают последние десятилетия растущего ценностного

³¹ *Mandate for Leadership: The Conservative Promise*. 2023. Available at: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf (accessed 10.07.2024).

раскола в обществе, оно к такому экзистенциальному выбору не особо готово и предпочло бы увидеть дополнительные альтернативы в представленной палитре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выборы президента для демократических политических систем – своеобразный регулярный “профосмотр” – показывают состояние всех ключевых характеристик жизнедеятельности системы: расклад политических сил, общественные настроения, социально-экономическую картину. В этом рутинном процессе как в зеркале отражаются все особенности политической системы. Выборы американского президента за внешней яркой мишурой организованного шоу также остаются важным диагностическим событием с точки зрения развития социально-политических процессов в стране.

В условиях блокирующей двухпартийности они становятся все более конкурентными и мало предсказуемыми, в отличие от практики конца прошлого века. На протяжении большей части истории США двухпартийная организация политического процесса выступала гарантом устойчивости и относительной предсказуемости политического развития страны. Две партии традиционно были достаточно адаптивными и гибкими, чтобы, с одной стороны, структурировать общество и власть, а с другой – оперативно реагировать на изменение настроений электората и социально-экономические трансформации. Также двухпартийность всегда считалась залогом поступательности развития политической системы и инструментом достижения и поддержания компромисса между институтами федеральной власти. Однако сами партии за многие десятилетия конкурентной борьбы за электорат привели общество и власть к такой острой идейной поляризации, что утратили свою основную стабилизирующую функцию. В этих условиях партии более не способны вырабатывать компромиссы, подрывая таким образом сам механизм развития политической системы.

Начиная с 2016 г. президентские выборы в США демонстрируют не только степень недовольства граждан неспособностью федерального правительства отвечать на новые и накопленные социально-экономические вызовы, но и серьезные изменения в политических предпочтениях отдельных групп электората.

Партии, увлеченные идеологической борьбой друг с другом, неожиданно столкнулись с двумя серьезными проблемами. С одной стороны, естественная смена поколений и структурные изменения в экономике в корне изменили партийные предпочтения традиционных групп электората. Смещение затронуло прежде всего две ключевые социальные группы – белый рабочий класс и расово-этнические меньшинства. С другой стороны, выстроенная ими идейно-ценностная дихотомия в рамках двухпартийности оказалась слишком жесткой для электората, который предпочел полностью отказаться от партийной идентичности. В попытках выйти из этой рамки американский избиратель предпочитает не выбирать между демократами и республиканцами, а принимать решения в конкретный момент времени, ориентируясь на текущую социально-экономическую ситуацию и личностные характеристики представленных кандидатов. В итоге группы традиционных лояльных избирателей перестали быть фокусом партийной борьбы, так как исход выборов зависит от настроений самой большой и самой непредсказуемой группы – независимых избирателей. Навязанная в целях электоральной борьбы поляризация перестает быть удобным инструментом структуризации общественных настроений для самих же партий. Новое поколение политической элиты, которое так же постепенно приходит на смену тем, кто создавал этот механизм электоральной борьбы, теперь фактически стоит перед необходимостью создания нового механизма, который позволил бы им сохранить двухпартийность и избежать коренной трансформации партийной модели. Однако долгосрочных ответов на этот вызов у партийных лидеров пока нет.

Президентская кампания 2024 г. так же, как две предыдущие, показывает, что партии в поисках ответа на запрос общества делают ставку на личность своих кандидатов и популистскую риторику, которые позволяют им привлекать колеблющийся электорат и побеждать. Между тем партийность американской политической системы состоит не только

в избрании президентов, но и в том, что политический процесс держится на умении партий договориться друг с другом. Двухпартийность традиционно снижала конкурентность и позволяла партиям быстрее вырабатывать общее решение. Однако она же привела к такой степени поляризации, которая делает конфликт непреодолимым препятствием на пути к реализации необходимых социальных изменений.

Популизм помогает кандидатам побеждать в сложных условиях поляризации, но он никак не способствует реализации второй важной функции партий – выработке и принятию консолидирующих решений в целях дальнейшего развития общества. Пока обе партии в своих программах предлагают совершенно разные проекты развития страны, в которых практически невозможно найти точек соприкосновения. Общество остается перед выбором между двумя крайностями, ни одна из которых его не устраивает. Двухпартийность на сегодняшний день не способна предложить американцам консолидированный образ будущего их страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Васильев В.С. Нарастающий кризис системы федеральных финансов США: дефолт откладывается, но не отменяется. *Международная экономика*, 2023, № 7, сс. 432-444. [Vasiliev V.S. Growing Crisis of the U.S. Federal Finance System: Default Delayed but not Canceled. *The World Economics*, 2023, no. 7, pp. 432-444. (In Russ.)] DOI: 10.33920/vne-04-2307-01
2. Кириченко Э.В. Растущий бюджетный дефицит и государственный долг США: оценки, проблемы и риски. *Международная экономика*, 2021, № 11, сс. 812-825. [Kirichenko E.V. Growing Budget Deficit and National Debt: Estimates, Problems, Risks. *The World Economics*, 2021, no. 11, pp. 812-825. (In Russ.)] DOI: 10.33920/vne-04-2111-01
3. Курилла И. *Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США*. Москва, Альпина Паблишер, 2024. 318 с. [Kurilla I. *Americans and All the Rest: Origin and Meaning of the U.S. Foreign Policy*. Moscow, Alpina Publisher, 2024. 318 p. (In Russ.)]
4. Печатнов В.О. США в тисках кризисов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 10, сс. 5-16. [Pechatnov V.O. America Gripped by Crises. *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no.10, pp. 5-16. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16
5. Согрин В.В. *Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Дж. Байдена*. Москва, Весь мир, 2022. 192 с. [Sogrin V.V. *American Bipartisanship. From George Washington to Joe Biden*. Moscow, Ves' mir, 2022. 192 p. (In Russ.)] DOI: 10.55604/9785777708632
6. Травкина Н.М. *США: Меняющийся алгоритм развития*. Москва, Весь мир, 2018. 264 с. [Travkina N.M. *Changing Algorithm of Evolution*. Moscow, Ves' mir, 2018. 264 p. (In Russ.)]
7. Abramowitz A.I. *The Disappearing Center: Engaged Citizens, Polarization and American Democracy*. New Haven, Yale University Press, 2011. 208 p.
8. Jones R.P. *The Hidden Roots of White Supremacy and the Path to a Shared American Future*. New York, Simon and Schuster, 2023. 400 p.
9. Putman R.D. *Our Kids: The American Dream in Crisis*. New York, Simon and Schuster, 2016. 400 p.
10. Fiorina M. *Unstable Majorities. Polarization, Party Sorting and Political Stalemate*. Washington, Hoover Institution Press Publication, 2017. 157 p.
11. Hezerington M.J., Rudolph T.J. *Why Washington Won't Work: Polarization, Political Trust and Governing Crisis*. Chicago, University of Chicago Press, 2015. 256 p.
12. Луман Н. *Эволюция*. Москва, Издательство Логос, 2005. 256 с. [Luhmann N. *Evolution*. Moscow, Logos, 2005. 256 p. (In Russ.)]
13. Easton D. *The Analysis of Political Structure*. New York, Routledge, 2024. 350 p.
14. Журавлева В.Ю. *Перетягивание каната власти: взаимодействие Президента и Конгресса США*. Москва, ИМЭМО, 2011. 163 с. [Zhuravleva V.Yu. *American Presidents and Congress in Tug-of-War for Power*. Moscow, IMEMO, 2011. 163 p. (In Russ.)]
15. Журавлева В.Ю. Левая дилемма Дж. Байдена и Демократической партии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 12, сс. 15-15. [Zhuravleva V.Yu. The Democratic Party and President Joe Biden Face to Rising Left-Wing Populism. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no.12, pp. 5-15. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-12-5-15
16. Богаевская О.В. Журавлева В.Ю. Белый рабочий класс США как основа электората Д. Трампа (кто они и что с ними будет дальше?). *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 11, сс. 5-14. [Zhuravleva V. Yu. Bogaevskaya O.V. The White Working Class as Trump's Electorate Base (Who Are They, and What Is Their Political Future After Trump?). *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no.11, pp. 5-14. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-5-14
17. Богаевская О.В., Борисова А.Р., Давыдов А.А., Десятски Е.А., Дмитриев С.С., Журавлева В.Ю., Кислицын С.В., Кулакова В.К., Чудинова К.О. Пандемия, протесты, протекционизм и президентские выборы в США в 2020 г. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 1, сс. 31-58. [Bogaevskaya O.V., Borisova A.R., Davydov A.A., Desyatsky E.A., Dmitriev S.S., Zhuravleva V.Yu., Kislitsyn S.V., Kulakova V.K., Chudinova K.O. Pandemic, Protests, Protectionism and Presidential Elections in the USA in 2020. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2021, no.1, pp. 31-58. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afj-2021-1-31-58
18. Shultz D.A., Jacob R., eds. *Presidential Swing States*. Lexington, Lexington Books, 2018. 430 p.

НА ПЕРЕПУТЬЕ: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СООБЩЕСТВА В ГЕРМАНИИ

© МАТЮХОВА Е.И., 2024

МАТЮХОВА Елизавета Игоревна, младший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (lizamat@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2782-4013

Матюхова Е.И. На перепутье: русскоязычные сообщества в Германии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 3, сс. 27-37. DOI: 10.20542/afij-2024-3-27-37 EDN: ZHUBGQ

DOI: 10.20542/afij-2024-3-27-37

EDN: ZHUBGQ

УДК: 323.1+325.1+327.8

Поступила в редакцию 14.12.2023.

После доработки 09.09.2024.

Принята к публикации 01.10.2024.

Цель исследования – выявление роли диаспор и диаспоральных миров в кризисный период в поддержании связей между принимающим и отправляющим обществами. В статье изучается этнокультурная группа российских немцев, вписывающаяся в более обширное понятие “русскоязычные сообщества”. На примере так называемых русских немцев в Германии автор предлагает рассмотреть структуру этих групп, обозначить особенности их восприятия властями и научно-экспертным сообществом ФРГ на основе анализа экспертных заключений, научных публикаций и различных материалов, опубликованных на сайтах государственных органов, и выделить основные тенденции поляризации в контексте меняющегося геополитического ландшафта. Исследование проводилось в рамках транснационализма, идентитарного и пространственного подходов с использованием категорий политического пространства, диаспоральной идентичности и транснациональных диаспор. Были детально рассмотрены политические инициативы и стратегии, разработанные Германией и Россией для обеспечения эффективного взаимодействия с русскими немцами. Автор пришла к выводу о том, что в обеих странах эти этнические сообщества переживают глубокий мировоззренческий кризис, вызванный, с одной стороны, политическими изменениями в мире, а с другой – отражением этих изменений в глобальном цифровом пространстве. Уникальный статус русских немцев, обусловленный их гибридной идентичностью, а также особенностями избирательного права ФРГ и Российской Федерации, представляет интерес как для ученых различных гуманитарных дисциплин, так и для практических политиков. Обе страны нередко рассматривают эту группу как инструмент для продвижения собственных идеологических конструктов, стремясь таким образом расширить сферу своего влияния. Однако в силу глубокого кризиса в отношениях между государствами уменьшается потенциал этих групп в приобретении роли некоего “коммуникационного моста”. Выводы статьи позволяют предположить, что налаживание доверительных контактов с русскоговорящими диаспоральными сообществами может стать важным стратегическим ресурсом в продвижении кооперативной повестки как в отдельных странах, так и в мире в целом.

Ключевые слова: Россия, Германия, диаспоральные миры, этнокультурные миры, диаспоры, соотечественники, русскоязычные сообщества, русские немцы, российская диаспора, гибридная идентичность, “коммуникационный мост”.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

AT A CROSSROADS: RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES IN GERMANY

Received 14.12.2023. Revised 09.09.2024. Accepted 01.10.2024.

Elizaveta I. MATIUKHOVA, (lizamat@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2782-4013,

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

This research seeks to elucidate the role of diasporas and diasporic worlds during periods of crisis between host and sending societies. The article examines the ethno-cultural group of Russian Germans, which is itself a subset of the broader category of Russian-speaking communities. Examining the case of Russian Germans in Germany, this paper investigates the group's internal structure, as well as its perception by German authorities and the academic community through an analysis of expert opinions, scholarly publications, and official government documents, the author also aims to explore the prevailing trends of polarization, particularly in light of recent geopolitical shifts. The study was conducted within the theoretical framework of transnationalism, identity, and spatial approaches, utilizing the analytic categories of political space, diasporic identity, and transnational diasporas. The policies enacted by Germany and Russia to foster engagement with the Russian-Germans were subjected to analysis. The author concludes that these ethnic communities in both countries are in a worldview crisis, precipitated by both geopolitical transformations and the reverberations of these changes within the global digital sphere. The distinctive status of Russian Germans, characterized by their hybrid identity, coupled with the specificities of the electoral laws of Germany and Russia, constitutes a subject of interest for both scholars across diverse humanitarian disciplines and practical politicians. Both states frequently instrumentalize this group to promote their ideological constructs, thus seeking to extend their spheres of influence. Nevertheless, the strained bilateral relations between the two nations are hindering the potential for these groups to serve as an effective communication bridge. The findings of this study suggest that cultivating strong relationships with Russian-speaking diaspora communities could serve as a valuable strategic asset in fostering collaborative initiatives on both national and international levels.

Keywords: Russia, Germany, diasporic worlds, ethno-cultural worlds, diasporas, compatriots, Russian-speaking communities, Russian Germans, Russian diaspora, hybrid identity, ‘communication bridge’.

About the author: Elizaveta I. MATIUKHOVA, Junior Researcher, Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Matiukhova E.I. At a Crossroads: Russian-Speaking Communities in Germany. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 3, pp. 27-37. DOI: 10.20542/afj-2024-3-27-37 EDN: ZHUBGQ

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция (СВО) на Украине поставила в центр внимания международного сообщества не только проблему эффективности санкционного давления, репутационных потерь сторон конфликта, но и продвижение так называемой культуры отмены как инструмента дискредитации политических или идейных оппонентов и демонизации образа “Другого”, постправды как новой формы взаимодействий в медийном пространстве [1; 2].

Безусловно, репутационные издержки способны сократить как материальные, так и нематериальные ресурсы внешней политики государства, негативно повлиять на международный имидж страны [3]. Западные международные рейтинговые агентства ожидаемо зафиксировали тенденцию снижения потенциала российской “мягкой силы”: например, Исследовательский центр Пью в проведенном среди 18 стран опросе выявил рекордно низкий уровень популярности России¹. В то же время консалтинговая компания *Brand Finance* в рейтинговом исследовании национальных брендов государств *Global Soft Power Index*, несмотря на исключение России из своего рейтинга и обнуление всех полученных результатов после февральских событий², выявила осенью 2021 г. существенное повышение эффективности ее “мягкой силы”: Российская Федерация поднялась с 13 места на 9 из 120 возможных, уступив лишь США, Великобритании, Германии, Китаю, Японии, Франции, Канаде и Швейцарии. Аналогичное исследование той же компании 2023 г. показало, что узнаваемость и влияние России выросли несмотря на то, что репутации страны был нанесен серьезный ущерб, который выразился, по мнению составителей индекса, в падении с 23 на 105 место³.

В это непростое для РФ время в контексте внешнеполитической пропаганды, политики “мягкой силы”, публичной дипломатии разработка эффективного взаимодействия с русскоязычными сообществами за рубежом представляется насущной необходимостью. В свою очередь на фоне геополитической турбулентности русскоязычные сообщества за рубежом сталкиваются с обострением идентитарных противоречий, что выражается в усилении их политической, культурной и социальной фрагментации. Такая ситуация создает вызовы для российских институтов, работающих с соотечественниками за рубежом, сужает спектр возможных форм взаимодействия с русскоязычными сообществами. Несмотря на существующие и проверенные временем практики взаимодействия с диаспоральными сообществами, их потенциал остается недостаточно реализованным [4]. Это объясняется, в частности, отсутствием глубокого анализа и учета специфических характеристик русскоговорящих сообществ, варьирующихся в зависимости от региона, страны, социально-демографических показателей, а также потребностей и возможностей государства и общества [4].

Учитывая возрастающий интерес научного сообщества к проблемам сравнительного страноведения в контексте изучения потенциала диаспор и диаспоральных миров как ресурса кооперационного международного взаимодействия, предлагаемое исследование предпринимает попытку выявления ключевых факторов, обуславливающих идентитарные сдвиги в русскоязычных сообществах современной Германии на фоне происходящих глобальных геополитических перемен. Исходя из актуальности проблемы, автор ставит перед собой задачу анализа причин нереализованного потенциала данных сообществ, прежде всего с точки зрения российских национальных интересов, рассматривая соответствующие политический и научный дискурсы, а также практики в двух государствах. Особое внимание было уделено теоретическому осмыслению терминологического аппарата, применяемого в отечественной науке при анализе феномена русскоязычной

¹ 3. *Ratings for Russia Drop to Record Lows*. Pew Research Center. 22.06.2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/22/ratings-for-russia-drop-to-record-lows/> (accessed 10.01.2023).

² *Global Soft Power Index 2022: USA Bounces Back Better to Top of Nation Brand Ranking*. Brand Finance. 15.03.2022. Available at: <https://brandfinance.com/press-releases/global-soft-power-index-2022-usa-bounces-back-better-to-top-of-nation-brand-ranking> (accessed 10.01.2023).

³ *Global Soft Power Index 2023*. Brand Finance. Available at: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2023-digital.pdf> (accessed 10.01.2023).

диаспоры. Особым этапом стало проведение количественного и качественного анализа численности и состава этих сообществ, проживающих в Германии, что позволило оценить масштабы и динамику исследуемых групп. Автор выделил основные факторы, обуславливающие трансформацию идентичности в этих сообществах, выявил, какие новые этнические, культурные и цивилизационные размежевания и разломы, противоречия и конфликты могут возникнуть в будущем.

В рамках исследования русскоязычного пространства, объединяющего людей, использующих русский язык в качестве средства коммуникации и идентификации, особую актуальность приобретает анализ исторически сложившейся группы русских немцев. Основываясь на синтезе пространственного и идентитарного подходов, автор предлагает рассматривать эту группу как уникальный феномен сложного транснационального пространства, находящегося на стыке различных культур, политических и социальных областей. В них аккумулируется значительный потенциал, который может быть эффективно задействован для усиления позиций “мягкой силы” государства на мировой арене. Такие диаспоральные сообщества имеют глубокие контекстуальные знания о стране происхождения и стране проживания, активно поддерживают транснациональные связи и обладают потенциалом формирования уникального нарратива об этих странах и их культуре, что способствует усилению их привлекательности на мировой арене.

ПОТЕНЦИАЛ ДИАСПОР В ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Растущая идеологическая поляризация в двусторонних российско-германских отношениях [5] сопровождается повышенным вниманием к русскоязычному населению Германии. Российские исследователи, акцентируя внимание на идентитарных связях, квалифицируют представителей русских немцев как “наших” немцев, наделяя эту группу функцией своеобразного коммуникационного моста, призванного усилить российское влияние и обеспечить стабильность взаимного интереса [6]. В ответ на дискриминационные меры в отношении русскоязычного населения после начала СВО российские власти предприняли комплекс мер по защите прав и интересов своих граждан, находящихся вне пределов национальной юрисдикции. Обновленная стратегия гуманитарной политики, представленная уже в сентябре 2022 г., постулирует культуру в качестве ключевого инструмента “мягкой силы”, способного нивелировать геополитические противоречия и формировать консолидирующую международную повестку. Особое внимание в документе уделяется роли человеческого капитала как фактора трансформации глобальной политической системы⁴.

В контексте наблюдаемого в последние годы значительного спада интенсивности культурных и образовательных связей между Германией и Россией в поле зрения немецких политиков, экспертного сообщества и научных кругов все чаще оказываются вопросы, связанные с особенностями положения и роли русскоязычного населения на территории Германии. На фоне возрастающей политически и социально-экономически мотивированной эмиграции из России ФРГ все более четко позиционирует себя в качестве привлекательного нового места жительства для российских граждан, выражающих оппозиционные взгляды. Формирующееся в этой стране сообщество российских политэмигрантов⁵ способствует закреплению за Германией статуса базы оппозиционных российских СМИ. Немецкие власти приняли целенаправленные меры по налаживанию прямого диалога с политическими активистами из России, проживающими на территории ФРГ [7]. Многочисленные фонды посредством реализации разнообразных программ и проектов, ориентированных на усиление “мягкой силы” государства [8] и “экспорт немецкой политической культуры” [9], играют существенную роль в достижении этих целей.

⁴ Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 “Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом”. Гарант. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/> (accessed 10.01.2023).

⁵ Domańska M. *Russian Civil Society Actors in Exile: an Underestimated Agent of Change*. SWP. 26.05.2023. Available at: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/89082/ssoar-2023-domanska-Russian_civil_society_actors_in.pdf?sequence=1&isAllowed=y&Inkname=ssoar-2023-domanska-Russian_civil_society_actors_in.pdf (accessed 10.01.2023).

В Германии признают, что российские немцы имеют “большое значение как для экономического развития ФРГ, так и культурно-экономического обмена с регионами своего происхождения”⁶. Отмечается, что они “обладают многими навыками межкультурного общения и являются идеальными послами мирного сосуществования”⁷. Уникальность Германии заключается также в том, что в государствах бывшего СССР в настоящее время проживают более 1 млн этнических немцев⁸. Федеральное правительство открыто заявляет о том, что такие люди являются “ценными строителями мостов” между ФРГ и территориальными соседями⁹, считая, что “в настоящее время немецкое меньшинство выполняет важную функцию культурного моста и помогает строить прочные сети и связи гражданского общества в бывших советских республиках”¹⁰.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СООБЩЕСТВА В ФОКУСЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ

Исследование феномена российских немцев предполагает необходимый предварительный анализ существующего понятийно-категориального инструментария на предмет адекватного описания и объяснения места этой группы в российском и германском обществе. Наличие в Германии многочисленного русскоязычного населения эмпирически обосновывает необходимость отказа от изолированного изучения исключительно российских немцев. Целесообразно интегрировать это этническое сообщество в более широкий контекст исследования так называемых русскоязычных сообществ.

В отношении русскоязычных сообществ в настоящее время в русском языке и лексиконе политической науки и практики используется огромный массив смежных терминов – “соотечественники”, “российская община”, “зарубежная российская община”, “русская диаспора”, “российская диаспора”, “российские соотечественники”, “русскоязычные”, “россияне”, “нация-партнер”, “русский мир”, “русское зарубежье” [10].

Наиболее популярным для обозначения этнической общности, проживающей за рубежом, является термин “диаспора”. Но следует ли использовать его для обозначения всех российских иммигрантов? Языковое родство, скрепленное общим историко-культурным и лингвистическим наследием Российской империи, Советского Союза и постсоветского пространства, стало фундаментом для консолидации российской диаспоры. Эксперты ООН применяют термин “рассеянные диаспоры” в отношении выходцев из РФ, отмечая, что в 2020 г. Россия занимала второе (после Индии) место по численности населения, проживающего за пределами государства, а именно 11 млн человек¹¹. По мнению российского специалиста в сфере демографической и миграционной политики С.В. Рязанцева, численность русского и русскоговорящего населения за пределами России составляет приблизительно 25–30 млн человек [11], а понятие “диаспора” не совсем верно применять ко всему этому многообразию, в частности, исходя из дисперсного проживания и отсутствия институциональных или организационных диаспоральных структур [11].

Учитывая эти особенности русскоязычного диаспорального мира, российские власти предложили термин “соотечественники”. Если диаспора предполагает наличие этнических границ, то новый термин – прежде всего политические и идеологические связи [12]. В широком смысле этот термин может относиться как к гражданам Российской Федерации,

⁶ *Kulturelle Angebote des Landes NRW für Russlanddeutsche, Aussiedler und Spätaussiedler*. Drucksache 17/4819. Landtag Nordrhein-Westfalen. 15.01.2019. Available at: <https://www.landtag.nrw.de/Dokumentenservice/portal/WWW/dokumentenarchiv/Dokument/MMD17-4819.pdf?sessionid=A7A70232A51988463D8C88FACD0D5F1C> (accessed 10.01.2023).

⁷ Künzel T. Nicht eine Identität, sondern viele. *Moskauer Deutsche Zeitung*, 01.07.2022. Available at: <https://mdz-moskau.eu/nicht-eine-identitaet-sondern-viele-interview-pawlik/?ysclid=ll99uuy3u119269521> (accessed 10.01.2023).

⁸ *Situation der deutschen Minderheit in der Ukraine und Russland*. Drucksache 20/6267. Deutscher Bundestag. 30.03.2023. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/062/2006267.pdf> (accessed 10.01.2023).

⁹ Ibid.

¹⁰ *Deutsche Minderheiten in den Nachfolgestaaten der ehemaligen Sowjetunion*. Deutscher Bundestag. 2022. Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/905884/88bb133282d31c8943b91705dea76fc1/WD-10-010-22-pdf-data.pdf> (accessed 10.01.2023).

¹¹ *International Migration 2020 Highlights*. The United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). Available at: <https://www.un.org/en/desa/international-migration-2020-highlights> (accessed 10.01.2023).

так и к этническим русским, а также русскоговорящим или русофонам [13]. Понятие “соотечественник” подразумевает «соединение “лояльности” к Российской Федерации как замены гражданства и “лояльности” к русской культуре как замены этнической принадлежности» [14]. Специалисты-международники отмечают, что изначально термин “соотечественники” трактовался широко для максимального охвата большого и разнообразного сообщества русскоязычных. В 2010 г. произошли изменения в трактовке термина, а именно его сужение. Причина таких изменений – отделение выходцев из Центральной Азии от “соотечественников” по “антииммигрантскому запросу националистически настроенной части российского истеблишмента” [15]. Сложилось мнение, что российские граждане, постоянно проживающие в так называемом дальнем зарубежье, в сравнении с лицами из стран “ближнего зарубежья”, не получают достаточного внимания от российских властей в силу геополитических ограничений и устаревшей институциональной инфраструктуры коммуникации с соотечественниками. Кроме того, данные российские граждане являются лишь «подкатегорией более широкой категории “соотечественников за рубежом”», что сказывается на отсутствии целевых мер именно в отношении этой группы [16].

В российском властном и научном дискурсах, помимо использования традиционных терминов “диаспора” и “соотечественники”, предлагаются и альтернативные. Российский дипломат и бывший директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России А.В. Чепурин предлагает использовать термин “русская община”, а в более широком плане – “соотечественники за рубежом” [10]. В свою очередь С.В. Рязанцев считает возможным заменить термин “русская (российская) диаспора” понятием “русскоговорящие сообщества” в силу объединяющего языкового фактора, неустойчивых и временных форм коммуникаций и разнообразия самих групп русскоязычных [11]. В данном исследовании автор оперировал именно этим понятием, считая язык приоритетным маркером идентичности, в том числе идентичности этнической.

Таким образом, не существует единого собирательного термина в отношении русскоязычных за рубежом. Понятийное разнообразие отражается в широком ряде терминов для практического применения. В президентском указе № 611 от 5 сентября 2022 г. “Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом”¹² используются такие термины, как “соотечественники”, “русская диаспора”, “русскоязычное население” и “русскоязычные пользователи”. Тем самым подчеркивается обширный характер планируемой деятельности, вовлекающий как русских (тех, кто имеет общее этническое происхождение и для кого русский язык является родным), так и другие этнические группы, говорящие по-русски.

ПОРТРЕТ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВ ГЕРМАНИИ

На конец 2022 г. в Германии проживало около 22.6 млн человек с “миграционным фоном”, как сейчас принято говорить в ФРГ¹³. Наиболее многочисленные группы составляют выходцы из Турции (1.5 млн), Украины (1.1 млн), Сирии (923 тыс.), Афганистана (377 тыс.), России (290 тыс.)¹⁴. Наибольшее число российских граждан среди стран – членов ЕС в 2023 г. проживало именно в Германии¹⁵. Несмотря на отсутствие четких статистических данных, число русскоязычных иммигрантов намного выше. Согласно данным микропереписи ФРГ, в 2021 г. в Германии проживало около 3.5 млн человек из постсоветских государств¹⁶, что составляет примерно 4% населения.

¹² Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611...

¹³ *Migration und Integration*. Destatis. Available at: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html (accessed 10.01.2023).

¹⁴ *Rohdatenauszahlung ausländische Bevölkerung. Ausländische Bevölkerung nach ausgewählten Staatsangehörigkeiten von 2016 bis 2023*. Destatis. Available at: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/rohdaten-auslaendische-bevoelkerung-zeitreihe.html> (accessed 10.01.2023).

¹⁵ *Russland: Anzahl der russischen Staatsbürger in den Mitgliedstaaten der Europäischen Union (EU-27) im Jahr 2023*. Statista. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/871772/umfrage/russen-in-den-laendern-der-eu/> (accessed 10.01.2023).

¹⁶ *Bevölkerung 2021 nach Migrationsstatus, Altersgruppen und Geschlecht*. Destatis. Available at: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Publikationen/Downloads-Migration/migrationshintergruendergebnisse-2010220217004.pdf?__blob=publicationFile (accessed 10.01.2023).

Русскоязычные сообщества за рубежом не являются единым и однородным этническим сообществом в силу различий в происхождении, культурной принадлежности, религии и миграционных мотивах. Законодательство ФРГ в их отношении разделяет следующие концептуальные конструкции и правовые статусы: российские трудовые мигранты, образовательные мигранты, беженцы и лица, ищущие убежища, брачные мигранты, так называемые контингентные беженцы еврейского происхождения (*jüdische Kontingentflüchtlinge*), репатрианты, иммигрировавшие в период с 1945 по 1993 г. (*Aussiedlerinnen*), “поздние” репатрианты, въехавшие после 1993 г. (*Spätaussiedlerinnen*). Переселенцы и “поздние” переселенцы для институтов различных ветвей власти в Германии – это “юридические конструкции, созданные политиками для правового регулирования приема и натурализации лиц и групп лиц, которые, хотя и имеют немецкое происхождение, представляют собой этническое меньшинство (второе по численности после турок) в Германии” [17]. Некоторые из вышеперечисленных групп получили немецкое гражданство и зачастую в отношении них трудно проводить статистические исследования. Понятие “русские (российские) немцы” не влечет за собой правового статуса и имеет несколько значений. Прежде всего этот собирательный термин используется в отношении потомков переселенцев, эмигрировавших из Германии в различные регионы Российской империи начиная с XVIII в.¹⁷ В более широком смысле он включает в том числе этнических немцев из постсоветских государств, проживающих сегодня в Германии, и этнических немцев, оставшихся в бывших республиках СССР¹⁸. В настоящее время в ФРГ находятся представители трех поколений этнических немцев из бывшего СССР и постсоветских стран: те, кто пережил депортацию в бывшем СССР, их дети и внуки, приехавшие в Германию в детском возрасте или родившиеся уже в этой стране.

Если говорить про Россию, то перепись 2021 г. показала, что в стране проживают 195 тыс. этнических немцев¹⁹, и эта группа населения существенным образом сокращается. На сайте Международного союза немецкой культуры указана численность в 500 тыс. человек, из которых 55 тыс. проживают в Центре и на Северо-Западе России, 95 тыс. на Урале, 85 тыс. в Поволжье и на Юго-Западе, 190 тыс. в Западной Сибири, 75 тыс. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке²⁰.

В интересах исследования к этому списку уместно отнести и выходцев из постсоветских стран, которые во многих случаях владеют русским языком. Историк Института исследования миграции при Университете в Оснабрюке (ФРГ) Янис Панагиотидис предлагает использовать понятие “постсоветские мигранты” как собирательный термин, охватывающий “различные группы населения из бывшего Советского Союза, не привязываясь к этнической принадлежности или языку”²¹.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИДЕНТИТАРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА

В контексте нынешних геополитических событий русскоязычные сообщества столкнулись с серьезными вызовами, которые вынуждают их переосмысливать свои мировоззрение и ценности. Утрата привычных ориентиров дестабилизирует языковую, этническую, политическую, культурную и другие самоидентификации индивида. Сложность положения усиливается внутренней дифференциацией и фрагментацией русскоязычных сообществ, обусловленной широким спектром факторов: от идейно-политических

¹⁷ *Russlanddeutsche in den Staaten der ehemaligen Sowjetunion*. Deutscher Bundestag. 2022. Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/887844/59aaf076253330e4bd436db354e2779/WD-2-008-22-pdf-data.pdf> (accessed 10.01.2023).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ В эту группу входят алеманны, амиши, баварцы, балтийские немцы, бужские голендры, волжские немцы, германские немцы, германцы, голендры, калмыцкие немцы, крымские готы, немцы поволжья, немцы России, остзейские немцы, поволжские немцы, польские немцы, померанцы, прусаки, пруссы, российские немцы, русские немцы, саксонцы, харбинские немцы, швабы. См. подробнее: *Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками*. Федеральная служба государственной статистики. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed 10.01.2023).

²⁰ *Российские немцы в РФ*. Международный союз немецкой культуры. Available at: <https://ivdk.ru/#rossijskie-nemcy> (accessed 10.01.2023).

²¹ Panagiotidis J. *Postsowjetische Migration in Deutschland*. Mediendienst Integration. Juli 2021. Available at: https://mediendienst-integration.de/fileadmin/Dateien/MDI_Expertise_Postsowjetische_Migration.pdf (accessed 10.01.2023).

предпочтений и социально-экономического статуса до привычек медиапотребления, степени социальной интеграции, религиозной принадлежности и этнических особенностей. В центре этих изменений находится такой динамичный конструкт, как идентичность, который в условиях неопределенности становится неустойчивым и хрупким. Каким образом политические конфликты влияют на процесс трансформации идентичности?

Мы становимся свидетелями глубинных изменений в восприятии самого русскоязычного сообщества, в котором маркером идентичности выступал именно русский язык. Будучи объединяющим фактором, он приобретает в настоящее время также и разъединяющие черты. Подобные перемены обусловлены прежде всего отходом на второй план национально-государственной идентичности и возрастанием фактора этнической принадлежности и проявляются в том, что все больше выходцев из СССР самоидентифицируют себя как украинцы, белорусы, казахи, киргизы и т.д.

В основе кризисных явлений внутри русскоязычного сообщества лежит политическое размежевание, вызванное в том числе информационным противоборством. Безусловно, большое значение в процессе поддержания социального климата и социальной безопасности любой страны имеет глобальное информационное поле. В этой среде механизмы и способы конструирования идентичности играют немаловажную роль, поскольку идентичность является той самой незаметной нитью, которая соединяет отправляющее государство со своими диаспоральными мирами. Будучи мощным фактором влияния на сознание человека, оно активно инструментализируется в качестве каналов формирования политического и диаспорального сознания, оказывая влияние на углубление социокультурных и мировоззренческих разрывов между членами диаспорального сообщества.

Появление виртуальных цифровых пространств трансформирует каналы получения информации, увеличивает их количество и разнообразие. Развитие социальных сетей позволяет русскоязычным оставаться на связи, создавать онлайн-сообщества, продвигать определенную повестку, подвергаться влиянию внешних сил. Например, популярный мессенджер *Telegram* становится пространством для консолидации единомышленников, где они, используя новостные каналы и чаты низовых сообществ, могут объединяться вокруг общих идей и даже сами конструировать дискурсы.

Усиление дискриминации – одно из негативных последствий протекающих событий. Многочисленные исследования свидетельствуют о системном игнорировании проблемы своеобразного расизма в отношении жителей Восточной Европы, которая в условиях украинского кризиса приобрела особую остроту²². Подобная среда создает препятствия для эффективного конструирования национально-гражданской идентичности. Она ограничивает возможности для открытого выражения своей культурной принадлежности и связи с историей родной страны.

Дискриминация становится стимулом для разработки новых методов борьбы с ней. Представители правительственных элит как в России, так и в Германии, озабоченные этой тенденцией, в своих публичных выступлениях призывают к прекращению подобных действий, демонстрируя свою заинтересованность в судьбе русскоязычных сообществ. Ярким примером такой поддержки со стороны немецких властей служит выпуск печатных изданий, посвященных положению русских немцев, проживающих в России. Особое внимание в данных публикациях уделяется вопросам изучения русского языка. Немецкие депутаты подчеркивают его ключевую роль как инструмента доступа к российскому обществу и его культуре²³. В информационном поле появляются и активно распространяются новые инициативы, направленные на помощь русскоязычному населению в Германии со стороны властей России. Среди них выделяется инициатива “Новые омичи”, предлагающая консультационные услуги по переселению желающих на родину.

²² *Livestream: Initiative Quorum – Das Antislawismus-Problem*. YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Jor3KJPMcww> (accessed 10.01.2023).

²³ *Situation der russischen Sprache in Deutschland in Zeiten des Ukraine-Krieges. Drucksache 20/8619. Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Sevim Dağdelen, Zalkin Nastić und der Fraktion DIE LINKE*. Deutscher Bundestag. 29.09.2023. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/086/2008619.pdf> (accessed 10.01.2023).

Проживающие в Германии соотечественники могут воспользоваться помощью созданной в 2022 г. и поддерживаемой фондом “Русский мир” некоммерческой организации, которая занимается предотвращением дискриминации и изоляции русских немцев, а также русскоязычных сограждан в Германии (Ассоциация по предотвращению дискриминации и изоляции российских немцев и русскоязычных сограждан в ФРГ, VADAR). Одним из ее соучредителей является член парламентской фракции в Бундестаге партии “Альтернатива для Германии” (АдГ) и представитель ее парламентской группы по делам русскоязычных немцев и русскоязычных сограждан, политик русского происхождения Евгений Шмидт. Приверженцы политического курса российских властей продемонстрировали свою консолидацию и организовали ряд публичных демонстраций в виде автомобильных и мотоциклетных кортежей по всей Германии.

Значительные противоречия наблюдаются в особенности среди русских немцев, где прослеживается поколенческий конфликт. Процесс смены поколений поставил в повестку вопросы самоидентификации молодежи. Во многом причины этого кроются в привязанности и лояльности старшего поколения к старой родине и их эмоционально-психологической связи. Социализируемая в иной среде современная молодежь имеет иные ценностные установки и предпочтения. На этом фоне поднимаются вопросы о терминологической полезности термина “русские немцы” в общественных дискуссиях. Ставится под сомнение само прилагательное “русский”, поскольку многие из молодых людей теряют связь с родиной своих предков. Происходит процесс смены нарратива от интеграционной проблематики к теме имиджа переселенцев, их роли в формировании общественного мнения и в политике Германии.

Исследование феномена межпоколенческого разрыва продемонстрировало его конфликтную составляющую, обусловив потребность в разработке стратегий интеграции этой группы в немецкое общество. В ответ на этот запрос экспертным и научным сообществом проводятся различные мероприятия, посвященные вопросам поколенческих конфликтов²⁴. Издаются аналитические материалы, например, Фондом Конрада Аденауэра²⁵. Ряд немецких газетных и журнальных изданий, к примеру, *Welt**, уже предлагают многоязычные материалы и субтитры, специально разработанные для интеграции старших поколений²⁶.

В условиях становления Германии в качестве “страны иммиграции” возрастает значимость политического представительства различных этнических групп, в том числе русскоязычного населения. Несмотря на автоматическое получение гражданства и права голоса, русские немцы в 1990–2000-х годах не рассматривались как значимая электоральная группа. Исторически сложившаяся тенденция дистанцирования русских немцев от политической деятельности обуславливает их низкое представительство в высших эшелонах власти. Слабая вовлеченность русских немцев в политическую жизнь ФРГ объясняется комплексом причин: автоматическим получением гражданства, дестимулирующим активную позицию, непропорциональной системой выборов по партийным спискам, отсутствием прямого представительства, а также непродолжительным периодом проживания (25–30 лет) в Германии и, следовательно, недостаточным социальным капиталом²⁷.

Согласно исследованию *Mediendienst Integration*, в 2012 г. выходцы из стран бывшего СССР (в основном поздние переселенцы) были представлены в Бундестаге и ландтагах лишь двумя депутатами (1.8%). Однако в последние годы происходят видимые изменения.

²⁴ *Generationenkonflikte und Identitätsfragen in Zeiten des Angriffskrieges. Podiumsdiskussion*. Youtube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Sgx6XJChQsU&t=40s> (accessed 10.01.2023).

* Деятельность организации признана Минюстом РФ нежелательной на территории Российской Федерации.

²⁵ Klauser N. *Russlanddeutsche im Generationenkonflikt*. Konrad Adenauer Stiftung. 2022. Available at: <https://www.kas.de/documents/252038/7442725/Russlanddeutsche+im+Generationenkonflikt.pdf/ac0e3f1b-b63a-4844-a2ce-ff3075c96109?version=1.0&t=1649845307544> (accessed 10.01.2023).

* Деятельность организации признана Минюстом РФ нежелательной на территории Российской Федерации.

²⁶ Klauser N. Op. cit.

²⁷ Панагиотидис Я. Русскоязычные избиратели в Германии – кто они? *Quorum*, 03.05.2019. Available at: <https://www.initiative-quorum.org/ru/details/wer-sind-die-russischsprachigen-waehlerinnen-in-deutschland-2284.html> (accessed 10.01.2023).

К 2021 г. их число выросло до 14 (6.4%), став второй по численности группой иммигрантов после выходцев из Турции²⁸. В 2013 г. в Бундестаг был впервые выдвинут русский немец Хайнрик Цетрик – председатель сети переселенцев в партии ХДС²⁹. Помимо него, в Бундестаге в последующие годы председательствовали политики, в том числе имеющие российско-еврейское происхождение. После выборов 2021 г. число представителей русских немцев значительно возросло: например, Натали Павлик (СДПГ), Евгений Шмидт (АдГ), Отти Кляйн (ХДС). Новое поколение русских немцев все активнее участвует в политической деятельности, занимая важные посты в государственных органах. Натали Павлик, родившаяся в России, сейчас занимает должность Уполномоченного правительства ФРГ по делам переселенцев и национальных меньшинств, “открывая двери для российско-германских проблем”³⁰. В связи с геополитической напряженностью³¹ немецкие эксперты подчеркивают высокий уровень ответственности нового уполномоченного и возлагают на него большие надежды³².

Согласно общественной организации, Международному конвенту российских немцев, если в ФРГ проживает предположительно 4 млн человек, то из этого следует, что российские немцы могут рассчитывать на 35 мандатов в немецком Бундестаге. Учитывая активизацию этой группы в политическом процессе и обострение отношений между Россией и Западом, немецкие партии усиливают внимание к русскоязычному электорату³³. В ряде федеральных земель, таких как Бавария, эту тенденцию поддерживают, позиционируя русских немцев как важную составляющую общества и надеясь на увеличение ее представительства в ландтагах³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геополитическая напряженность стала фактором усугубления внутренних противоречий в среде русских немцев в Германии. Происходит трансформация мировоззренческих установок, обусловленная сменой поколений. Молодежь, имея отличные ценности, ориентиры и видение будущего, меняет вектор своего развития и сообществ в целом. Обострение межгосударственных отношений, с другой стороны, стимулирует разработку более эффективных подходов к взаимодействию с соотечественниками за рубежом и создает возможности для более активного участия русскоязычных сообществ в жизни как принимающей, так и родной стран.

В силу своей разобщенности русские немцы в Германии на данный момент не являются эффективным коммуникационным мостом между двумя странами. Вместе с тем использование потенциала этой группы и необходимость ее поддержки со стороны обеих стран может способствовать налаживанию диалога. С учетом геополитических вызовов, Германия и экспертное сообщество страны проявляют повышенный интерес к изучению русскоязычного населения. Рост численности и политической активности русскоязычных актуализирует вопросы общественной безопасности и электоральной динамики. В этой связи важной задачей для России является укрепление связей и создание надежных коммуникационных каналов с русскоязычными сообществами за рубежом.

²⁸ Wüst A.M., Bergmann H. *Repräsentation von Menschen mit Einwanderungsgeschichte in deutschen Parlamenten*. Mediendienst Integration. 2023. Available at: https://migrant-integration.ec.europa.eu/system/files/2023-05/MDI_Expertise_Politische_Repraesentation.pdf (accessed 10.01.2023).

²⁹ Ibid.

³⁰ Jordan J. Natalie Pawlik: Türöffnerin für Russlanddeutsche. *Vorwärts*, 13.04.2022. Available at: <https://vorwaerts.de/artikel/natalie-pawlik-tueroeffnerin-russlanddeutsche> (accessed 10.01.2023).

³¹ Kohler T. Natalie Pawlik wird neue Aussiedlerbeauftragte. *Migazin*, 14.04.2022. Available at: <https://www.migazin.de/2022/04/14/aussiedler-minderheitenpolitik-natalie-pawlik-spd/> (accessed 10.01.2023).

³² Ibid.

³³ На федеральных выборах 2021 г. 30% русских немцев заявили, что проголосовали за СДПГ, 28% – за Зеленых, 20% – за ХДС / ХСС, 6% – за АдГ, 2 – за Левых. См. подробнее: Schroeder W., Drolshagen L. Putins Verbündete in Deutschland? *Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*, 04.06.2022. Available at: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/putins-verbuendete-in-deutschland-3469-1/> (accessed 10.01.2023).

³⁴ Göll W. Wichtiger Teil Bayerns. *Bayernkurier*, 05.02.2018. Available at: <https://www.bayernkurier.de/inland/31481-wichtiger-teil-bayerns/> (accessed 10.01.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' mir, 2023. 512 p. (In Russ.)]
2. Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни. *Полит. Политические исследования*, 2022, № 5, сс. 88-98. [Chugrov S.V. Cancel Culture in World Politics: Historical and Philosophical Roots. *Polis. Political Studies*, 2022, no. 5, pp. 88-98. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07
3. Прохоренко И.Л., Алешин А.А. К вопросу оценки внешнеполитического потенциала государств в прогнозных исследованиях. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 3, сс. 12-22. [Prokhorenko I.L., Aleshin A.A. To the Issue of Assessing States' Foreign Policy Potential in Forecasting Studies. *Analysis & Forecasting. IMEMO Journal*, 2019, no. 3, pp. 12-22. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afj-2019-3-12-22
4. Рязанцев С.В. Государственная политика России по взаимодействию с русскоговорящими сообществами за рубежом: подходы, противоречия, пути совершенствования. *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*, 2018, № 4-5, сс. 1-13. [Ryazantsev S.V. Russian State Policy on Interaction with Russian-Contracting Communities Abroad: Approaches, Contradictions, Ways of Perfection. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, 2018, no. 4-5, pp. 1-13. (In Russ.)] DOI: 10.26653/2076-4685-2018-4-5-01
5. Белов В.Б. Углубление кризиса отношений Германии с Россией в 2023–2024 гг. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2024, № 1 (37), сс. 5-16. [Belov V.B. Deepening Crisis in Germany's Relations with Russia in 2023–2024. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2024, no. 1 (37), pp. 5-16. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran12024516
6. Стрельцова Я.Р. Новая русская диаспора: заложники или "фактор влияния"? *Мировая экономика и международные отношения*, 2006, № 2, сс. 119-126. [Streltsova Ya.R. New Russian Diaspora: Hostages or 'Factor of Influence'? *World Economy and International Relations*, 2006, no. 2, pp. 119-126. (In Russ.)]
7. Соколов А.П., Панков Е.С. Подходы правительства ФРГ к российским активистам в Германии после 2022 г. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2023, № 33 (3), сс. 124-136. [Sokolov A.P., Pankov E.S. German Government Approaches to Russian Activists in Germany After 2022. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2023, no. 33 (3), pp. 124-136. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran32023124136
8. Тимошенко Е.П. Государство и гражданское общество: особенности немецкого подхода. *Современная Европа*, 2023, № 3, сс. 118-130. [Timoshenkova E.P. State and Civil Society: Peculiarities of the German Approach. *Contemporary Europe*, 2023, no. 3, pp. 118-130. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708323030105
9. Погорельская С.В. "Тихие институты" (спорные аспекты внешне- и внутриполитической деятельности фондов ФРГ). *Мировая экономика и международные отношения*, 2003, № 9, сс. 23-30. [Pogorelskaya S.V. 'Silent Institutions' (Controversial Aspects of Foreign and Domestic Political Activities of German Funds). *World Economy and International Relations*, 2003, no. 9, pp. 23-30. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2003-9-23-30
10. Чепурин А.В. Зарубежный русский мир: община или диаспора. *Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 5, сс. 108-113. [Chepurin A. Foreign Russian World: Community or Diaspora. *World Economy and International Relations*, 2009, no. 5, pp. 108-113. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2009-5-108-113
11. Рязанцев С.В. Русские за границей: существует ли русская диаспора? *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*, 2016, № 5, сс. 3-10. [Ryazantsev S.V. Russian Abroad: There Russian Diaspora? *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, 2016, no. 5, pp. 3-10. (In Russ.)]
12. Molodikova I. Russian Policy Towards Compatriots: Global, Regional and Local Approaches. Nikolko M.V., Carment D., eds. *Post-Soviet Migration and Diasporas: From Global Perspectives to Everyday Practices*. Cham, Palgrave Macmillan, 2017, pp.143-161. DOI: 10.1007/978-3-319-47773-2_10
13. Byford A. The Russian Diaspora in International Relations: 'Compatriots' in Britain. *Europe-Asia Studies*, 2012, no. 64 (4), pp. 715-735. DOI: 10.1080/09668136.2012.660764
14. Tkach O. Cultural or Political Diaspora: Approach of the Russian Federation. Weinar A., ed. *Emigration and Diaspora Policies in the Age of Mobility*. Cham, Springer, 2017, pp. 139-155.
15. Ареева В.Д. Global Russians как российская "мягкая сила". *Россия в глобальной политике*, 2022, т. 20, № 1, сс. 91-106. [Ageeva V.D. Global Russians as Russian 'Soft Power'. *Russia in Global Affairs*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 91-106. (In Russ.)] DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-91-106
16. Prokhorova A. Diaspora Policies, Consular Services and Social Protection for Russian Citizens Abroad. Lafleur J.-M., Vintila D., eds. *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 3)*. Cham, Springer, 2020, pp. 263-276. DOI: 10.1007/978-3-030-51237-8_15
17. Düvel C. Die russische Diaspora in Deutschland. Düvel C., ed. *Transkulturelle Vernetzungen*. Wiesbaden, Springer, 2016, pp.113-133. DOI: 10.1007/978-3-531-93357-3_4

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА В АФРИКЕ)

© ПОДШИБЯКИНА Т.А., КАМАРА С., 2024

ПОДШИБЯКИНА Татьяна Александровна, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии.

Южный федеральный университет, РФ, 344006 Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42 (tapodshibyakina@sfnu.ru), ORCID: 0000-0002-2689-8387

КАМАРА Сиди, соискатель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Республика Мали, г. Бамако.

Южный федеральный университет, РФ, 344006 Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42 (sidicamara1980@yahoo.fr), ORCID: 0009-0004-4338-4363

Подшибякина Т.А., Камара С. Постколониальный дискурс: теория, методология и практика применения (на примере этнополитического сепаратизма в Африке). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 3, сс. 38-49. DOI: 10.20542/afij-2024-3-38-49 EDN: EDXBFH

DOI: 10.20542/afij-2024-3-38-49

EDN: EDXBFH

УДК: (323+325.8+327.8+303)+(6)

Поступила в редакцию 18.08.2024.

После доработки 01.10.2024.

Принята к публикации 10.10.2024.

Цель данной работы заключается в исследовании возможностей теории постколониального дискурса Э. Саида и ее методологии для разработки основных принципов концепта этнополитического сепаратизма в африканских странах постколониального периода. Научное направление постколониальных исследований, к которому она относится, в настоящее время изучает ряд актуальных проблем, обусловленных воспроизведением идей колониализма в различных формах. Предмет исследования – положения теории постколониального дискурса, имеющие значение для описания понятия “постколониальное” для применения на практическом уровне. Установлено, что к сохранившим свою актуальность можно отнести концепции презентации (Э. Саид), амбивалентности (Г. Спивак), культурного “третьего пространства” (Х. Баба). Проведен критический анализ развития теории постколониального дискурса на материале франкофонных исследований для описания проявления колониальных стереотипов в постколониальных контекстах, а также их отражения в современных внешнеполитических стратегиях Франции и реализации в практиках поддержания африканского этнополитического сепаратизма. Дана оценка роли ведущих французских писателей, ученых и общественных деятелей в развитии теории постколониального дискурса. Предложена периодизация становления франкофонных исследований, известных под названием “Французской библиотеки”, приведены краткие характеристики каждого из трех этапов, начиная с 90-х годов XX в. Особое внимание уделено концепции деконструкции Ж. Дерриды, В-И. Мудимбе, А. Мбембе. На примере французской внешней политики рассмотрены дискурсивные практики и формы деконструкции стереотипов колониализма в постколониальную эпоху. Описаны стратегии и способы вмешательства бывшей метрополии в политические

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

дела независимых африканских государств региона Сахель, поддерживающие этнополитические конфликты. Проведенный анализ позволил утверждать, что этнополитический сепаратизм в свете теории постколониального дискурса необходимо рассматривать в контексте особого культурного пространства, где сочетаются модернизм и архаика, демократия и автократия, колониальное и постколониальное. Показано, что “постколониальное” имеет амбивалентный характер, проявляющийся в бинарности идентичности и смешении идей конструктивизма и примордиализма. Выявлен потенциал теории постколониального дискурса и соответствующей методологии, позволяющий применять ее концепты для исследования практик постколониального этнополитического сепаратизма.

Ключевые слова: ориентализм, теория постколониального дискурса, этнополитический сепаратизм, деконструкция, идентичность, франкофонные постколониальные исследования.

Вклад авторов: Подшибякина Т.А. – теоретико-методологическая концепция исследования, редактирование текста; Камара С. – участие в написании текста по темам французских постколониальных исследований и политики Франции, концептуализация понятия “постколониальный этнополитический сепаратизм”.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

POSTCOLONIAL DISCOURSE: THEORY, METHODOLOGY AND PRACTICE OF APPLICATION (ON THE EXAMPLE OF ETHNOPOLITICAL SEPARATISM IN AFRICA)

Received 18.08.2024. Revised 01.10.2024. Accepted 10.10.2024.

Tatyana A. PODSHIBYAKINA, (tapodshibyakina@sfedu.ru), ORCID: 0000-0002-2689-8387, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation.

Sidy CAMARA (sidicamara1980@yahoo.fr), ORCID: 0009-0004-4338-4363, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation.

The purpose of this work is to study the possibilities of the postcolonial discourse theory by E. Said and his methodology for developing the basic principles of the concept of ethno-political separatism in postcolonial African countries. The scientific direction of postcolonial studies, to which it belongs, is currently studying a number of topical problems caused by the reproduction of the ideas of colonialism in various forms. The subject of the study is the provisions of the theory of postcolonial discourse, which are important for the description of the concept of ‘postcolonial’ for the practical application. It is established that those concepts that remain relevant are as follows: concept (E. Said), ambivalence (G. Spivak) and cultural ‘third space’ (H. Bhabha). A critical analysis of the development of the theory of postcolonial discourse on the basis of Francophone studies was carried out to describe the manifestation of colonial stereotypes in postcolonial contexts, as well as their reflection in modern foreign policy strategies of France and implementation in the practises of maintaining African ethno-political separatism. The role of leading French writers, scientists and public figures in the development of the theory of postcolonial discourse is assessed. The periodisation of the formation of Francophone studies known as the ‘French Library’ is proposed, brief descriptions of each of the three stages, starting from the 90s of the 20th century, are given. Particular attention is paid to the concept of deconstruction of Zh. Derrida, V-I. Mudimbe, A. Mbembe. Using the example of French foreign policy, discursive practises and forms of deconstruction of stereotypes of colonialism in the

postcolonial era are considered. The strategies and methods of interference of the former metropolis in the political affairs of the independent African states of the Sahel region, supporting ethnopolitical conflicts, are described. The analysis made it possible to argue that ethnopolitical separatism in the light of the theory of postcolonial discourse should be considered in the context of a special cultural space where modernism and archaicism, democracy and autocracy, colonial and postcolonial are intertwined. It is shown that the 'postcolonial' has an ambivalent character, manifested in the binary identity and the mixing of the ideas of constructivism and primordialism. The potential of the theory of postcolonial discourse and the corresponding methodology is revealed, allowing to apply its concepts to study the practises of postcolonial ethnopolitical separatism.

Keywords: *orientalism, postcolonial discourse theory, ethnopolitical separatism, deconstruction, identity, francophone postcolonial studies.*

About the authors:

Tatyana A. PODSHIBYAKINA, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science.

Sidy CAMARA, Post-Graduate Student, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Southern Federal University, Republic of Mali, Bamako.

Contribution of the authors: *Podshibyakina T.A. – theoretical and methodological concept of the research, editing of the text; Camara S. – participation in writing the text on the topics of French postcolonial studies and French politics, conceptualization of the notion of 'postcolonial ethnopolitical separatism'.*

Competing interests: *the authors declare no conflict of interest of a financial or non-financial nature.*

Funding: *the authors declare no external funding.*

For citation: Podshibyakina T.A., Camara S. Postcolonial Discourse: Theory, Methodology and Practice of Application (on the Example of Ethnopolitical Separatism in Africa). *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 3, pp. 38-49. DOI: 10.20542/afj-2024-3-38-49 EDN: EDXBFH

ВВЕДЕНИЕ

Тема колониализма приобрела актуальность для современной России в новой геополитической ситуации в контексте формирования отношений со странами Глобального Юга. Пытаясь сдержать рост авторитета России как признанного лидера борьбы за полицентричный мир, политические элиты Запада причислили ее к странам-колонизаторам, подразумевая политику Российской империи относительно народов ее национальных окраин и современную российскую национальную политику на постсоветском пространстве. "С другой стороны, колониальный дискурс не направлен исключительно против России. Он стал инструментом дискурсивной силы в мировой политике и средством публичной дипломатии и внешнеполитической пропаганды в борьбе за региональный порядок в бывшем Втором мире и, в частности, на высококонкурентном постсоветском пространстве..." [1, с. 80].

Постколониальность признана одним из самых больших вызовов современности. От политической науки ожидают переосмысления проблем колониализма, деколонизации, постколониальных отношений. Есть запрос на разработку новой политической теории деколонизации [2], а также методологии исследования и прогнозирования развития стран Глобального Юга, некогда освободившихся от колониальной зависимости. Востребована также интеграция постколониальной теории в широкую социальную программу исследований, вырабатывающую современные теоретические подходы к решению острых социальных проблем неравенства, бедности, ограниченности доступа к получению знаний и информации. Парадигма постколониального дискурса значительно расширяется за счет появления нового понятия постколониального сознания [3, с. 123]. Ответы на вопрос о причинах сохранения колониализма в новых формах нужно сейчас искать в области

духовной сферы жизни общества и решать проблемы “деколонизации знаний и политики” в бывших колониях.

Страны Африки в настоящее время осуществляют “постколониальный цивилизационный транзит”, предполагающий переход “от роста сепаратизма, ослабления и деградации национальных государств к преобразованию переходных процессов африканской постколониальности в сравнительно устойчивый макрорегиональный цивилизационный транзит, способный преодолеть или ослабить в исторической перспективе тенденции политического и религиозного раскола, этнического сепаратизма” [4, с. 10]. “Постколониальный дискурс (дискурс-анализ) применительно к странам Африки можно рассматривать, с одной стороны, как продолжение, а с другой стороны – как альтернативу колониальному дискурсу” [5, с. 40].

Цель данной работы заключается в анализе возможностей теории постколониального дискурса и ее методологии в исследовании проблем этнополитического сепаратизма. Полученные выводы позволят разработать принципы постколониального концепта этнополитического сепаратизма и рассмотреть дискурсивные практики его реализации на примере взаимоотношения Франции и африканских стран, некогда находившихся от нее в колониальной зависимости.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА: СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

“Они не могут представлять себя, их должны представлять другие” [6]. Эдвард Саид, основоположник теории постколониального дискурса, этим эпиграфом к своей знаменитой работе “Ориентализм” выразил суть этого понятия. Он утверждает: “Восток (*Orient*) – это почти всецело европейское изобретение...” [6, с. 7]. Ориентализм – теория постколониального дискурса, позволяющая проводить исследование процессов, посредством которых цивилизованный “Запад” конструировал “Восток” и продолжает оказывать влияние на страны в постколониальный период. В значении дискурсивной практики «“ориентализм” чаще всего воспринимали как своего рода голос поработенных (обездоленные всего мира вдруг заговорили), нежели как мультикультуралистский и одновременно критический анализ власти, использующей знание для расширения своего влияния» [6, с. 519].

Теория постколониального дискурса, иногда отождествляемая с постколониальной теорией как таковой, представлена работами его основателей: американско-палестинского историка английской литературы и музыковеда Эдварда Саида, американского исследователя индийского происхождения Хоми Баба, американки индийского происхождения Гаяти Спивак. Постколониальный дискурс как самостоятельное научное направление своим становлением обязан также трудам Ф. Фанона, Э. Сеззра, А. Мбембе, Л. Сенгора, К. Нкрумы, А. Мемми, К. Аппиа, Р. Чоу. Предтечей теории является ранний антиколониальный дискурс мыслителей стран Третьего мира второй половины XX в. К.Л.Р. Джеймса, Дж. Падмора, К. Нкрума, Д. Кеньятта, А. Кабрала, С. Бико, А. Сиванандана.

Понятие “постколониальный дискурс” этимологически связано с понятием “колониальный дискурс”, однако в определенном смысле сконструировано как антитеза ему [4, сс. 40-42]. Идейным содержанием постколониального дискурса являются пересмотр и переоценка колониального периода истории некогда поработенных народов. В этом значении он рассматривается как часть процесса деколонизации социального и гуманитарного знания [7, с. 22]. В основе методологии его изучения лежит “дискурс-анализ трудов основоположников постколониальной теории и вклада в ее развитие ученых индийского и африканского происхождения” [8, с. 9]. С точки зрения понимания связи с политическими практиками важен тезис Э. Саида о том, что “... тексты могут порождать не только знание, но и саму описываемую ими реальность. Со временем такое знание и такая реальность создают традицию, или то, что Мишель Фуко называл дискурсом...” [6, с. 147].

Постколониальный дискурс как методология испытал сильное влияние идей модернизма, французской школы дискурс-анализа (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида),

постфрейдизма (Ж. Делез, Ж. Лакан). Наиболее заметный след оставили концепция власти-знания Мишеля Фуко [9] и концепция деконструкции Жака Дерриды [10]. Если идеи М. Фуко помогли сформулировать понятие дискурса как ключевое в теории постколониального дискурса и принцип конструирования власти, то концепция Ж. Дерриды включает метод деконструкции понятий колониализма. У М. Фуко дискурс рассматривается как система утверждений, позволяющая познавать мир, помогающая доминирующим политическим группам формировать “поле истины”, навязывать определенные знания и ценности. Те, у кого есть власть, контролируют то, что известно, и то, как это известно. А те, у кого есть такие знания, имеют власть над теми, у кого их нет. Именно в этом смысле Э. Саид рассматривал колониальный дискурс как способ сохранения власти Запада над Востоком, “как комплекс знаков и практик, которые организуют социальное существование и социальное воспроизводство в рамках колониальных отношений” [11, с. 37], как способ конструирования Другого для реализации господства Запада.

Э. Саид в традиции дискурс-анализа использовал концепты презентации и репрезентации для критики принципов ориентализма, “согласно которым Восток все равно не в состоянии говорить (презентировать) сам за себя, и он нуждается в том, чтобы за него говорили (репрезентировали его) другие — прежде всего европейская наука” [6, с. 547]. Средством репрезентации Э. Саид называл язык как высокоорганизованную кодированную систему. Репрезентация альтернативна презентации, поскольку содержит сконструированные субъектом образы. “Даже порабощенные (*subaltern*) могут заговорить, как это красноречиво показывает история освободительных движений в XX веке” [6, с. 518]. В области постколониальных исследований нет сегодня более “последовательного или болезненного” спора, чем спор о репрезентации, считает Н. Лазарус. Вопрос репрезентации поднимается в трех основных темах в постколониальной науке: во-первых, относительно порабощенных и массового сознания; во-вторых, относительно критики европоцентризма и колониальной идеологии; в-третьих, (расширение и радикализация второй) относительно деконструкции “западного” *ratio* и его дискурсов [12, с. 81].

Постструктурализм исследует вопросы о том, как действует власть и через какие каналы она действует в обществе [13]. Постструктуралистское определение дискурса Ж. Дерриды (“Все есть дискурс”) находит применение в исследовании постколониальных практик как способ противостояния колонизаторам посредством деконструкции концептов, ориентированных на Запад. С. Гиканди выделяет две группы исследований постколониальных обществ: конкретные условия, в которых возник и функционировал колониализм, а также роль деколонизации как специфического нарратива освобождения [14]. Дискурс в постструктуралистском понимании является способом противостояния колонизаторам посредством деконструкции западно-ориентированных концептов, это специфический нарратив освобождения, считает С. Гиканди. Концепция деконструкции Ж. Дерриды имеет гораздо более неопределенный статус в сравнении с концепцией власти-знания Фуко.

Важнейшими в постколониальных исследованиях являются понятия расы, этнической принадлежности, этнической идентичности [15]. Х. Баба в работе “Нация и наррация” [16, с. 4] рассматривает нацию, используя термин амбивалентность для описания неоднозначности явления. Амбивалентность понятия нации Х. Баба связывает с двойственностью, присущей ее языку и идеологии. Нация как “форма повествования (наррации)” у него представлена текстовыми стратегиями, метафорами, подтекстами, имеющими свою историю [16, с. 2]. Он ссылается при этом на высказывание Э. Саида: “...нация как форма культурного развития (в грамшианском смысле) является средством амбивалентного повествования, которое удерживает культуру в ее наиболее продуктивном положении, как силу подчинения, дробления, распространения, воспроизводства, а также производства, созидания, принуждения, руководства” [17, с. 171]. Г. Спивак, применяя идеи структурализма, также находит ряд концептуальных пересечений в колониальных и постколониальных исследованиях и выражает их через понятие амбивалентности. Амбивалентность идей позволяет “представителям неевропейских этнорасовых сообществ интерпретировать постколониализм применительно к своему опыту иначе, чем западные исследователи” [8, с. 8].

Рассмотрим далее развитие теории постколониального дискурса на материале франкофонных исследований для выявления колониальных стереотипов в постколониальных контекстах, а также их отражения в современных внешнеполитических стратегиях Франции и реализации в практиках поддержания африканского этнополитического сепаратизма.

“ФРАНЦУЗСКАЯ БИБЛИОТЕКА”: ОСОБЕННОСТИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ФРАНЦИИ

В начале XXI в. в условиях нарастающей глобализации начался поиск новых альтернативных подходов к оценке постколониализма [18]. В данной работе предполагается рассмотреть французское, менее изученное направление, оценить роль французских писателей, ученых и общественных деятелей в развитии постколониальных исследований. Валентин-Ив Мудимбе ввел понятие “колониальной библиотеки” для понимания артикуляции и способов передачи колониальных дискурсов. Постколониальная библиотека, ее преемница, – результат интеллектуальной деятельности выдающихся ученых Л. Сенгора, В.И. Мудимбе, К. Нкрумы, К. Виреду, А. Мазруи, А. Мемми, Т. Фалола, А. Иреле, С. Гиканди, К. Аппиа, А. Мбембе, Д. Мойо. Прочтение произведений “Французской библиотеки” помогает лучше понять современные отношения между Францией и ее бывшими колониями.

Постколониальные исследования, начиная от зарождения у истоков колонизации и до середины 80-х годов XX в., являются преимущественно британскими. Отличительной чертой становления постколониальных исследований во Франции является их более поздняя институционализация по сравнению с британскими, ставшими к тому времени отдельной областью знаний. М.А. Маджумдар в книге “Постколониальность: французское измерение” констатирует значительные расхождения между англоязычным и франкоязычным подходами к постколониальному периоду [19]. Несмотря на это отставание, ряд парадигм французского направления заняли доминирующее положение в дискуссиях по проблемам постколониализма. К таковым в первую очередь можно отнести теорию “креолита”. Следует уточнить, что к произведениям “постколониальной библиотеки”, как художественным, так и философским, относят прежде всего произведения, написанные самими африканцами. Однако интерес представляют и публикации теоретического характера, изданные во Франции.

Первый этап становления постколониальных исследований во Франции содержательно связан с идеями движения за деколонизацию. Франкофонные исследования, известные под названием “Французская библиотека”, получили развитие с 90-х годов XX в. Инициаторами дискуссий в обществе по проблемам колониализма стали франкоязычные писатели Франц Фанон, Эме Сезер, Альбер Мемми и Жан-Поль Сартр, позднее известность получили Эдуар Глиссан, Лейла Себбар, Мариз Конде, Франц Фанон. Всех их, более известных как мыслителей деколонизации, относят к первой волне постколониальной мысли Франции [20]. Для постколониальных исследований Африки не утратили своего значения идеи об “отверженности колониального интеллектуала” Ф. Фанона, концепции негритюда (самобытности негроидной расы) Э. Сезера и афроцентризма – социокультурной парадигмы о центральном положении Африки в мировой истории и культуре.

Франц Омар Фанон (1925–1961) – французский писатель, вдохновитель французских новых левых и движения за деколонизацию в Третьем мире, признан выдающимся теоретиком постколониальных исследований. Найджел К. Гибсон в работе “Живой Фанон: глобальные перспективы” [21], подводя итог влияния его идей на различные научные направления за 50-летний период после ухода из жизни, раскрыл перспективы их использования в будущем. Одной из таких уникальных и парадоксальных идей наследия Ф. Фанона является постколониальная трактовка пространства. Э. Соджи и Б. Хупер называют Ф. Фанона одним из первых мыслителей “пространственности культурной политики”. Х. Баба, развивая идеи Ф. Фанона, предложил концепцию гибридного “третьего пространства”, где “все происходит вместе” во “всеобъемлющей одновременности” [21].

Второй этап постколониальных исследований во Франции ведет отсчет с начала XXI в. и включает не только литературное, но и научное направление. Отправной точкой

называют 2006 г. – дату проведения конференции, организованную Школой перспективных исследований в области социальных наук (франц. *École des hautes études en sciences sociales, EHESS*) под руководством Мари-Клод Смаутс [22]. Дискуссия по проблемам постколониальных исследований продолжилась на страницах журналов *Hé rodote, Labyrinthe* и *Mouvements*. В них оспаривалась сама необходимость движения научного сообщества в этом направлении, итоги теоретических дискуссий были обобщены в работах Жана-Лу Амсея, Жана-Франсуа Баяра, Ива Лакоста, Нила Лазаруса. Д. Коэн, Э. Дорлин, Д. Николаидис, М. Рахал, П. Саймон предлагают такое объяснение французского постколониального поворота: “постколония” (определение, которое дал камерунский философ, политический теоретик и общественный деятель Ахилл Мбембе) пережила колониализм и увековечила его в обновленных формах [23].

М. Амин Брахими и М. Идир одной из причин столь позднего появления **научного направления** постколониальных исследований во Франции считают прежде всего отсутствие теоретических пересечений у него с франкоязычной социологией. Можно даже сказать, что в основе взаимных непонимания и даже отрицания друг друга изначально лежал, с одной стороны, политический радикализм борцов за деколонизацию, а с другой стороны, – традиционный европоцентризм социальных наук. Однако парадигмальный раскол оказался еще глубже, чем казалось на первый взгляд. Дж. Го указывает на нерелевантность позитивизму социальной науки постколониальных исследований как культурологического направления [20].

Н. Бансель, признавая критическое восприятие постколониальных исследований во Франции, все же выделил несколько обсуждаемых тем, находящихся в центре внимания французских авторов. С одной стороны, имеет место провозглашение “цивилизаторской миссии” Франции, с другой стороны, признается, что “приватизация универсального приводит к исключению колонизированного Другого” из истории, власти. Особо следует отметить, что постколониальные исследования во Франции вновь “открыли пространство взаимодействия” между бывшими метрополией и колониями [24] в рамках многих современных тем. О постколониальных проблемах отношений Франции и ее бывших колоний писали такие авторы, как Л. Крисман, Ч. Форсдик, Д. Мерфи. В публикациях Паскаля Бланшара, Николя Бансея, Сандрин Лемэр представлены различные аспекты постколониальной политики Франции. А. Буржо, В. Бодей, Г. Шозаль, Ф.-Ж. Фреланд, М. Раффре, Е. Клодо-Хавад, П. Бойле посвятили свои работы причинам возникновения этнических и этнополитических конфликтов в Африке.

Новыми теоретиками называют “франкоязычных писателей” африканского происхождения Альбера Мемми и Патриса Нгананга. В то время как для доминирующей постколониальной критической мысли колониализм не только не исчезает, но и постоянно изобретает себя заново в других (нео)колониальных формах, А. Мемми и П. Нгананг обновляют представление постколониальной реальности, показывая, что гегемония и подчинение больше не являются продуктом только “европоцентризма” и других “этноцентризмов”, а возникают именно в результате политики идентичности, поощряющей инаковость и различие в сравнении с Другими. Надежды дальнейшего развития постколониальных исследований во Франции связывают с их объединением с социальной наукой в рамках новой постколониальной социальной науки. Джулиан Го в книге “Постколониальная мысль и социальная теория” призывает к “третьей волне” постколониальной мысли, “выходящей из социальной науки и преодолевающей узкие рамки дисциплинарных границ” [20].

Мохамед Амин Брахими и Мулуд Идир находят теоретическое и эпистемологическое пересечение постколониальных исследований и социальных наук в предметных областях идентичности, расизма, империализма и глобализации, универсализма. Авторы считают, что постколониальные исследования “держат нас в курсе распространенности колониального явления в культурной, академической и политической практике”, “помогают лучше понять социальную реальность Юга, несмотря на любые европоцентристские предрассудки” [25]. Историк Ив Гунен, давая оценку постколониальным французским исследованиям, называет их инновационными для французского научного сообщества. Суть новаций – отказ от “линейного нарратива современности, в котором Европа всегда олицетворяет авангард по отношению к странам Третьего мира” [26].

Прием **деконструкции** несет важную методологическую нагрузку в исследовании темы постколониального этносепаратизма, хотя непосредственно в большинстве случаев она не составляет предмет анализа теории постколониального дискурса. Каково содержание понятия деконструкции в постструктуралистском понимании и каков эвристический потенциал ее применения в качестве методологии исследования? Предложенное Ж. Дерридой как способ анализа текста в работе “О грамматологии” понятие деконструкции в настоящее время обрело несколько иных значений [27]. Р. Янг утверждает, что “деконструкция подразумевает децентрализацию и деколонизацию европейской мысли” [28, р. 18]. Н. Ройл понимает деконструкцию как “метод критического анализа, применяемый, в частности, к литературным текстам, который, подвергая сомнению способность языка адекватно представлять реальность, утверждает, что ни один текст не может иметь фиксированного и стабильного значения и что читатели должны искоренить все философские или иные предположения при подходе к тексту” [29, р. 1]. Э. Пирен приводит более узкое определение деконструкции как перечитывание/переписывание постколониальных понятий бинарности, гибридности, амбивалентности [30].

В.И. Мудимбе проблемы деконструкции выражает посредством термина *reprendre*, означающего “перечитывание и переписывание” как Африки, так и Запада. Изначально В.И. Мудимбе использовал термин *reprendre* по отношению к современному африканскому искусству, чтобы обозначить как акт возвращения к чему-то, что было прервано (буквально *re-prendre*), так и оценку “инструментов”, имеющихся в нашем распоряжении, но также и для обозначения третьего, промежуточного критического размышления между этими двумя значениями [31]. Г.Д. Ямб считает, что и деколонизация знания в творчестве В.И. Мудимбе – это философское исследование, которое разворачивается через триаду конструирования-деконструкции-реконструкции, опирающееся на три неразрывных, неразделимых и взаимозависимых вида деятельности, а именно колонизацию-деколонизацию-постколонизацию [32].

Особый интерес для изучения практик национально-освободительных движений имеют некоторые сюжеты работы А. Мбембе “О постколонии”. Понятие “постколония” у него обозначает общества, недавно вышедшие из опыта колонизации и насилия. Это особая система знаков, особый способ изготовления симулякров или переформирования стереотипов. А. Мбембе пишет: “Политическая сила постколониальной мысли заключается в ее вовлеченности в историческую социальную борьбу колонизированных обществ и, в особенности, в ее переосмыслении теоретической практики того, что мы называем освободительными движениями” [33, р. 102].

А. Мбембе высказал ряд замечаний, которые позволили вписать тематику национально-освободительных движений в контекст постколониальной теории, в том числе в ее дискурсивное направление. Наиболее важным является указание на исчерпание модели территориального государства. «Догмат о “неприкосновенности границ”, унаследованных от колониализма, попирается – не в смысле, неконтролируемых вспышек сепаратистской лихорадки, ведущих к необратимому и посредством манипулирования “коренной принадлежностью” и происхождением предков. ...Но в том смысле, что существует давление идентичности, динамика автономии и дифференциации, различные формы этнорегионализма, миграционное давление, растущая значимость религии и ускоренное развитие наемничества» [34, р. 86].

М. Сиротински считает перспективным для исследования вопрос о том, как именно деконструктивный постколониализм трансформируется в конкретные политические действия. Рассмотрение реальных социально-политических ситуаций ему представляется полезным: “Политическая эффективность деконструкции работает на двух уровнях: на одном уровне она предлагает средства для расшифровки различных символик присвоения..., а на другом... может открыть путь для стратегических политических вмешательств на фундаментальном, действительно, основополагающем уровне” [35, р. 108].

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ ПО ПОДДЕРЖКЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СЕПАРАТИЗМА В АФРИКЕ

Во Франции востоковедческий колониальный дискурс традиционно был направлен на обоснование утверждения о том, что европейское доминирование глубоко изменило бывшие колонии. Постколониальный публичный, научный, литературный дискурс избегает таких открытых формулировок, отдавая должное независимости и субъектности бывших колоний. Однако влияние некогда могущественной метрополии осуществляется посредством иных инструментов, таких как навязывание французского языка и культуры, то есть лингвокультурного доминирования; экономического, финансового, военно-политического доминирования под видом “помощи в строительстве демократии” в странах Сахеля – Мали, Нигере и Буркина-Фасо. Эта стратегия в полной мере относится и к политике поддержки этнополитического сепаратизма в этих странах.

Франция в 1957 г. предложила проект Объединенной организации регионов Сахары (франц. *L'Organisation commune des régions sahariennes, OCRS*), целью которого было установление экономического и социального контроля над сахарскими районами Французской Республики (территории нынешних Алжира, Судана, Нигера, Мали, Чада). Хотя проект “Большой Сахары” прекратил свое действие в 1963 г., политика Франции в постколониальный период по фактической поддержке сепаратизма во многом определяется его установками. Этническая группа туарегов увидела в этом проекте возможность создания собственного государства, отделения от черно-африканских этнических групп с целью перестать быть этническим меньшинством в Нигере, Мали и еще четырех странах Сахеля.

Проект Объединенной организации регионов Сахары запустил процесс роста сепаратистских движений в этом регионе среди стран, желающих строить собственные государства-нации. Туареги требовали независимости от колониальной французской власти еще в 1957 г., позднее, уже в постколониальный период, идею отделения они пытались реализовать в ходе нескольких вооруженных восстаний. Во Франции идея создания “туарегской нации”, относящейся к белой расе, появилась гораздо раньше, еще во второй половине XIX в. (автор – французский путешественник по Северной Африке Анри Дувейриер во второй половине XX в., ему принадлежит первое научное исследование племен туарегов). На этом примере видно, что колониальная политика Франции в странах Африки одним из “побочных” последствий в постколониальный период имела углубление размежевания между этническими сообществами в результате политизации этнических конфликтов. В африканских странах сложилось мнение, что именно власти Франции стоят за всеми восстаниями туарегов, начиная с 1963 г.

Положительная оценка роли Франции как вдохновителя реформ демократической политической модернизации, распространения (западной) культуры и французского языка тоже имеет своих сторонников в африканских государствах и обществах. Эта двойственность в полной мере относится к проблемам стабилизации/дестабилизации политической обстановки в африканских странах и определяется собственными политическими интересами Франции в ее бывших колониях. Для того, чтобы гарантировать стабильность в зоне влияния туарегов в рамках проекта *OCRS*, Франция обещала им самостоятельность на территории их компактного проживания. Этнические размежевания в африканских сообществах используются как инструмент политических манипуляций и могут быть рассмотрены как реализация внешнего вмешательства в дела суверенных государств.

В Париже в связи с вооруженным выступлением туарегов против правительственной армии Мали 4 апреля 2012 г. была разрешена демонстрация в поддержку Национально-освободительного движения Азавад (франц. *Mouvement de libération nationale de l'Azawad, MNLA*) перед зданием французской Национальной ассамблеи. Во Франции допускалась пропаганда идей движения, события в Мали 2012–2013 гг. именовались “революцией туарегского народа”, туарегов называли “народ Азавад”, раздавались призывы признать отделение территории “Азавад” (“Малийского Азавад”). Всемирный конгресс Амазигов (франц. *Congrès mondial amazigh, CMA*), базирующийся со штаб-квартирой в Париже, приветствовал независимость “Азавада”, провозглашенную 6 апреля руководством Национально-освободительного движения Азавад после военного переворота в Мали.

Поддержка сепаратистов обусловлена реализацией экономических интересов Франции по осуществлению контроля над природными ресурсами северной части Мали (месторождений урана, прежде всего).

Одновременно Франция выступает в роли посредника в урегулировании конфликта между правительством Мали и сепаратистами. Она добивалась принятия в 2012 г. Советом безопасности ООН резолюции по созданию Международной миссии по поддержке Мали под эгидой Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). Двойственный характер политики Франции в регионе Сахель открыто проявился во время операции “Сервал” французских вооруженных сил в Мали против восставших на севере страны туарегов и исламских террористических группировок в 2013 г., начатой по просьбе официальных властей Мали и санкции Совета безопасности ООН. Хотя высшим политическим руководством Франции в качестве цели провозглашалось восстановление территориальной целостности Мали, на самом деле после нескольких успешных боевых операций на земле и в воздухе против туарегов было принято решение не вести военные действия против сепаратистов-туарегов в городе Кидаль (в обмен на выдачу французских заложников). Операция “Сервал” в Мали и операция “Бархан” рассматриваются как французская военная интервенция в Сахель. В 2015 г. Франция оказала влияние на решение правительства Мали подписать Алжирские договоренности (Соглашение о мире и примирении в Мали), фактически предоставившие автономию районам проживания туарегов и арабов.

Мали пережила серьезные политические потрясения в результате государственных переворотов в августе 2020 г. и мае 2021 г. В 2020 г. малийские власти открыто обвинили Францию в оказании помощи сепаратистам и террористам и расторгли с ней военное соглашение. 15 августа 2022 г. последнее подразделение французской военной миссии операция “Бархан” покинуло Мали. После того, как французский вооруженный контингент был размещен в Нигере, Франция продолжала тайно поддерживать сепаратистские группировки туарегов, снабжая их оружием. В сентябре 2023 г. Мали, Буркина-Фасо и Нигер объединились в Альянс государств Сахеля (франц. *Alliance des États du Sahel, AES*) для лучшей координации действий в сфере безопасности, устойчивого развития и дипломатии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование, можно сделать вывод о сохранении значимости теории и методологии постколониального дискурса для анализа современных постколониальных политических процессов. Новое прочтение основных постулатов теории требуется в связи с тем, что колониализм приобрел новые формы, сохраняя свое антигуманистическое ядро. Методология постколониальной теории является тем инструментом, который позволяет исследовать механизм сохранения господства Запада над Востоком. Однако требуется адаптация имеющегося концептуального аппарата для анализа и прогнозирования различных процессов, которые можно обозначить общим понятием как “постколониальные”.

Проблемное поле теории охватывает всю систему воспроизводства колониализма в постколониальный период, включая его отражение в социальных и культурных практиках, закрепление через систему политических институтов, внедрение в общественное и групповое сознание. К основным положениям теории постколониального дискурса, не утратившим своей актуальности, можно отнести следующие. Постколониальные процессы необходимо рассматривать с учетом европейского происхождения таких понятий, как “демократия”, “нация”, “политическая партия”, продолжающих сохранять потенциал дискурсивного влияния европейских стран-метрополий на внутривнутриполитические процессы бывших колоний на этапе их деколонизации. Важно учитывать, что культурные и иные особенности стран, где искусственно конструируются западные модели политического управления, будут способствовать появлению их гибридных форм.

Однако следует признать, что формирование постколониального дискурса происходит не только под давлением, но и в диалоге с западными дискурсами, что придает ему такую характерную черту, как амбивалентность. Наиболее информативным индикатором оценки влияния являются понятия презентации и репрезентации. Другими словами, важно понимать,

имеют ли возможность национальные субъекты самостоятельно выражать свои убеждения и защищать выбранную позицию. Э. Саид рассматривал презентацию как метод, с помощью которого субалтерны (зависимые) выражают свою идентичность и доказывают “наличие собственной истории”. Также к этому ряду может быть отнесена концепция культурного “третьего пространства” Хоми Баба и его идеи, изложенные в работе “Нация и наррация”. Согласно его концепции, в “третьем пространстве” колонизатор и колонизируемые взаимодействуют в диалоге и представляют некий гибрид культуры и идентичности. А. Мбембе обосновал “запутанность” постколониализма, она “охватывает множественные периоды, состоящие из разрывов, разворотов, инерций, колебаний, которые накладываются друг на друга, взаимопроникают друг в друга, охватывают друг друга” [34, с. 14].

Для исследования проблем применения концептов теории постколониального дискурса для анализа различных практик постколониального периода особый интерес представляет проблема соотношения деконструкции и постколониального, поставленная Р. Янгом. В справочнике “Деконструкции: руководство пользователя” деконструкция как метод анализа рассматривается в отношении широкого спектра тем и дискурсов: феминизма, технологий, постколониализма. Предметом исследования выступают бесчисленные и меняющиеся контексты, в которых деконструктивное мышление и практика работают как внутри, так и за пределами того, что называется “Западом” [36]. М. Сиротински предлагает концепцию “деконструктивного постколониализма”, которая тесно связана с “реальными мирами” и рассматривает его как практику [35, с. 33].

Полученные выводы позволят обосновать принципы постколониального концепта этнополитического сепаратизма на примере Африки. Этнополитический сепаратизм в контексте концепции постколониального дискурса необходимо рассматривать как явление особого культурного пространства, сочетающего модернизм и архаику. Для него свойственна амбивалентность, то есть сочетание колониального и постколониального, национального и гражданского, позитивного и негативного, что придает ему гибридный характер. Бинарность “мы-и-они” в определении идентичности африканских народов всегда необходимо рассматривать с учетом особого фактора “западного” влияния на ее формирование, а также собственного опыта обретения духовной независимости. Являясь отчасти последствием создания национальных государств в африканских странах, этнополитический сепаратизм в то же время может быть частью стратегии бывших метрополий по дестабилизации суверенных национальных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Прохоренко И.Л. (составление). Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 4, сс. 67-84. [Prokhorenko I.L. (Review). Identity in the Time of World Order Transformation: Discourses and Narratives. *Analysis & Forecasting. IMEMO Journal*, 2023, no. 4, pp. 67-84. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afij-2023-4-67-84
2. Getachew A., Mantena K. Anticolonialism and the Decolonization of Political Theory. *Critical Times*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 359-388. <https://doi.org/10.1215/26410478-9355193>
3. Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023, сс. 119-129. [Prokhorenko I.L. Identity in Postcolonial Discourse. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' mir, 2023, pp. 119-129. (In Russ.)]
4. Следзевский И.В. Цивилизационный транзит постколониальной Африки (постановка проблемы). Кирабаева Н.С., Пономаренко Л.В., Белова В.И., Долгинова Е.А., ред. *Африка: международная интеграция и партнерство: Ежегодник-2022*. Москва, РУДН, 2022, сс. 10-50. [Sledzevsky I.V. Civilizational Transit of Postcolonial Africa (Problem Statement). Kirabaev N.S., Ponomarenko L.V., Belova V.I., Dolginova E.A., eds. *Africa: International Integration and Partnership: Yearbook-2022*. Moscow, RUDN, 2022, pp. 10-50. (In Russ.)] Available at: <https://repository.rudn.ru/records/article/record/99500/> (accessed 29.09.2024).
5. Гавристова Т.М. Африка: постколониальный дискурс. Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е., ред. *Африка: постколониальный дискурс. Тезисы докладов участников Всероссийской конференции*. Ярославль, Филигрань, 2020, сс. 40-42. [Gavristova T.M. *Africa: Postcolonial Discourse. Abstracts of the Reports of the Participants of the All-Russian Conference*. Yaroslavl, Filigran', 2020, pp. 40-42. (In Russ.)]
6. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург, Русский мир, 2006. 636 с. [Saïd E.W. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. Saint Petersburg, Russkii mir, 2006. 636 p. (In Russ.)]
7. Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р. Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях. *История и современность*, 2023, № 1(47), сс. 22-62. [Sledzevsky I.V., Neklessa A.I., Khairullin T.R. The Idea of Postcoloniality in Contemporary Civilizational Concepts. *Istoriya i sovremennost'*, 2023, no. 1(47), pp. 22-62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30884/iis/2023.01.02>

8. Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е., отв. ред. *Африка: постколониальный дискурс*. Москва, Институт Африки РАН, 2020. 247 с. [Gavristova T.M., Khokholkova N.E., eds. *Africa: Postcolonial Discourse*. Moscow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020. 247 p. (In Russ.)]
9. Foucault M. *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Paris, Gallimard, 1975. 318 p.
10. Derrida J. *De la Grammatologie*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1967. 445 p.
11. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *Post-Colonial Studies: The Key Concepts*. London, Routledge, 2013. 368 p.
12. Lazarus N. Representation and Terror in V.Y. Mudimbe. *Journal of African Cultural Studies*, 2005, vol. 17, no. 1, pp. 81-101. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4141303> (accessed 29.09.2024).
13. Wiebe S.M. 123: Poststructuralism. Barrow C.W., ed. *Encyclopedia of Critical Political Science*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2024, pp. 462-463. <https://doi.org/10.4337/9781800375918.ch123>
14. Gikandi S. Poststructuralism and Postcolonial Discourse. Lazarus N., ed. *The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2004, pp. 97-119. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521826942.006>
15. Chrisman L. Nationalism and Postcolonial Studies. Lazarus N., ed. *The Cambridge Companion to Postcolonial Literary Studies*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2004, pp. 183-198. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521826942.010>
16. Bhabha H.K., ed. *Nation and Narration*. London, New York, Routledge, 1990. 352 p.
17. Said E.W. *The World, the Text and the Critic*. Cambridge, Harvard University Press, 1983. 327 p.
18. Forsdick C., Murphy D., eds. *Postcolonial Thought in the French-Speaking World*. Liverpool University Press, 2009. 357 p.
19. Majumdar M.A. *Postcoloniality: The French Dimension*. New York, Oxford, Berghahn Books, 2007. 601 p.
20. Go J. Postcolonial Thought and Social Theory. *Social Forces*, 2020, vol. 98, iss. 4, pp. 1-3. <https://doi.org/10.1093/sf/soaa004>
21. Gibson N.C., ed. *Living Fanon: Global Perspectives*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 257 p.
22. Smouts M.-C., ed. *La Situation postcoloniale. Les "postcolonial studies" dans le débat français*. Paris, Presses de Sciences Po, 2007. 451 p.
23. Cohen J., Dorlin E., Nicolaïdis D., Rahal M., Simon P. Dossier. Le tournant postcolonial à la française. *Mouvements*, 2007, no. 3, pp. 7-12. <https://doi.org/10.3917/mouv.051.0007>
24. Bancel N. Que faire des postcolonial studies? Vertus et déraison de l'accueil critique des postcolonial studies en France. *Vingtième siècle*, 2012, no. 3, pp. 129-147.
25. Brahimi M.A., Idir M. Études postcoloniales et sciences sociales: pistes d'analyse pour un croisement théorique et épistémologique. *Revue Interventions économiques*, 2020, no. 64. <https://doi.org/10.4000/interventionseconomiques.11042>
26. Gounin Y. Que faire des postcolonial studies? *Revue internationale et stratégique*, 2008, no. 3, pp. 145-149. DOI:10.3917/ris.071.0145
27. Derrida J. *Deconstruction in a Nutshell: A Conversation with Jacques Derrida, with a New Introduction (Perspectives in Continental Philosophy)*. New York, Fordham University Press, 2020. 272 p. <https://doi.org/10.5422/fordham/9780823290284.001.0001>
28. Young R.J.C. *White Mythologies: Writing History and the West*. London, Routledge, 1990. 232 p.
29. Royle N. What is Deconstruction? Royle N., eds. *Deconstructions: A User's Guide*. London, Bloomsbury Academic, 2000, pp. 1-13. https://doi.org/10.1007/978-1-137-06095-2_1
30. Peeren E. Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory (Review). *French Studies: A Quarterly Review*, 2009, vol. 63 no. 1, pp. 123-124. Available at: <https://muse.jhu.edu/article/257566> (accessed 29.09.2024).
31. Syrotinski M. Reprendre: Mudimbe's Deconstructions. *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory*. Liverpool University Press, 2007, pp. 82-97.
32. Yamb G.D. Decolonizing Knowledge in Africa: Mudimbe's Philosophical Deconstruction of the Postcolonial Event. Wai Z., eds. *Africa Beyond Inventions*. Cham, Palgrave Macmillan, 2024, pp. 151-169. https://doi.org/10.1007/978-3-031-57120-6_6
33. Mbembe A. What is Postcolonial Thinking? An Interview with Achille Mbembe. *Esprit*, 2006, no. 12, pp. 117-133.
34. Mbembe A. *On the Postcolony (Studies on the History of Society and Culture)*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2001. 292 p.
35. Syrotinski M. *Deconstruction and the Postcolonial: At the Limits of Theory*. Liverpool University Press, 2007. 288 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vjks5>
36. Young R.J.C. Deconstruction and the Postcolonial. Royle N., eds. *Deconstructions: A User's Guide*. London, Bloomsbury Academic, 2000, pp. 187-210. https://doi.org/10.1007/978-1-137-06095-2_11

РЕГУЛИРОВАНИЕ “ОБЛАЧНЫХ СЕРВИСОВ” КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ОПЫТ США И КИТАЯ

© ГРИГОРЬЕВСКИЙ В.В., 2024

ГРИГОРЬЕВСКИЙ Валентин Валентинович, аспирант отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (v.grigoryevskiy@gmail.com), ORCID: 0000-0003-2684-9443

Григорьевский В.В. Регулирование “облачных сервисов” как инструмент международной конкуренции: опыт США и Китая. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 3, сс. 50-70. DOI: 10.20542/afij-2024-3-50-70 EDN: EQWMOM

DOI: 10.20542/afij-2024-3-50-70

EDN: EQWMOM

УДК: 327+004

Поступила в редакцию 09.07.2024.

После доработки 18.09.2024.

Принята к публикации 01.10.2024.

Международная индустрия “облачных сервисов” (ОС) представляет собой арену глобальной экономической конкуренции и потенциально способна стать полем для политического соперничества между различными субъектами. На сегодняшний день наиболее влиятельными участниками в данной конкурентной среде остаются государства. США и Китай активно предпринимают шаги для усиления своей позиции в сфере ОС, в частности посредством различных методов регулирования. В статье рассматриваются стратегии государственного регулирования, которые классифицированы как “позитивные” и “негативные”, а также как “оборонительные” и “наступательные”; приведены примеры для каждого типа. Проведен детальный анализ национальных стратегий Соединенных Штатов и Китая как концептуальных планов регулирования “облачных сервисов”, заявленных в официальных документах. Детально рассмотрены документы международных межправительственных организаций и институтов глобального управления, через которые страны реализуют свои стратегии по регулированию ОС, как по отдельности, так и с их совместным участием. Перечислены общие и особенные черты политики США и КНР как в формулировании национальных стратегий, так и в принципах, декларируемых на уровне международных институтов. Подтверждена научная гипотеза о том, что регулирование ОС фактически используется как инструмент международного политического влияния. Автор определил ключевые факторы развития международной системы регулирования в сфере ОС: развитие технологической сферы ОС и трансформация мирового порядка. Также сформулировал основную сценарную ось – борьба США и Китая за доминирование в странах и регионах Глобального Юга. На основании этого автор предложил сценарный прогноз развития международного регулирования “облачных сервисов”: конфронтационный (конкуренция имеет преимущественно политический характер, увеличиваются риски фрагментации интернета, происходит дивергенция технических стандартов, растет вероятность деструктивных действий, включая применение ОС в военных целях) и консенсусный (международная конвергенция во всех аспектах регулирования

ОС – техническая стандартизация, юридические нормы и экономические правила, основополагающие принципы защиты персональных данных и соблюдения национальных интересов всех стран).

Ключевые слова: киберполитика, *Kuberpolitik*, ИКТ, “облачные сервисы”, международные отношения, регулирование, конкуренция, суверенитет, США, Китай.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

CLLOUD SERVICES REGULATION AS A TOOL OF INTERNATIONAL COMPETITION: U.S. AND CHINA POLICIES

Received 09.07.2024. Revised 18.09.2024. Accepted 01.10.2024.

Valentin V. GRIGORYEVSKY (v.grigoryevskiy@gmail.com), ORCID 0000-0003-2684-9443, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The international cloud services industry represents an arena of global economic competition and has the potential to become a field for political rivalry among various actors. States remain the primary actors in this competitive landscape, with the U.S. and China actively enhancing their positions through various regulatory measures. The article examines government regulation strategies, categorising them into ‘positive’ and ‘negative’ as well as ‘defensive’ and ‘offensive’, with examples provided for each. A thorough analysis of national strategies from official U.S. and Chinese documents reveals their conceptual approaches to cloud services regulation. The documents of international intergovernmental organisations and global governance institutions through which countries implement (both individually and in their collaborative participation) their strategies for regulating cloud services were examined in detail. Commonalities and differences in the regulatory policies of the U.S. and China are highlighted, both in their national strategies and in principles articulated at the international level. The study confirms the hypothesis that cloud services regulation serves as a tool for international political influence. Key factors in the evolution of the international regulatory system for cloud services are identified, including their further technological development and shifts in the global order. The primary scenario axis is identified as the U.S.–China competition for dominance in the Global South. Based on these findings, the author presents a scenario forecast for the future of international cloud services regulation. Two potential outcomes are considered: the confrontational one leading to increased political competition, bearing risks of Internet fragmentation, divergence in technical standards, and a higher likelihood of destructive actions, including military use of cloud services; and the consensual one, resulting in international convergence on all aspects of cloud services regulation, including technical standardisation, legal norms, economic rules, fundamental principles of personal data protection and respect for national interests of all states.

Keywords: cyberpolitics, *Kuberpolitik*, ICT, cloud services, international relations, regulation, competition, sovereignty, USA, China.

About the author: Valentin V. GRIGORYEVSKY, Postgraduate Student, Department for International Political Problems.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Grigoryevsky V.V. Cloud Services Regulation as a Tool of International Competition: U.S. and China Policies. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 3, pp. 50-70. DOI: 10.20542/afj-2024-3-50-70 EDN: EQWMOM

ВВЕДЕНИЕ

“Облачные сервисы” – эффективный инструмент международного влияния, что подтверждается качественной характеристикой их технических компонентов, количественной характеристикой глобального рынка ОС, а также сопряженными возможностями и угрозами, возникающими в международной среде.

В рамках предыдущих исследований автора [1] главный акцент был сделан на возможностях использования государственного регулирования ОС в качестве инструмента международного влияния, поэтому в данной статье анализируются конкретные намерения и проявления использования этого инструмента на примере США и Китая – через национальные стратегии и деятельность в международных институтах.

Цифровое противостояние США и Китая охватывает широкий спектр ИКТ, признается исследователями как вышедшее за рамки экономической среды и в значительной степени реализуется как в политической, так и идеологической сферах. Российские американисты Н.А. Цветкова и А.Н. Сытник описывают, как киберсила Китая (сформированная за счет суверенного интернета, национальных платформ и аппаратных средств), несмотря на все экономические и политические попытки США противостоять Китаю, подрывает американское глобальное лидерство в технологической сфере [2].

Политика США и КНР в этом противостоянии классифицируется российским экспертом в области исследования науки и инноваций И.В. Данилиным как “неотехнонационализм”, который сочетает различные подходы (классические протекционистские и глобальные либеральные торгово-экономические) и использует (гео)политические инструменты (от альянсов до санкций) [3].

Исследователи Немецкого института международных отношений и безопасности (Германия) М. Шульце и Д. Вольсен характеризуют технологическое превосходство как фундаментальную основу экономической и военной мощи и на примере США и Китая формулируют понятие “технополитическая сфера влияния” как средство проецирования международной силы [4].

Анализируя американские и китайские официальные стратегические документы, исследователи ИМЭМО РАН Л.В. Панкова и О.В. Гусарова определяют “облачные сервисы” как одну из критически важных зарождающихся технологий (КВЗТ), способных оказать влияние на международную безопасность и стабильность [5]. Их коллега, эксперт в области международной безопасности, Н.П. Ромашкина приводит детальный обзор эволюции регулирования ИКТ в контексте международной безопасности на уровне ООН, показывает ключевые различия в подходах США и России (Китай придерживается схожей с российской модели), а также подчеркивает важность достижения консенсуса по этой проблеме именно на уровне ООН [6]. При этом Н.П. Ромашкина делает вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует единый международно-правовой режим, регулирующий сферу ИКТ, и ни одно государство в мире не может считать себя полностью защищенным от трансграничных информационных угроз.

Д.А. Дегтерев, М.С. Рамич и Д.А. Пискунов на примере ключевых позиционных документов США и Китая, принятых на национальном и с их участием – международном уровне, показывают, как эти страны используют регулирование киберпространства в качестве одной из форм международной власти [7]. В частности, авторы выделяют ключевые страновые отличия в моделях управления интернетом:

- США применяют многостороннюю модель управления киберпространством с широким участием негосударственных, частных и общественных организаций

(*multistakeholder*);

- Китай также применяет многостороннюю модель, но с ведущей ролью государств в рамках ООН (*multilateral*).

М.С. Рамич и Д.А. Пискунов формулируют проблему секьюритизации информационного пространства (включая “облачные сервисы”), а также определяют иерархию системы глобального регулирования, в которой США и Китай занимают позицию “создателей правил”, но при этом США классифицируется как наивысший I уровень акторов (лидерство в глобальном управлении ИКТ), а Китай как II уровень (существенное влияния на глобальное управление ИКТ) [8].

Аспирант Падуанского университета (Италия) С. Фратини совместно со своими коллегами из ряда европейских вузов на основании двух ключевых критериев (средства и цели достижения цифрового суверенитета) описали четыре модели цифрового суверенитета: основанная на правах, рыночно-ориентированная, централизации и основанная на государстве [9]. 20 стран были классифицированы по этой системе, в том числе США и Китай:

- США реализует рыночно-ориентированную модель – государственное регулирование как гарант ценностей экономической политики невмешательства (*laissez-faire*) и основанные на конкуренции рыночные преимущества и инновации;
- Китай опирается на государственническую модель – размытые границы между государственным и частным секторами, концептуализация цифровых медиа как средства государственного строительства и социально-экономического роста, квазиполная самообеспеченность отечественными цифровыми провайдерами и ресурсами, масштабные инвестиции в новые технологии и желание экспортировать нормы регулирования и цифровые стандарты.

Доцент кафедры китайского права и управления в Лейденском университете (Нидерланды) Р. Криммерс исследует особенности Китая по регулированию ИКТ и на основании в том числе анализа национальных стратегических документов определяет следующие ключевые отличия от западных стран в интерпретации концепций безопасности:

- КНР определяет кибербезопасность преимущественно через информационную безопасность, а западные страны – через целостность, стабильность и функционирование информационных систем и хранящихся в них данных;
- Пекин в своей киберполитике уделяет больше внимания экономическому развитию, в то время как Вашингтон – военным, разведывательным и другим вопросам национальной безопасности [10].

Р. Криммерс объясняет это через три ключевых принципа Китая, лежащих в основе китайского определения суверенитета в киберпространстве:

- национальные правительства имеют суверенные права по защите от других национальных правительств;
- национальные правительства имеют суверенитет над всеми негосударственными субъектами, как внутри страны, так и за рубежом;
- суверенное равноправие государств в управлении интернетом (ни одно государство не должно иметь больше власти, чем другие, или стремиться к гегемонии).

Криммерс описывает ключевые цели, которых Китай стремится достичь посредством регулирования киберпространства: однозначная идентифицируемость каждого субъекта в киберсреде, прозрачность информационных потоков и возможность проведения аудита выполнения требований нормативных актов [11].

Цель настоящего исследования – провести анализ и дать прогноз фактического использования регулирования сферы “облачных сервисов” как инструмента международного влияния. Задачи исследования:

- 1) проанализировать официальные стратегии США и Китая в части регулирования ОС;
- 2) сравнить связанную с регулированием ОС деятельность США и Китая в рамках

- международных межправительственных организаций, интеграционных форматов и неформальных форумов глобального управления;
- 3) разработать возможные прогнозы развития сферы регулирования ОС.

Статья содержит четыре раздела, сформированных исходя из поставленных автором задач исследования. В первом обоснован выбор методологии, сформулирована научная гипотеза. Во втором рассмотрены различные типы стратегий государственного регулирования, выявлена специфика государственных стратегий (как концептуальных планов) и политики США и Китая по международному влиянию в сфере “облачных сервисов”, дана сравнительная характеристика реализуемых этими странами стратегий. В третьем разделе описаны международные межправительственные организации как инструмент регулирования на примере США и Китая, сопоставлена международная деятельность этих стран. В последней части представлен авторский прогноз будущего развития сферы регулирования глобальной индустрии ОС.

МЕТОДОЛОГИЯ

В контексте международного влияния важно различать возможности и намерения [1]. Страна может обладать огромным потенциалом влияния, но не реализовывать его вовне и, наоборот, 100% своих внутренних возможностей использовать при взаимодействии с другими субъектами системы или для воздействия на них [12]. Намерения такого влияния определяются конкретными планами международного воздействия (стратегии, концепции и пр.) и/или целенаправленными действиями (переговоры, санкции), которые составляют реальную мощь субъекта.

Международное влияние в сфере ИКТ формализовано автором с помощью понятия *Kuberpolitik*, которое определяет субъекты, объекты и методы влияния в этой сфере¹.

Для целей данного исследования выбран тип субъекта “государства, их союзы и коалиции, (суб)региональные интеграционные объединения”, который в настоящее время все еще обладает наибольшими возможностями для реализации международного влияния. В частности, рассматриваются США и КНР как лидеры и системообразующие субъекты международной сферы ИКТ [12].

Существуют разные методы (инструменты) международного влияния: правовые, культурные, политические и экономические [13]. В рамках данного исследования “регулирование” рассматривается как совокупность политических и экономических методов. Регулирование может иметь “позитивный” и “негативный” характер и реализовываться как “оборонительными”, так и “наступательными” стратегиями.

В первой части исследования была доказана научная гипотеза о том, что регулирование “облачных сервисов” предоставляет государствам возможность международного влияния [1]. В рамках второй части автор формулирует дополнительную гипотезу о том, что страны в действительности имеют намерения по использованию регулирования “облачных сервисов” в качестве инструмента международной конкуренции. В частности, правительства США и Китая используют методы государственного административного регулирования в борьбе за мировое цифровое лидерство, поскольку заинтересованы в стимулировании отечественных перспективных цифровых технологий и инновационных процессов в отдельных отраслях и в масштабе всей национальной экономики, защите и продвижении интересов сверхкрупных национальных технологических корпораций в конкурентной борьбе за цифровые рынки и соперничестве цифровых платформ.

¹ *Kuberpolitik* (от др. – греч. *κυβερ* “управлять” + нем. *politik* “политика”), или Куберполитик, комплексная киберполитика, *comprehensive cyberpolitics* – раздел политической науки, изучающий мировую политику в сфере информационно-коммуникационных технологий, в частности то, как разные типы международных субъектов, используя различные методы воздействия на разные объекты социотехнических (использующих ИКТ) и социотехнологических (разрабатывающих ИКТ) систем, могут оказывать прямое или опосредованное влияние на других международных субъектов [13].

Автор анализирует различные формы реализации государственных методов регулирования “облачных сервисов” через:

- официальные стратегии (и связанные документы), принятые на уровне различных правительственных структур;
- деятельность в рамках международных организаций и форумов регионального и глобального уровней.

Анализируемые стратегии сгруппированы по странам (США и КНР) и представлены в хронологическом порядке по дате их принятия/публикации. Все описанные международные организации и форумы разбиты на три группы по участию стран (только США, только КНР, США и КНР вместе) и перечислены в хронологическом порядке по дате их основания/формирования.

Для прогнозирования развития сферы регулирования ОС автор оперирует следующими понятиями:

- ключевые факторы развития, или движущие силы, – среди множества переменных, определяющих будущее развитие системы, выбираются те, которые имеют наибольшее влияние и в то же время наиболее независимы сами по себе и определяются в рамках конкретных сфер (социальные, технологические, экономические, политические, окружающей среды) [14];
- центральный тренд, или основная сценарная ось, – описывает такие процессы, которые с высокой степенью вероятности будут протекать при прочих равных условиях (то есть вне зависимости от вариативности описанных выше факторов) [15];
- сценарий развития – одна из множества альтернатив, сформированная комбинацией ключевых факторов в рамках центрального тренда, которая может быть также подкреплена “историей будущего”, определенной через метод “изучения сценариев” [16] (при построении прогноза автор проводит аналогию с историей формирования и развития “политики нефти”).

СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анализируя методы международного влияния применительно к “облачным сервисам”, можно выделить следующие векторы, которые в настоящее время реализуются в наибольшей степени:

- одни государства влияют на другие;
- государства влияют на иностранные коммерческие организации;
- государства влияют на частные лица.

Регулирование может иметь “позитивный” и “негативный” характер (и, соответственно, оказывать конструктивный или деструктивный эффект).

“Позитивное” регулирование направлено на создание благоприятных условий для развития отечественных ОС, как на национальном уровне (программы, стратегии, проекты), так и на международном (международные стандарты, ассоциации, проекты). “Негативное” предполагает реализацию правительственной политики по ограничению развития и распространения иностранных ОС – например, санкции США против китайских компаний – и/или использование отечественных технологий с целью международного влияния – к примеру, широкие полномочия США по использованию данных ОС (электронная почта, IP-телефония и пр.) для скрытого слежения, в том числе за иностранными гражданами и организациями.

Также можно классифицировать государственные стратегии регулирования на “оборонительные” и “наступательные”. “Оборонительные” предполагают уменьшение влияния иностранных субъектов на внутреннем рынке, “наступательные” стратегии включают шаги, укрепляющие национальные возможности в части использования технологий для оказания влияния на иностранных субъектов (см. табл.).

Таблица. Матрица примеров государственного регулирования (по характеру и стратегии регулирования)

		Стратегия регулирования	
		“Оборонительная”	“Наступательная”
Характер регулирования	“Позитивный”	<ul style="list-style-type: none"> – стимулировать развитие отечественных ОС, конкурирующих с иностранными аналогами на внутреннем рынке (или же разработать список рекомендуемых сервисов, предоставляемых иностранными партнерами); – принять участие в формировании международного режима, который бы регулировал условия предоставления ОС с четким определением прав, обязанностей и ответственности вовлеченных сторон. 	<ul style="list-style-type: none"> – стимулировать развитие отечественных (национальных) ОС и их активное продвижение на международном рынке; – поддерживать разведку методами промышленного шпионажа для заимствования технологий с целью сокращения технологического разрыва.
	“Негативный”	<ul style="list-style-type: none"> – полностью запретить использование ОС, которые предоставляются “недружественными” странами или размещаются в них (в отдельных случаях запрет может распространяться исключительно на использование ОС органами государственной власти). 	<ul style="list-style-type: none"> – запретить использование отечественных ОС отдельным странам или компаниям (санкции и ограничительные меры); – инициировать и/или принимать активное участие в формировании международных норм и стандартов, которые бы прямо или косвенно ограничивали распространение ОС, предоставляемых отдельными странами или компаниями; – использовать ОС для скрытого слежения за иностранными гражданами и организациями; – реализовывать кибератаки, направленные против ОС конкретных стран и/или компаний.

Источник: составлено автором.

Составить максимально полную картину разрабатываемых и используемых методов регулирования отдельно взятого государства вряд ли представляется возможным, так как некоторые из этих документов могут быть либо засекречены, либо не публиковаться в открытом доступе. Тем не менее можно получить общее представление о векторах регулирования на основании публикуемых стратегий (документов) и проводимых в международной среде мероприятий, в инициативном порядке, в двустороннем или многостороннем форматах.

Стратегия США: безопасность через доминирование

Национальная киберстратегия США (*National Cyber Strategy of the USA*), подписанная в сентябре 2018 г. президентом Д. Трампом, в отличие от описанных ниже более поздних стратегий, хотя и не содержит прямого указания на “облачные сервисы”, тем не менее имеет ряд утверждений, предвосхищающих увеличение внимания к этой теме в будущем. В частности:

- подчеркивается постоянная конкуренция США со стратегическими противниками – Россией, Китаем, Ираном и Северной Кореей;
- констатируется, что критическая инфраструктура, национальная оборона и повседневная жизнь американцев зависят от компьютерных и взаимосвязанных информационных технологий;
- приводятся планы по модернизации законов об электронном слежении для сбора данных и нарушения криминальной инфраструктуры;
- США декларируют намерение сохранять активную позицию международного лидера для усиления влияния и противодействия растущему спектру угроз и вызовов своим интересам в киберпространстве².

² *National Cyberstrategy 2018*. The White House. September 2018. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed 09.07.2024).

В **Национальной стратегии кибербезопасности** (*National Cyber Strategy of the USA*), подписанной 1 марта 2023 г. президентом Дж. Байденом, уделяется достаточно большое внимание теме “обычных сервисов”³.

Так, в части установления правил регулирования кибербезопасности для защиты критической инфраструктуры администрация США планирует выявлять пробелы в полномочиях государственных ведомств для внедрения более эффективных методов кибербезопасности в индустрии “облачных вычислений” и других важных сторонних услуг, и работать с представителями индустрии, Конгрессом и регулирующими органами, чтобы закрыть такие пробелы.

В части модернизации федеральных ИКТ-систем федеральное правительство должно разработать план, в рамках которого, помимо прочего, должна быть предусмотрена замена устаревших систем более безопасными технологиями, в том числе за счет ускорения перехода к “облачным сервисам”, что повысит уровень кибербезопасности.

В части постановки задач по предотвращению злоупотребления инфраструктурой США (задача 2.4) подтверждается, что злоумышленники используют в том числе “облачную” инфраструктуру страны для осуществления преступной деятельности, операций по оказанию злонамеренного влияния и шпионажа против индивидуальных жертв, предприятий, правительств и других организаций в США и за рубежом, и что федеральное правительство планирует сотрудничать с поставщиками “облачной” и другой интернет-инфраструктуры для решения этих проблем.

В части постановки задач по активизации федеральных исследований и разработок в области кибербезопасности (задача 4.2) планируется, что департаменты и агентства федерального правительства будут руководить проектами НИОКР для повышения кибербезопасности и устойчивости в таких областях, как “облачная” инфраструктура и телекоммуникации.

В части постановки задач по обеспечению будущего США “чистой” энергией (задача 4.4) делается акцент на использовании передовых “облачных” платформ управления электросетями.

Стратегия Бюро киберпространства и цифровой политики (*National Cybersecurity Strategy*) Государственного департамента США, опубликованная в июне 2023 г., называет технологии источником национальной мощи, устанавливает своей миссией “продвижение национальной и экономической безопасности США, проводя, координируя и совершенствуя внешнюю политику в области киберпространства и цифровых технологий”, а также приоритизирует продвижение безопасных и надежных телекоммуникационных услуг и инфраструктуры, поощрение трансграничных потоков данных и пропаганду многосторонних подходов к управлению интернетом и цифровыми технологиями⁴.

Стратегический план по кибербезопасности на период 2024–2026 гг. (*Cybersecurity Strategic Plan FY2024–2026*) Агентства по кибербезопасности и защите инфраструктуры (*Cybersecurity and Infrastructure Security Agency, CISA*) Министерства внутренней безопасности США, опубликованный в августе 2023 г., рассматривает связанные с “облачными сервисами” угрозы на уровне с другими типами важнейших угроз национальной безопасности⁵. В части постановки задач по увеличению видимости и возможности решения киберугроз и злоумышленных кампаний (задача 1.1) в плане констатируется, что на данный момент не хватает необходимой широты и глубины информации о кибервторжениях, причем проблема актуальна как для локальных ИКТ-решений, так и для “облачных”. Соответственно в части постановки задач по стимулированию реализации измеримых эффективных инвестиций в кибербезопасность (задача 2.2) агентство планирует уделять особое внимание обеспечению безопасного внедрения “облачных сервисов” в организациях по всей стране.

³ *National Cybersecurity Strategy 2023*. The White House. 01.03.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf> (accessed 09.07.2024).

⁴ *Functional Bureau Strategy*. Bureau of Cyberspace and Digital Policy Strategy. 09.06.2023. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/06/FBS_CDP_Public.pdf (accessed 09.07.2024).

⁵ *CISA Cybersecurity Strategic Plan FY2024–2026*. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. August 2023. Available at: https://www.cisa.gov/sites/default/files/2023-08/FY2024-2026_Cybersecurity_Strategic_Plan.pdf (accessed 09.07.2024).

Киберстратегия 2023 Министерства обороны (*2023 Cyber Strategy of the Department of Defense*), засекреченный документ, краткое содержание которого было опубликовано в сентябре 2023 г., определяет киберпространство как поле боя, где главными соперниками являются Китай (который “пытается сформировать глобальную технологическую экосистему”, а также “предпринимает... скрытое слежение за <иностранными> индивидами”), Россия, КНДР и Иран (все четыре страны прямо обвиняются в кибершпионаже)⁶. Несмотря на то, что основным фокусом этого документа являются военные операции, заявленные в нем планы не ограничиваются этой сферой, а также включают “проведение кампаний в киберпространстве и через него, ... достигая информационного и военного преимущества” и “достижение кросс-доменных эффектов” (вероятно, подразумевая невоенные цели)⁷. В целом можно заключить, что выраженная в этом документе позиция США достаточно агрессивна, так как Соединенные Штаты допускают всего два варианта развития своей роли: либо “сдерживать и деэскалировать” угрозы, либо “господствовать” в киберпространстве⁸.

Перезагрузка, предотвращение, формирование: стратегия победы Америки в экономическом соревновании с Китайской коммунистической партией (*Reset, Prevent, Build: A Strategy to Win America's Economic Competition with the Chinese Communist Party*) – представленный Конгрессом США в конце 2023 г. стратегический документ, подчеркивающий высокое значение не только критической и телекоммуникационной инфраструктуры, но и непосредственно “облачных сервисов”⁹.

В частности, на уровне Министерства торговли предлагается установить правило конечного использования “облачных вычислений” с целью ограничения доступа иностранных противников к разработанным на основе технологий США передовым кластерам “облачных вычислений” выше определенного порога вычислений, а также для предотвращения удаленного доступа к экспортконтролируемым технологиям. На уровне американских компаний, занимающихся “облачными вычислениями”, внедрить требования “знай своего клиента” (*know your customer, KYC*), кроме того, обязать такие компании сообщать Министерству торговли о любой иностранной вражеской компании, арендующей вычислительные мощности, превышающие определенный порог, чтобы повысить прозрачность и предотвратить предоставление американскими компаниями передовых вычислительных сервисов иностранным противникам. На уровне Экспортно-импортного банка США (*Export-Import Bank of the United States, EXIM*) в рамках его программы “Китай и трансформационный экспорт” (*China and Transformational Exports Program, CTEP*) принять большой риск потерь по кредитам в своем портфеле и расширить области трансформационного экспорта, включив в него “облачные сервисы” и инфраструктуру.

Федеральный стратегический план исследований и развития кибербезопасности (*Federal Cybersecurity Research and Development Strategic Plan*), опубликованный в декабре 2023 г., одним из своих исследовательских приоритетов определяет разработку средств по установлению доверия (*trust*) и управлению им, рассматриваемого как в широком смысле (доверие к информации в цифровом пространстве), так и в узком (внедрение политик безопасности и авторизации пользователей в ненадежных (*untrusted*) средах, например, в “публичном облаке”)¹⁰.

Стратегия Китая: безопасность через суверенитет
Национальная оборона Китая 2008 г. (*2008年中国的国防*) – официальный документ, опубликованный пресс-службой Государственного совета КНР (*国务院新闻办公室*) в январе 2009 г., широко использует понятие “информатизация” как один из методов военного

⁶ 2023 Department of Defense Cyber Strategy Summary. U.S. Department of Defense. September 2023. Available at: https://media.defense.gov/2023/Sep/12/2003299076/-1/-1/1/2023_DOD_Cyber_Strategy_Summary.PDF (accessed 09.07.2024).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ *Reset, Prevent, Build: A Strategy to Win America's Economic Competition with the Chinese Communist Party*. The Select Committee on the Strategic Competition Between the United States and the Chinese Communist Party. 2023. Available at: <https://selectcommitteeontheccp.house.gov/sites/evo-subsites/selectcommitteeontheccp.house.gov/files/evo-media-document/reset-prevent-build-scc-report.pdf> (accessed 09.07.2024).

¹⁰ *Federal Cybersecurity Research and Development Strategic Plan*. National Science and Technological Council. December 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/01/Federal-Cybersecurity-RD-Strategic-Plan-2023.pdf> (accessed 09.07.2024).

противостояния (*informationized conflicts, 信息化战争*). При этом речь идет не только о разработках новых и высокотехнологичных вооружений и техники, но и о ведении информационных войн¹¹.

Национальная стратегия безопасности киберпространства (*国家网络空间安全战略*), опубликованная в декабре 2016 г. Центральным комитетом КНР по кибербезопасности и информатизации (*中央网络安全和信息化领导小组*), подчеркивает важность, с одной стороны, развития инноваций и применения информационных технологий нового поколения (включая “облачные сервисы”), а с другой, – уважения права всех стран самостоятельно выбирать путь цифрового развития, модель управления сетью, государственную интернет-политику, а также равное участие в международном управлении киберпространством¹².

Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве Китая, опубликованная в марте 2017 г., лишь бегло упоминает “облачные сервисы” как одну из передовых ИКТ, но делает заметный акцент на формулировании новых принципов и целей международного регулирования киберпространства:

- независимо от размера, богатства или каких-либо других характеристик государств, все они имеют равные права в создании международного порядка и правил;
- субъекты всех уровней во главе с ООН должны иметь возможность участвовать в создании многоуровневой платформы управления;
- существующие механизмы международного управления (например, Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами¹³) должны быть реформированы для обеспечения их полной независимости от отдельных правительств¹⁴.

Национальная оборона Китая в новую эпоху (*新时代的中国国防*), опубликованная тем же ведомством в июле 2019 г., подчеркивает, что в связи с быстрым развитием современных информационных технологий, в том числе ОС, меняются формы ведения войны, эволюция приводит к информационным войнам, и “интеллектуальная война начинает обретать форму”¹⁵.

Глобальная инициатива по безопасности данных (*Global Initiative on Data Security*), опубликованная в сентябре 2020 г. Министерством иностранных дел Китая, призывает международное сообщество воздержаться от атак на критическую информационную инфраструктуру и от использования ИКТ для массового сбора персональных данных, а ИКТ-компании – придерживаться местных законов и хранить данные в юрисдикции предоставления цифровых услуг, не преследовать незаконные интересы, пользуясь зависимостью пользователей от их продуктов¹⁶.

Китайское международное сотрудничество развития в новую эпоху (*新时代的中国国际发展合作*), опубликованное в январе 2021 г. также пресс-службой Государственного совета КНР, подчеркивает роль Китая в формировании цифровой инфраструктуры различных регионов и в поддержании развития цифровой экономики. В частности, упоминаются следующие проекты: 37 телекоммуникационных проектов, включая телекоммуникационные сети и правительственные информационные сети; создание Национальной оптоволоконной кабельной сети в Кении, которая стимулировала

¹¹ Национальная оборона Китая 2008. См.: *2008年中国的国防*. Available at: <https://zh.wikisource.org/w/index.php?title=2008%E5%B9%B4%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E7%9A%84%E5%9B%BD%E9%98%B2&oldid=2393160> (accessed 26.02.2024).

¹² Национальная стратегия безопасности киберпространства. См.: *《国家网络空间安全战略》全文*. 中央网络安全和信息化委员会办公室. 2016. Available at: https://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm (accessed 09.07.2024).

¹³ Международная некоммерческая организация Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (*Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN*), созданная 18 сентября 1998 г. при участии правительства США для регулирования вопросов, связанных с доменными именами, IP-адресами и прочими аспектами функционирования Интернета. С октября 2016 г. имеет статус независимой международной организации.

¹⁴ *International Strategy of Cooperation on Cyberspace*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371_2.htm (accessed 28.02.2024).

¹⁵ Национальная оборона Китая в новую эпоху. См.: *新时代的中国国防*. Available at: <https://zh.wikisource.org/w/index.php?title=%E6%96%B0%E6%97%B6%E4%B8%A3%E7%9A%84%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E9%98%B2&oldid=2363296%EF%BC%8E> (accessed 26.02.2024).

¹⁶ *Global Initiative on Data Security*. 08.09.2020. Available at: http://web.archive.org/web/20240529080615/https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202009/t20200908_679637.html (accessed 29.02.2024).

электронную коммерцию, что ознаменовало скачок в развитии информационной и коммуникационной индустрии страны; создание Полицейского командного центра и правительственной “горячей линии” в Лаосе; создание Интегрированной правительственной информационной системы в Папуа – Новой Гвинее; реализация проекта электронного правительства в Бангладеш¹⁷.

Интересно отметить, что Китай путем организации обучающих семинаров и академических программ также осуществляет активности по передаче другим странам опыта административного управления и совершенствования регулирования в различных сферах, включая сферу цифровой экономики. Несмотря на то, что в данном документе прямо не упоминаются ОС, однозначно можно утверждать, что наличие собственной цифровой инфраструктуры открывает широкие возможности для продвижения и реализации китайских “облачных технологий”, и что даже если американские цифровые гиганты будут конкурировать на рынках третьих стран с Китаем, последний все равно получит больше влияния, владея физической инфраструктурой, поверх которой такие сервисы будут предоставляться.

План развития национальной стандартизации (国家标准化发展纲要), известный как “Китайские стандарты 2035”, опубликован в октябре 2021 г. совместно Центральным комитетом Коммунистической партии Китая и Государственным советом Китая. Он также не упоминает ОС в явном виде, но делает акцент на необходимости стандартизации технологий, которые обеспечивают развитие цифровой экономики, и предлагает стандартизировать само цифровое общество, цифровое правительство, цифровые финансы, безопасность данных и коммуникационных сетей, защиту персональных данных; предлагает рассмотреть новые типы информационной инфраструктуры, включая новые технологии передачи данных и компьютерных вычислений¹⁸. Похоже, что в КНР нацелились “играть вдолгую” и приняли решение подойти к достижению глобального цифрового лидерства через формирование и продвижение собственных фундаментальных стандартов в сфере ИКТ – новые низкоуровневые технологии передачи данных. За последние годы Китай значительно увеличил количество предложений в Международной организации по стандартизации (*International Organization for Standardization, ISO*) и Международной электротехнической комиссии (*International Electrotechnical Commission, IEC*). Он достиг ежегодных темпов роста новых предложений в 20%¹⁹, а также занял лидирующие позиции как по количеству патентных заявок в сфере цифровой коммуникации, направленных в Европейское патентное ведомство (*European Patent Office, EPO*), так и по ежегодным темпам роста новых заявок, обогнав (в лице *Huawei*) шведский *Ericsson*, американский *Qualcomm* и южнокорейский *Samsung*²⁰.

Национальный план информатизации “14-я пятилетка” (“十四五”国家信息化规划), опубликованный в декабре 2021 г. Центральным комитетом по кибербезопасности и информатизации ЦК Компартии Китая (*中央网络安全和信息化领导小组*), дает детальное представление о задачах страны по развитию в сфере ИКТ с разных сторон: помимо развития самих технологий, он включает повышение компьютерной грамотности населения, совершенствование методов внедрения и государственного регулирования, развитие международного сотрудничества²¹.

ОС упоминаются многократно в различных аспектах:
– социальном, как:

¹⁷ Китайское международное сотрудничество развития в новую эпоху. См.: *新时代的中国国际发展合作*. Available at: <https://zh.wiki-source.org/w/index.php?title=%E6%96%B0%E6%97%B6%E4%BB%A3%E7%9A%84%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E9%99%85%E5%8F%91%E5%B1%95%E5%90%88%E4%BD%9C&oldid=2194584%EF%BC%8E> (accessed 26.02.2024).

¹⁸ План развития национальной стандартизации. См.: *中共中央 国务院印发《国家标准化发展纲要》*. 10.10.2021. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2021-10/10/content_5641727.htm (accessed 26.02.2024).

¹⁹ *China Standards 2035 – Shaping the World of Tomorrow?* EAC International Consulting. 13.10.2021. Available at: <https://eac-consulting.de/china-standards-2035/> (accessed 26.02.2024).

²⁰ China Files More Patents in Europe than Ever Before. *China Daily*, 06.04.2022. Available at: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202204/06/WS624ceb64a310fd2b29e55358.html> (accessed 26.02.2024).

²¹ Национальный план информатизации “14-я пятилетка”. См.: “十四五”国家信息化规划. December 2021. Available at: <https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/28/5664873/files/1760823a103e4d75ac681564fe481af4.pdf> (accessed 09.07.2024).

- новые каналы предоставления общественных услуг (образовательных и медицинских);
- внутриэкономическом/политическом, как:
 - один из целевых показателей индустриального развития по увеличению доли промышленного оборудования, использующего ОС, с 13.1% в 2020 г. до 30% в 2025 г.;
 - одна из целей по созданию национальной интегрированной системы центров “больших данных”;
 - одна из целей по расширению оптимизации и модернизации традиционных отраслей путем реализации подхода “загружайте в облако, используйте данные, обогащайте интеллект”;
 - один из инструментов оптимизации сетевых структур и безопасности систем электронного правительства;
 - новые бизнес-модели (“облачный туризм”, “облачные потоковые сервисы” и “облачные <художественные> представления”);
 - один из объектов государственного регулирования, которое должно быть адаптировано к изменениям, связанным с цифровизацией и технологическими инновациями;
- внешнеэкономическом/политическом, как:
 - одна из целей развития, в рамках которой китайские технологии должны достичь мирового уровня;
 - один из инструментов цифровизации цепочек поставок;
 - один из ключевых инфраструктурных проектов развития под названием “Умная сеть” для реализации концепции “интернет транспортных средств” (*Internet of Vehicles, IoV*);
 - один из компонентов реализации проекта “Цифрового шелкового пути”;
 - одна из задач по повышению уровня исследований и разработок приоритетного программного обеспечения для достижения целей технологического прорыва в информационной сфере²².

Общее и особенное в стратегиях США и Китая

В части формулирования стратегических планов и целей касательно “облачных сервисов” и связанных с этим методов регулирования можно выделить следующие общие характеристики между США и Китаем:

- рост внимания к теме, наблюдаемый в динамике – если в документах 2010-х годов ОС просто перечислялись как одна их передовых ИКТ, то начиная с 2020-х они выделяются в отдельный объект, по которому описывают специфические угрозы и ставят конкретные цели;
- ОС признаются одним из стимулов цифрового развития общества в целом и экономики в частности;
- ОС получают статус эффективного инструмента международного влияния: информационного, экономического, политического и военного;
- активная поддержка крупных ИКТ-компаний для их большего продвижения на международных рынках (но форма поддержки отличается – см. ниже).

Рассматривая отличительные черты США и Китая, можно выделить следующее:

- США открыто и агрессивно формулируют свою позицию в отношении “международных противников” и утверждают собственную первостепенную и исключительную роль в поддержании международного порядка и безопасности в киберпространстве, в то время как Китай настоятельно отрицает исключительное право любой страны на доминирование в данной сфере и подчеркивает необходимость выработки общих норм и правил совместно с другими государствами вне зависимости от уровня их экономического или научно-технического развития;
- США делают акцент на примате свободного потока данных и информации в международном киберпространстве, а Китай – на примате суверенитета каждой

²² Wang Mingjie. China Files More Patents in Europe than Ever Before. *China Daily*, 06.04.2022. Available at: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202204/06/WS624ceb64a310fd2b29e55358.html> (accessed 26.02.2024).

страны, который и должен определять легитимность тех или иных процессов в киберпространстве;

- США опосредованно способствуют развитию отечественных ИКТ-компаний путем минимального вмешательства в этот рынок, при этом Китай как бы формирует рынок, напрямую поддерживая и развивая крупные компании;
- США борются с влиянием КНР экономическими и политическими методами, а Китай (уже в значительной степени внутренне защищенный от влияния Соединенных Штатов на технологическом, экономическом и политическом уровнях) фокусируется на разработке и формировании нового международного технологического ландшафта, активно разрабатывая собственные стандарты и выделяя значительные государственные инвестиции на международные инфраструктурные проекты.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИНСТИТУТЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

“Международные организации и институты глобального управления” – отдельный тип субъекта *Kubernpolitik*, который играет важную роль в планировании и внедрении методов международного регулирования, так как, помимо стандартизации норм взаимодействия субъектов международных отношений, он также реализует институциональную власть отдельных государств, продвигающих свои интересы.

Данный тип субъекта включает формальные организации, которые в большой степени зависят от государств, так как они либо создаются государствами-участниками (международные межправительственные организации, или ММПО), либо создаются в рамках действующего законодательства (международные неправительственные организации, или МНПО), то есть опосредованно зависят от государств. В рамках данной статьи автор рассматривает деятельность США и Китая через различные ММПО, неформальные форумы глобального управления, региональные интеграционные объединения.

На данный момент нет отдельных ММПО, созданных специально для выработки совместных мер по работе с “облачными сервисами”, а ОС рассматриваются как один из типов ИКТ, через который может осуществляться влияние (политическое, военное, экономическое и т.д.). Тем не менее автор проводит анализ деятельности США и Китая в рамках существующих ММПО по формулированию и продвижению связанной с регулированием ОС повестки.

ММПО с лидирующей ролью США

Разведывательный альянс FVEY, также известный как “**Пять глаз**” (*Five Eyes*), созданный на базе Соглашения о радиотехнической разведывательной деятельности Великобритания–США (*UKUSA Signals Intelligence Agreement, UKUS SIGINT, UKUSA*), история которого начинается в 1940-е годы, включает США, Великобританию, Австралию, Канаду и Новую Зеландию и сотрудничает с Японией, Республикой Корея и странами – участницами НАТО. Альянс сфокусирован на деятельности в сфере сбора разведанных и обмена ими в разных областях, включая агентурную разведку. В открытом доступе нет информации о методах сбора таких данных, но косвенные признаки свидетельствуют об использовании всех потенциальных источников. Так, альянс обвиняет другие страны (в частности, Китай) в краже прав интеллектуальной собственности, в том числе через “облачные сервисы”²³.

Центр НАТО по сотрудничеству в сфере киберобороны (*NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, NATO CCD COE*), созданный в 2008 г., рассматривает возможности ИКТ в военном аспекте, а также привлекает внимание исследователей к этой теме, организовав формат регулярной Международной конференции по киберконфликтам (*CyCon*). В рамках

²³ Gooding M. UK and Five Eyes Allies Issue Warning on Chinese ‘Theft’ of Intellectual Properties. *Tech Monitor*, 18.10.2023. Available at: <https://techmonitor.ai/technology/cybersecurity/china-ip-theft-five-eyes> (accessed 09.07.2024).

этой конференции, например, в 2020 г. рассматривались вопросы обеспечения суверенитета государственных данных в “облаке” [17], в 2022 г. – сложности, связанные с выявлением киберугроз в ОС [18], а в 2023 г. – зависимость и устойчивость цифровой цепочки поставок (включая ОС) [19].

Четырехстороннее партнерство по кибербезопасности (*Quad Cybersecurity Partnership*) – создано в рамках **Четырехстороннего диалога по безопасности** (*Quadrilateral Security Dialogue, QSD, Quad*) между Австралией, Индией, Японией и США, основанного в 2007 г. и возобновившего свою деятельность в 2017 г. Хотя партнерство не выделяет отдельно тему “облачных сервисов”, но участвует в формировании принципов безопасного программного обеспечения²⁴, а также подчеркивает важность обеспечения безопасности и устойчивости информационных технологий и цепочек поставок цифровых продуктов и услуг²⁵.

“Чистая сеть” (*The Clean Network*) – инициатива США, объявленная в августе 2020 г., целью которой заявлена разработка “комплексного подхода к защите национальных активов... от агрессивного вторжения со стороны злонамеренных субъектов, таких как Коммунистическая партия Китая” и “устранение долгосрочной угрозы конфиденциальности данных, безопасности, правам человека и принципиальному сотрудничеству, исходящую для свободного мира от авторитарных злонамеренных субъектов”²⁶. В декабре 2020 г. США объявили, что более 60 стран и 200 телекоммуникационных компаний присоединились к этой инициативе²⁷. Также были запущены и специализированные направления инициативы, в частности:

- “Чистый провайдер” (*The Clean Carrier*), “Чистый кабель” (*The Clean Cable*) и “Чистый путь” (*The Clean Path*), призванные обеспечить надежную передачу данных, осуществляемую на разных этапах и посредством разных технологий (проводных или беспроводных);
- “Чистое облако” (*The Clean Cloud*) – для “предотвращения хранения и обработки наиболее конфиденциальной персональной информации граждан США и наиболее ценной интеллектуальной собственности... частных компаний <США>... в облачных системах, доступных... иностранным противникам <США> через такие компании, как *Alibaba, Baidu, China Mobile, China Telecom* и *Tencent*”.

Декларация о доступе государственных органов к персональным данным, хранящимся субъектами частного сектора (*Declaration on Government Access to Personal Data Held by Private Sector Entities*), принятая Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в декабре 2022 г., признает, что продолжающаяся цифровая трансформация приводит к созданию большего количества данных, включая персональные, поскольку цифровые технологии используются во всех секторах мировой экономики. Декларация определяет следующие принципы, по которым, в случае необходимости, национальные правительства:

- имеют право получать доступ к данным вне зависимости от того, где располагаются сами данные или хранящие их компании;
- могут не информировать людей о том, что был осуществлен доступ к их данным или произошло какое-либо нарушение в отношении этих лиц;
- могут ограничивать доступ к данным, удалять или восстанавливать их²⁸.

Неформальный форум глобального управления **Группа семи (G7)** на 49-м саммите глав государств и правительств, прошедшем в Японии в мае 2023 г., в своем итоговом коммюнике

²⁴ *Quad Cybersecurity Partnership: Joint Principles for Secure Software*. Available at: <https://www.pmc.gov.au/sites/default/files/resource/download/quad-joint-principles-secure-software.pdf> (accessed 19.02.2024).

²⁵ *Quad Cybersecurity Partnership: Joint Principles*. Available at: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100347892.pdf> (accessed 19.02.2024).

²⁶ *The Clean Network*. United States Department of State. Available at: <https://2017-2021.state.gov/the-clean-network/> (accessed 19.02.2024).

²⁷ *Expert: Trump Rewrites the U.S. Strategy to Respond to the CCP, and Biden Is Difficult to Reverse | CCP Threats | Human Rights | China Policy*. 6Park.News, 31.01.2021. Available at: <http://web.archive.org/web/20210411195357/https://6park.news/en/expert-trump-rewrites-the-u-s-strategy-to-respond-to-the-ccp-and-biden-is-difficult-to-reverse-ccp-threats-human-rights-china-policy-2.html> (accessed 19.02.2024).

²⁸ *OECD/LEGAL/0487 Declaration on Government Access to Personal Data Held by Private Sector Entities*. Organisation for Economic Co-operation and Development. 14.12.2022. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0487> (accessed 09.07.2024).

декларировала важность свободного трансграничного потока данных, информации, идей и знаний, но при этом признала проблемы, связанные с конфиденциальностью, защитой данных и прав интеллектуальной собственности, а также безопасностью “облачной” инфраструктуры. Вместе с тем были сделаны достаточно размытые заявления касательно свободного потока данных и прозрачности, потребностей государства сохранять свои законные общественные интересы, авторитарных методов использования технологий. Было заявлено о совместных планах по выработке общих и взаимодополняемых подходов и инструментов регулирования для надежной передачи данных и усиления роли технологий. Показательно, что для обозначения группы технологий используется не термин ИКТ, а ИКТС (*Information and Communications Technologies and Services, ICTS*) – информационно-коммуникационные технологии и сервисы, тем самым подчеркивается растущая роль относительно нового способа реализации цифровых продуктов, в том числе “облачных сервисов”²⁹.

В рамках **Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям** (*The Partnership for Global Infrastructure and Investment, PGII*) участники Группы семи взяли на себя общее обязательство продвигать государственные и частные инвестиции в инфраструктуру. В том числе с этой целью Корпорация финансирования международного развития США (*U.S. International Development Finance Corporation, DFC*) предоставляет кредит на сумму 300 млн долл. Гане на строительство крупнейшей в Африке сети взаимосвязанных средств передачи данных (дата-центров)³⁰. Предполагается, что за счет расширения доступа к “облачным технологиям” будет заложена основа цифровой революции на континенте, где проживает 17% населения планеты, но на данный момент находится менее 1% общемирового числа дата-центров.

ММПО с лидерской ролью и при участии Китая

Диалог сотрудничества Азии (*Asia Cooperation Dialogue, ACD*) – международный форум, созданный в 2002 г. и включающий большинство стран Азии. В мае 2019 г. по результатам 16-й Встречи министров иностранных дел в Катаре были сделаны общие заявления об укреплении сотрудничества в целях предотвращения киберугроз, а также об усилении продвижения и защиты прав человека³¹.

БРИКС (*BRICS*) – межгосударственное объединение, основанное в июне 2006 г. Бразилией, Россией, Индией и Китаем и включающее на сегодняшний день девять государств, активно продвигает позицию об управлении цифровым пространством и обеспечении международной цифровой безопасности через установление и гарантирование цифрового суверенитета стран [20]. Впервые этот принцип был озвучен в 2015 г.³², а по итогам саммита 2017 г. сформулированы совместные планы по развитию ИКТ (и “облачных сервисов”, в частности), включая создание Института будущих сетей БРИКС (*BRICS Institute of Future Networks, BIFNC*). Тогда же прозвучали заявления о намерениях по установлению международных правил обеспечения безопасности ИКТ-инфраструктуры и защиты данных, а также по совместному созданию безопасной и надежной коммуникационной сети³³.

Региональное интеграционное объединение **Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, АСЕАН** (*Association of Southeast Asian Nations, ASEAN*), основанное в 1967 г., хотя и не включает в свой основной состав Китай, тем не менее взаимодействует с ним в различных форматах АСЕАН+ и играет важную роль в региональном форуме Восточноазиатский саммит (см. ниже). В рамках АСЕАН функционирует множество организационных форматов и групп, связанных с вопросами кибербезопасности: Конференция министров АСЕАН по

²⁹ G7 Hiroshima Leaders' Communiqué. 20.05.2023. Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/hiroshima23/documents/pdf/Leaders_Communique_01_en.pdf?v20231006 (accessed 19.02.2024).

³⁰ Factsheet on the G7 Partnership for Global Infrastructure and Investment. Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/hiroshima23/documents/pdf/session1_01_en01.pdf (accessed 19.02.2024).

³¹ Doha Declaration, 16th Ministerial Meeting of the Asia Cooperation Dialogue 'Partners in Progress'. 01.05.2019. Available at: <http://acd-dialogue.org/ministerial-meeting/16th/Doha-Declaration-Adopted.pdf> (accessed 09.07.2024).

³² Communiqué of BRICS Ministers of Communications on the Outcomes of the Meeting on 'Expansion of Cooperation in the Field of Communications and ICTs'. 23.10.2015. Available at: <http://en.brics2015.ru/load/637860> (accessed 09.07.2024).

³³ BRICS Summit Xiamen Declaration. 04.09.2017. Available at: <https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/07/170904-xiamen.pdf> (accessed 09.07.2024).

кибербезопасности (ASEAN Ministerial Conference on Cybersecurity), Межсессионное совещание Регионального форума АСЕАН по безопасности и использованию ИКТ (ASEAN Regional Forum Inter-Sessional Meeting on Security of and in the Use of ICT), Заседание рабочей группы министров обороны АСЕАН по кибербезопасности (ASEAN Defence Ministers Working Group Meeting on Cyber Security), Программа киберпотенциала АСЕАН (ASEAN Cyber Capacity Programme)³⁴.

Шанхайская организация сотрудничества, ШОС (Shanghai Cooperation Organization, SCO) – международная организация, созданная в июне 2001 г. Китаем, Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, к которой позже присоединились Индия, Пакистан и Иран – своими главными задачами ставит укрепление стабильности и безопасности, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Деятельность ШОС также связана и со сферой ИКТ. Так, в мае 2023 г. состоялся Форум по развитию и сотрудничеству в области цифровых технологий Китай–ШОС (China – Shanghai Cooperation Organization Digital Technology Cooperation and Development Forum), в рамках которого было отобрано 37 проектов и подготовлен “Сборник кейсов цифрового сотрудничества Китая и стран ШОС (2023 г.)”³⁵, включающий, например, проект по созданию Инновационного центра “облачных вычислений” Ланканг–Меконг³⁶. В ноябре 2023 г. на встрече Группы экспертов ШОС по международной информационной безопасности обсуждались вопросы формирования международно-правового режима регулирования информационного пространства и возможности разработки договора о борьбе с использованием ИКТ в преступных целях³⁷.

“Цифровой шелковый путь” (数字丝绸之路) – проект Китая, инициированный в мае 2017 г. в рамках Организации международного сотрудничества Шелковый путь (一带一路)³⁸, является, вероятно, одним из главных инструментов реализации стратегии Китая по занятию им лидирующих позиций в глобальной сфере ИКТ. В рамках этого проекта еще раз подчеркивается роль Китая в решении следующих задач:

- поддержание цифрового развития мировой экономики;
- сокращение глобального цифрового разрыва;
- развитие глобального управления в сфере управления данными и цифровыми процессами;
- формирование, обучение и развитие “цифровых талантов”³⁹.

ММПО с совместным участием США и Китая

Организация Объединенных Наций, ООН (United Nations, UN), созданная в 1945 г. – универсальная международная межправительственная организация со 193 странами-участницами на сегодняшний день, вероятно, в наименьшей степени является той международной площадкой, через которую США и Китай могут высокоэффективно продвигать свою повестку в сфере “облачных сервисов” (по сравнению с другими вышеперечисленными организациями и диалоговыми платформами). Тем не менее их деятельность ведется и по этому направлению. Актуальна тема согласования Всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (Comprehensive International Convention on Countering the Use of Information and Communications Technologies for Criminal Purposes), проект

³⁴ East Asia Summit Leaders' Statement on Deepening Cooperation in the Security of ICT and of the Digital Economy. Available at: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/11/EAS-Leaders%E2%80%99-Statement-on-Deepening-Cooperation-in-the-Security-of-ICT-a....pdf> (accessed 09.07.2024).

³⁵ Ruijie Networks Was Invited to Participate in the China-SCO Digital Technology Cooperation and Development Forum. Ruijie Networks, 31.05.2023. Available at: <https://vn.ruijienetworks.com/about/news/scobdc> (accessed 16.09.2024).

³⁶ Цяйняо был выбран в качестве примера сотрудничества в цифровой сфере между Китаем и странами ШОС. См.: 菜鸟入选中国-上合组织国家数字领域合作案例. 12.06.2023. Available at: <http://web.archive.org/web/20231129112657/http://it.enorth.com.cn/system/2023/06/12/054009753.shtml> (accessed 29.02.2024).

³⁷ О заседании Группы экспертов ШОС по международной информационной безопасности. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 21.11.2023. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1916398/ (accessed 29.02.2024).

³⁸ Full Text of President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum. Xinhua, 14.05.2017. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed 27.02.2024).

³⁹ Цифровой шелковый путь ускоряет модернизацию мира. См.: 数字丝绸之路加速世界现代化 - 中国一带一路网. 30.11.2023. Available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/ORRKAALU.html> (accessed 28.02.2024).

которой Российская Федерация подала в Генеральную Ассамблею ООН в 2017 г. Этот проект не содержит прямого указания на ОС, так как ИКТ рассматривается в целом как инструмент киберпреступлений⁴⁰. Представители (правительства и общественные организации) США, Великобритании, ЕС и отдельных стран Латинской Америки и Азии высказывают опасение, что принятие документа в текущей редакции может дать законные основания отдельным странам криминализировать онлайн-контент и ограничивать свободу слова, преследовать журналистов, активистов и политическую оппозицию [21]. Иран заявляет, что предложенный проект не является договором о правах человека, и следует использовать подход, аналогичный Конвенции ООН против коррупции, – то есть не включать ссылки на права человека⁴¹. Россия предлагала криминализировать 23 вида киберпреступлений, и проект Конвенции был поддержан Китаем в его изначальной редакции, однако в последней редакции (на момент подготовки статьи) осталось 11 видов преступлений⁴².

Восточноазиатский саммит (*East Asia Summit, EAS*), созданный в 2005 г., изначально включал Китай, а США (и Россия) присоединились к неформальному форуму лидеров 16 государств Восточной и Юго-Восточной Азии, который организует ежегодную встречу в верхах, в 2011 г.⁴³ В октябре 2018 г. было опубликовано “Заявление лидеров Восточноазиатского саммита по углублению сотрудничества в области безопасности информационно-коммуникационных технологий и цифровой экономики” с указанием на использование результатов работы экспертных групп АСЕАН, а также сделано заявление о необходимости создания открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной среды ИКТ⁴⁴. По итогам 18-й встречи, прошедшей в сентябре 2023 г. в Индонезии было сделано заявление, в котором, помимо прочего, подчеркивалась важность разработки “более ощутимых” проектов связи, а также практически слово в слово повторялось заявление 2018 г. о “создании открытой, безопасной... среды ИКТ”⁴⁵.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, АТЭС (*Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC*), форум открытого регионализма, созданный в 1989 г. и включающий на сегодняшний день 21 страну, уделяет особое внимание теме регулирования ОС. В ноябре 2017 г. Специальная руководящая группа по интернет-экономике (*Ad Hoc Steering Group on Internet Economy*) опубликовала “Дорожную карту АТЭС по интернету и цифровой экономике” (*APEC Internet and Digital Economy Roadmap*), в которой одним из ключевых направлений устанавливается содействие согласованности и сотрудничеству подходов к регулированию интернета и цифровой экономики при соблюдении внутреннего законодательства государств⁴⁶. В августе 2023 г. Рабочая группа АТЭС по телекоммуникациям и информации (*APEC Telecommunications and Information Working Group, TELWG*) опубликовала “Рекомендации по облачной трансформации в АТЭС” (*Recommendations for Cloud Transformation in APEC*). Рекомендации, в частности, советуют странам-участницам четко определить роли и обязанности организаций, предоставляющих ОС (например, контролеры данных и обработчики данных), и руководящие принципы обеспечения конфиденциальности данных; а также применять правила регулирования, которые соответствуют своему назначению,

⁴⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. ООН. 29.06.2021. Available at: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (accessed 09.07.2024).

⁴¹ *A Dream Deferred or a Near Miss? UN Committee Postpones Decision on Cybercrime Convention*. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Available at: <https://globalinitiative.net/analysis/un-committee-postpones-decision-cybercrime-convention/> (accessed 19.02.2024).

⁴² Черненко Е. Под статью подвели не все. Россия недовольна проектом Конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью. *Коммерсантъ*, 12.01.2024. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6452715> (accessed 09.07.2024).

⁴³ Восточноазиатский саммит является площадкой для диалога глав государств и правительств стран региона по широкому кругу политических и экономических вопросов, представляющих общий интерес. Встречи в таком формате проводятся ежегодно в привязке к мероприятиям АСЕАН на высшем уровне. Собственного секретариата у форума нет, его функции выполняет Секретариат АСЕАН. Все решения на саммитах принимаются консенсусом.

⁴⁴ *East Asia Summit Leaders' Statement on Deepening Cooperation in the Security of ICT and of the Digital Economy*. Available at: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/11/EAS-Leaders%E2%80%99-Statement-on-Deepening-Cooperation-in-the-Security-of-ICT-a....pdf> (accessed 09.07.2024).

⁴⁵ *Chairman's Statement of the 18th East Asia Summit*. ASEAN. 07.09.2023. Available at: <https://www.mofa.go.jp/files/100551492.pdf> (accessed 09.07.2024).

⁴⁶ *APEC Internet and Digital Economy Roadmap*. APEC. 24.10.2017. Available at: https://www.apec.org/docs/default-source/Groups/ECSG/17_csom_006.pdf (accessed 09.07.2024).

прозрачны, контролируемы и основаны на доказательствах⁴⁷.

Группа двадцати (G20), созданная в 1999 г. и включающая 19 стран-участниц, на 18 саммите, прошедшем в Индии в сентябре 2023 г., несмотря на наличие отдельного трека “Технологическая трансформация и цифровая общественная инфраструктура”, ограничивается только общими заявлениями о важности данной темы. Тем не менее в ее декларациях прослеживается некий тренд, общий с описанными выше заявлениями, который таким образом хорошо резюмирует актуальную повестку (и неявное противоречие): “Мы признаем важность надежного свободного трансграничного потока данных, соблюдая при этом применимые правовые рамки”⁴⁸.

Общее и особенное в международной деятельности США и КНР

В части формирования и реализации международной институциональной силы США и Китай также имеют как общие, так и особенные черты. Общие характеристики деятельности двух стран можно подытожить одним пунктом: активное участие как в существующих международных организациях и форумах, так и создание новых, где многократно подчеркивается важность двух больших и взаимосвязанных тем – влияния ИКТ (и в частности, “облачных сервисов”) на международные отношения и проблемы международного регулирования этой сферы.

Однако рассматриваемые страны сильно отличаются в плане наполнения своей повестки международного сотрудничества.

Во-первых, США большую часть своего внимания и усилий уделяют именно военной сфере (киберугрозы, кибератаки, кибершпионаж, кибербезопасность, военное киберпланирование и т.д.), в то время как Китай действует по всему фронту вопросов, затрагиваемых передовым развитием ИКТ (экономический, военно-политический, культурный и нормативно-правовой).

Во-вторых, Вашингтон продвигает “либеральный” подход (свободный поток данных и информации) к международному экономическому киберсотрудничеству как единый “стандарт”, к которому должны стремиться все страны, а Пекин ставит под вопрос универсальность таких “правил”, критикуя их неполноту и неоднозначную трактовку, и активно выступает за создание новых правил, учитывающих законные интересы всех участников.

В-третьих, Соединенные Штаты в значительной степени опираются на частные компании и общественные организации (продвигая “свободу” как главное мерило), в то время как Китай главным образом обращается к национальным правительствам (апеллируя к “суверенитету”).

В-четвертых, США, уже обладая глобальным доминированием в сфере ОС, пытаются сохранить свою позицию, а КНР продвигает собственные стандарты на международном уровне и широко реализует крупные инфраструктурные ИКТ-проекты, тем самым добываясь для себя лидерства как в пространственном измерении, так и технологических сферах.

В-пятых, США больше сотрудничают со странами, которые близки им культурно, экономически и политически (Канада, Великобритания, государства ЕС, Австралия), а Китай – с очень разными странами (БРИКС). В этой связи у КНР возникает потенциально большой риск разногласий со своими международными партнерами, но при этом и растет шанс выработать действительно универсальные подходы в глобальном масштабе.

⁴⁷ TELWG Recommendations for Cloud Transformation in APEC. APEC. 15.08.2023. Available at: https://mddb.apec.org/Documents/2023/SCE/SCE3/23_sce3_006.pdf (accessed 09.07.2024).

⁴⁸ G20 New Delhi Leaders' Declaration. New Delhi, 9–10 September 2023. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2023/G20-New-Delhi-Leaders-Declaration.pdf> (accessed 19.02.2024).

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ “ОБЛАЧНЫХ СЕРВИСОВ”

Анализируемую систему сложно прогнозировать, так как она является многоуровневой и многофакторной, от чего в значительной степени зависит ее изменение в будущем. Автор описывает эти факторы и уровни, дает изолированный прогноз для каждого из них, определяет ключевой тренд и на этом основании представляет вероятные сценарии развития.

Ключевые факторы развития международной системы регулирования в сфере ОС.

1. Развитие технологии “облачных сервисов”

Развитие ОС как технология и цифровой продукт (ИКТ-решение) с высокой степенью вероятности принципиально не поменяется: будут появляться новые методы передачи данных, оптимизированные технологии обработки и хранения данных, приниматься новые стандарты, но концептуальная модель удаленного выполнения программ и хранения данных не изменится. Тем не менее высоковероятно, что биполярная технологическая конкуренция будет сохраняться.

Также высоковероятно, что тенденция развития ОС как инструмента цифровизации социально-экономических процессов продолжится, и все больше таких процессов будут оцифрованы как раз с использованием ОС.

Высоковероятно, что ОС как военно-политический инструмент будут еще шире и активнее использоваться для информационных кампаний, шпионажа, военного воздействия и политического принуждения, что вызвано вышеупомянутым принципом их функционирования (удаленное выполнение программ и доступ к ним через сеть).

С высокой степенью вероятности развитие новых методов регулирования будет происходить параллельно с развитием способов проведения кибератак (в широком смысле).

2. Трансформация мирового порядка

Высоковероятно, что США и Китай будут оставаться глобальными лидерами и центрами международной гравитации во всех сферах (технологической, экономической, политической, военной). Конфликтность между ними будет расти, а уровень противостояния США и Китая – повышаться. Наряду с этим будет усиливаться стремление и других стран к увеличению их роли и влияния на форумах глобального управления. Вероятно, текущая система функционирования ООН как универсальной международной площадки достижения международного консенсуса будет все менее эффективно справляться со своей задачей.

Центральный тренд определяет процессы, которые с высокой долей вероятности будут протекать при прочих равных условиях (то есть вне зависимости от вариативности описанных выше факторов). Автор делает предположение, что один из наиболее существенных ресурсов будущего развития США и Китая – это Глобальный Юг, а борьба за доминирование в этом регионе станет центральным трендом анализируемой системы. Вне зависимости от реализации конкретного сценария США и Китай будут уделять большое внимание развитию крупных проектов информационной инфраструктуры, продвижению своих ИКТ-компаний и “поддержанию кибербезопасности” на Глобальном Юге.

Вероятные сценарии развития, по мнению автора, главным образом определяются (среди всех вышеперечисленных факторов) возможностью достижения глобального консенсуса в целом и будущем ООН как международной площадки для его достижения, в частности.

Сценарий “А. Консенсус не достигается” (продолжение текущей ситуации), при которой конкуренция имеет преимущественно политический характер, увеличиваются риски фрагментации интернета, происходит дивергенция технических стандартов, растет вероятность деструктивных действий, включая применение “облачных сервисов” в военных целях.

Сценарий “Б. Консенсус достигается” (как длительный процесс). В таком случае мы сможем наблюдать международную конвергенцию во всех аспектах, касающихся регулирования ОС – техническая стандартизация, юридические нормы и экономические правила, основополагающие принципы защиты персональных данных и соблюдения национальных интересов всех стран. При этом сценарии конкуренция за Глобальный Юг между США и Китаем будет иметь преимущественно экономический характер, а количество потенциальных взаимных деструктивных действий в киберпространстве будет значительно снижаться.

Учитывая прогнозы роста рынка ОС в сравнении с рынком сырой нефти (первый обгонит второй в 2032 г. [1]), интересно провести аналогию “политики облачных сервисов” с “политикой нефти”. До нефтяного кризиса 1973 г. мировая торговля нефти имела больше экономический характер, чем политический. Первый мировой нефтяной кризис привел к формированию понятия “нефтяное оружие”, а после кризиса большинство стран мира стали развивать свою политику в части обеспечения энергетической безопасности. Конечно, ОС довольно сильно отличаются от нефти по своей природе, но есть и много общих характеристик, и ключевая из них – влияние если не на все, то на большинство отраслей и сфер жизнедеятельности (когда от успешного развития и внедрения новых технологий зависит эффективность и скорость развития экономики и общества). Конечно, важно учитывать и ключевое отличие “облачных сервисов” от нефти – первые не являются ограниченным ресурсом (хотя могут быть временно ограниченным по причине технологического отставания), не являются ресурсом материальным (хотя и основаны на физической инфраструктуре), и недостаток такого ресурса может быть восполнен со временем (в том числе за счет кибершпионажа). Поэтому, по мнению автора, “борьба” в этой сфере будет вестись именно на скорость. Тем не менее мир пока не стал свидетелем ни “цифрового кризиса”, ни полного “цифрового занавеса”, а пик регулирования, вероятно, еще впереди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Григорьевский В.В. Регулирование “облачных сервисов” как инструмент международной конкуренции: определение предметного поля. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 2, сс. 41-56. [Grigoryevsky V.V. Regulating Cloud Services as a Tool of International Competition: Defining the Domain. *Analysis and Forecasting. Journal of IMEMO*, 2024, no. 2, pp. 41-56. (In Russ.)] DOI: 10.20542/afj-2024-2-41-56
2. Цветкова Н., Сытник А. Цифровое противостояние США и КНР: экономическое и политическое измерения. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 11, сс. 15-23. [Tsvetkova N., Sytnik A. Digital Confrontation Between USA and China: Economic and Political Dimensions. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 11, pp. 15-23. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-15-23
3. Данилин И.В. Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма. *Пути к миру и безопасности*, 2021, № 1(60), сс. 29-43. [Danilin I.V. The U.S.–China Technological War Through the Prism of Techno-Nationalism. *Pathways to Peace and Security*, 2021, no. 1(60), pp. 29-43. (In Russ.)] DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43
4. Schulze M., Voelsen D. Digital Spheres of Influence. Lippert B., Perthes V., eds. *Strategic Rivalry Between United States and China*. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2020, pp. 30-34. DOI: 10.18449/2020RP04
5. Панкова Л.В., Гусарова О.В. Перспективные технологии стратегического уровня. Арбатов А.Г., Богданов К.В., Гусарова О.В., Евтодиева М.Г., отв. ред. *Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция*. Москва, Весь Мир, 2023, сс. 162-178. [Pankova L.V., Gusarova O.V., Promising Strategic Technologies. Arbatov A.G., Bogdanov K.V., Gusarova O.V., Evtodieva M.G., eds. *International Security: The New World Order and Technology Revolution*. Moscow, Ves' mir, 2023, pp. 162-178. (In Russ.)]
6. Romashkina N.P. Information and Communication Technology and International Security. Romashkina N.P., Markov A.S., Stefanovich D.V., eds. *Information Technologies and International Security*. Moscow, IMEMO, 2023, pp. 12-33. DOI: 10.20542/978-5-9535-0613-7
7. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: “новая биполярность” в “сетевом обществе”. *Вестник международных организаций*, 2021, т. 16, № 23, сс. 7-33. [Degterev D.A., Ramich M.S., Piskunov D.A. U.S. & China Approaches to Global Internet Governance: ‘New Bipolarity’ in Terms of ‘The Network Society’. *International Organisations Research Journal*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 7-33. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-01
8. Рамич М.С., Пискунов Д.А. Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов. *Вестник РУДН. Международные отношения*, 2022, № 22(2), сс. 238-255. [Ramich M.S., Piskunov D.A. The Securitization of Cyberspace: From Rulemaking to Establishing Legal Regimes. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 238-255. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255
9. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital Sovereignty: A Descriptive Analysis and a Critical Evaluation of Existing Models. *SSRN Electronic Journal*, January 2024, pp. 1-30. DOI: 10.2139/ssrn.4816020

10. Creemers R. China's Conception of Cyber Sovereignty. Broeders D., Berg B.V.D., eds. *Governing Cyberspace: Behavior, Power and Diplomacy. Digital Technologies and Global Politics*. Lanham, Rowman & Littlefield, 2020, pp. 107-142. DOI: 10.2139/ssrn.3532421
11. Creemers R. China's Cybersecurity Regime: Securing the Smart State. *SSRN Electronic Journal*, March 2022, pp. 1-38. DOI: 10.2139/ssrn.4070682
12. Григорьевский В.В., Дегтерев Д.А., Пискунов Д.А., Прохоренко И.Л. Международная политэкономия ИКТ-индустрии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 3, сс. 5-19. [Grigoryevsky V.V., Degtarev D.A., Piskunov D.A., Prokhorenko I.L. International Political Economy of ICT Industry. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 3, pp. 5-19. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-5-19
13. Григорьевский В.В. Kuberpolitik – власть в цифровую эру. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 2024, № 3, в печати. [Grigoryevsky V. Kuberpolitik – Power in the Digital Age. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2024, no. 3, in press. (In Russ.)]
14. Schwartz P. *The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World*. New York, London, Toronto, Sydney, Auskland, Crown, 2012. 288 p.
15. Ringland G. *Scenario Planning*. United Kingdom, Action Publishing Technology Limited, 2014. 492 p.
16. Fahey L., Randall R.M. *Learning from the Future: Competitive Foresight Scenarios*. Germany, Wiley, 1998. 446 p.
17. Kushwaha N., Roguski P., Watson B.W. Up in the Air: Ensuring Government Data Sovereignty in the Cloud. Jančárková T., Lindström L., Signoretti M., Tolga I., Visky G., eds. *12th International Conference on Cyber Conflict. 20/20 Vision: The Next Decade*. Tallinn, NATO CCDCOE Publications, 2020, pp. 43-62. Available at: https://ccdcoe.org/uploads/2020/05/CyCon_2020_book.pdf (accessed 10.09.2024).
18. Sukumar A.M. 'Responsibility to Detect?': Autonomous Threat Detection and Its Implications for Due Diligence in Cyberspace. Jančárková T., Visky G., Winther I., eds. *14th International Conference on Cyber Conflict. Keep Moving*. Tallinn, NATO CCDCOE Publications, 2022, pp. 173-188. Available at: https://ccdcoe.org/uploads/2022/06/CyCon_2022_book.pdf (accessed 10.09.2024).
19. Gjesvik L., Bryhni H., Schia N.N., Khanyari A.L., Arouna A. Digital Supply Chain Dependency and Resilience. Jančárková T., Giovannelli D., Podiňš K., Winther I., eds. *15th International Conference on Cyber Conflict. Meeting Reality*. Tallinn, NATO CCDCOE Publications, 2023, pp. 141-160. Available at: https://ccdcoe.org/uploads/2024/05/CyCon_2023_book_print.pdf (accessed 10.09.2024).
20. Игнатов А., Зиновьева Е. "Цифровой суверенитет" в повестке объединения БРИКС. Российский совет по международным делам. 24.01.2024. [Ignatov A., Zinovieva E. *BRICS Agenda for Digital Sovereignty*. Russian International Affairs Council. 24.01.2024. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/> (accessed 29.02.2024).
21. Wilkinson I. *What Is the UN Cybercrime Treaty and Why Does It Matter?* The Royal Institute of International Affairs (Chatham House)*. 04.08.2023. Available at: <http://web.archive.org/web/20240803233333/https://www.chathamhouse.org/2023/08/what-un-cybercrime-treaty-and-why-does-it-matter> (accessed 19.02.2024).

* Деятельность организации признана Минюстом РФ нежелательной на территории Российской Федерации.

РАСШИРЕНИЕ БРИКС: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АРКТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЛОГИСТИКИ

© СТРЕЛЬНИКОВА И.А., МАЙОРОВ М.Г., ПОПОВ Д.И., 2024

СТРЕЛЬНИКОВА Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, руководитель научно-учебной группы “БРИКС+ как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике”.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17 (istrelnikova@hse.ru), ORCID: 0000-0001-9097-0753

МАЙОРОВ Максим Глебович, член научно-учебной группы “БРИКС+ как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике” факультета мировой экономики и мировой политики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17 (mgmayorov@edu.hse.ru), ORCID: 0009-0005-1858-7350

ПОПОВ Дмитрий Игоревич, член научно-учебной группы “БРИКС+ как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике” факультета мировой экономики и мировой политики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17, (dp04@mail.ru), ORCID: 0009-0009-6037-1763

Стрельникова И.А., Майоров М.Г., Попов Д.И. Расширение БРИКС: последствия для арктического сотрудничества в сфере логистики. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2024, № 3, сс. 71-82. DOI: 10.20542/afij-2024-3-71-82 EDN: FGFWBI

DOI: 10.20542/afij-2024-3-71-82

EDN: FGFWBI

УДК: 327(98)+327.7

Поступила в редакцию 20.03.2024.

После доработки 28.08.2024.

Принята к публикации 25.09.2024.

В статье анализируются перспективы взаимодействия России с неарктическими странами из расширенного состава БРИКС в Арктике. Цель исследования – определение общности интересов стран БРИКС в сфере логистики в арктическом регионе, степени возможного сотрудничества между ними в данной области, а также потенциала новых стран – членов БРИКС (Объединенных Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Ирана) в этом направлении. Показано, что для России, Китая и Индии – как “старых” членов межстранового объединения – сферы логистики, развития транспортных путей, маршрутов, портовой инфраструктуры и судоходства более перспективны для приполярного сотрудничества, о чем свидетельствует ориентация региональных стратегий КНР и Индии преимущественно на хозяйственные и экономические вопросы и проблемы рационального использования ресурсов. В то же время анализ формирующихся полярных повесток Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ также демонстрирует их интерес к развитию сотрудничества в области логистики и судоходства, особенно в зоне Северного морского пути (СМП) и международного транспортного коридора (МТК) “Север–Юг”, что в перспективе может привести к формированию общей межрегиональной транспортной системы в рамках БРИКС и в

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

целом стать общей основой для формирования в перспективе полярной повестки БРИКС. Исследование проведено с использованием теоретико-методологической рамки теории международных режимов, которая предполагает возможность сотрудничества в определенных областях в соответствии с интересами государств, что можно наблюдать в случае арктической повестки между членами одного объединения.

Ключевые слова: Россия, Китай, Индия, Объединенные Арабские Эмираты, Иран, Арктика, логистика, судоходство, БРИКС.

Вклад авторов: равноценный вклад авторов в сбор материала, написание и сведение текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 24-00-020 "БРИКС+ как новый перспективный формат развития сотрудничества в Арктике") в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)».

BRICS EXPANSION: IMPLICATIONS FOR LOGISTICS COOPERATION IN THE ARCTIC

Received 20.03.2024. Revised 28.08.2024. Accepted 25.09.2024.

*Irina A. STRELNIKOVA (istrelnikova@hse.ru), ORCID: 0000-0001-9097-0753,
National Research University 'Higher School of Economics', 17, Malaya Ordynka Str., Moscow
119017, Russian Federation.*

*Maksim G. MAIOROV (mgmayorov@edu.hse.ru), ORCID: 0009-0005-1858-7350,
National Research University 'Higher School of Economics', 17, Malaya Ordynka Str., Moscow
119017, Russian Federation.*

*Dmitrii I. POPOV (dp04@mail.ru), ORCID: 0009-0009-6037-1763,
National Research University 'Higher School of Economics', 17, Malaya Ordynka Str., Moscow
119017, Russian Federation.*

The article analyzes the prospects for Russia's interaction with non-Arctic BRICS states in the Arctic. The purpose of the study is to determine how common the interests of the BRICS countries are in the field of logistics in the Arctic region and how likely cooperation is between them in this area, as well as what is the potential of the new BRICS member countries (United Arab Emirates, Saudi Arabia and Iran) in this direction. It is shown that for Russia, China and India as the founding BRICS members, the spheres of logistics, development of transport links routes, routes, port infrastructure and cargo shipping are the most promising for circumpolar cooperation, as evidenced by the orientation of the regional strategies of China and India mainly on commercial and economic issues and problems of rational use of resources. At the same time, the analysis of the emerging polar agendas of Iran, Saudi Arabia and the UAE also demonstrates their interest in developing cooperation in the field of logistics and cargo shipping, especially in the area of the Northern Sea Route (NSR) and the international transport corridor (ITC) 'North-South', which in the future may lead to the formation of a common interregional transport system within the framework of BRICS and may become a basis for the formation of the BRICS polar agenda in the future. The study was conducted using the theoretical and methodological framework of the theory of international regimes, which assumes the possibility of cooperation in certain areas in accordance with the interests of states, which can be observed in the case of the Arctic agenda between members of the same association.

Keywords: Russia, China, India, UAE, Iran, Arctic, logistics, shipping industry, BRICS.

About the authors:

Irina A. STRELNIKOVA, Co-Head of 'International Relations: European and Asian Studies' Master's

Programme, Associate Professor, Head of a Scientific and Educational Group 'BRICS+ as a Platform for Cooperation in the Arctic: Problems, Prospects and Development Scenarios', Faculty of World Economy and International Affairs.

Maksim G. MAIOROV, Member of a Scientific and Educational Group 'BRICS+ as a Platform for Cooperation in the Arctic: Problems, Prospects and Development Scenarios', Faculty of World Economy and International Affairs.

Dmitrii I. POPOV, Member of a Scientific and Educational Group 'BRICS+ as a Platform for Cooperation in the Arctic: Problems, Prospects and Development Scenarios', Faculty of World Economy and International Affairs.

Authors' contribution: equal contribution of the authors to the collection of material, structuring and writing the text of the article.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: The publication was prepared as a part of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 24-00-020 'BRICS+ as a New Promising Format for Developing Cooperation in the Arctic').

For citation: Strelnikova I.A., Maiorov M.G., Popov D.I. BRICS Expansion: IMPLICATIONS for Logistics Cooperation in the Arctic. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2024, no. 3, pp. 71-82. DOI: 10.20542/afj-2024-3-71-82 EDN: FGFWBI

ВВЕДЕНИЕ

Значимость Арктического региона для российской внутренней и внешней политики крайне высока. Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) активно вовлечена в первую очередь в экспорт углеводородов и сжиженного природного газа (СПГ), что позволяет обеспечивать более 12% российского ВВП ежегодно. О важности региона свидетельствует, помимо прочего, и выделение российской Арктики как зоны особой значимости, ключевого элемента безопасности РФ и площадки для партнерства с дружественными странами, что отражено в таких документах, как Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года¹, Стратегия национальной безопасности РФ 2021 года², последней редакции Концепции внешней политики РФ 2023 года³ и многих других.

В условиях резкого и системного осложнения отношений России с западными странами, включая североамериканские, остро стоит вопрос о диверсификации инвесторов и партнеров по развитию российской Арктики, Северного морского пути как системообразующих компонентов Арктики в целом [1] и связанной с ними прибрежной инфраструктуры, в том числе относящейся к нефтегазовой отрасли. Из-за западных санкций и ограничительных мер российские нефтяные и газовые компании оказались отрезаны от европейских рынков и вынуждены перенаправлять свой экспорт в Китай и Индию. Отметим, что статус государств-наблюдателей, который имеют эти две страны в Арктическом совете, обязывает их уважать интересы и эксклюзивные права России как арктического государства. В то же время сами Индия и КНР арктическими государствами в силу объективных географических причин не являются. В рамках традиционных форматов международного сотрудничества в регионе Россия, оставшись фактически в изоляции среди стран коллективного Запада, других арктических держав,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Официальный интернет-портал правовой информации. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (accessed 27.01.2024).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. Министерство иностранных дел РФ. 02.07.2021. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (accessed 27.01.2024).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Министерство иностранных дел РФ. 31.03.2023. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (accessed 27.01.2024).

которые в настоящее время все являются членами НАТО, встала перед необходимостью переоценки своих приоритетов в контексте взаимодействия с внерегиональными акторами.

В рамках актуального российского внешнеполитического дискурса меняется и роль неарктических государств в Арктике. Важным элементом этой трансформации стало принятие в марте 2023 г. новой Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой отмечено намерение развивать сотрудничество в Арктическом регионе со странами, занявшими конструктивную позицию в отношении России. Среди таких стран первостепенное значение имеют азиатские государства – Китай и Индия. Вместе с тем сложившаяся геополитическая ситуация вызывает к жизни необходимость расширения круга партнеров в регионе из числа прочих неарктических стран. В этой связи представляют интерес потенциал сотрудничества в северном приполярье с участниками БРИКС в его расширенном составе, их интересы в Арктике и возможные направления совместной деятельности.

Одно из наиболее приоритетных и релевантных направлений такого сотрудничества – развитие взаимодействия в сфере логистики и судоходства. В статье будут кратко рассмотрены соответствующие интересы стран – участниц БРИКС, в том числе недавно присоединившихся Исламской Республики Иран, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

Исследования арктических стратегий отдельных стран – членов БРИКС активизировались еще с конца 2010-х годов. В частности, имеются работы по КНР в исторической ретроспективе [2], касающиеся ее будущего развития [3], сопряженные с инициативой “Пояса и пути” [4]. Среди трудов по Индии можно выделить также исторический обзор [5], исследования общих закономерностей развития страны [6] и его различных направлений [7], возможностей в контексте международных институтов [8], отдельных тенденций потенциального сотрудничества в рамках арктической повестки (возможности площадки в целом [9], кооперации отдельных акторов [10], отраслевых связей, например, в контексте научной дипломатии [11], добычи полезных ископаемых и туризма [12]). Сфера логистики затрагивалась лишь косвенно, хотя и упоминалась при анализе двухстороннего взаимодействия, в частности, РФ и ОАЭ [13]. Таким образом, изучение отдельного значимого аспекта арктической повестки – сотрудничества в области логистики при участии стран – членов БРИКС в его расширенном составе – представляется актуальным, дополняющим картину выстраиваемых разнонаправленных связей в Арктике.

Идейно и методологически исследование основано на теории международных режимов (О. Янг [14], С. Краснер [15]). В соответствии с данным подходом под международным режимом регулирования понимаются формальные и неформальные принципы и нормы, определяющие процедуры согласования общих интересов в тех областях, которые отвечают интересам государств на мировой арене. Данный подход позволяет сочетать представление об интересах отдельных акторов в Арктическом регионе и возможность сотрудничества в сферах, выступающих источником новых норм – в том случае, если к этому склоняются все акторы.

БРИКС можно считать примером кооперации, выстроенной и развивающейся только в тех областях, где интересы участников не противоречат друг другу, что нашло отражение, например, в Йоханнесбургской декларации объединения 2023 г.⁴ Согласно этой логике, формирование объединения и его расширение, с одной стороны, стали ответом на системные стимулы, в частности, необходимость выработки общих позиций стран-членов. С другой стороны, они реализовались в соответствии со стратегической культурой каждой из участниц объединения, без значительных обязательств. Следовательно, и в формировании арктической повестки можно проследить схожие тенденции кооперации в сферах, где сотрудничество соответствует всесторонним интересам. Избранные авторами для анализа логистика и судоходство представляют удачные примеры таких отраслей.

⁴ XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration. Joint Center of Business Cooperation of BRICS. 24.08.2023. Available at: <https://ocds-brics.org/wp-content/uploads/2023/08/jhb-ii-declaration-24-august-2023-1.pdf> (accessed 18.10.2023).

Цель исследования заключается в определении того, насколько общими являются интересы стран БРИКС+ в сфере логистики в арктическом регионе, и каковы возможности их сотрудничества в данной области. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- 1) определить цели традиционных членов БРИКС (России, КНР, Индии) в сфере арктической логистики в соответствии с их стратегиями;
- 2) проанализировать потенциальные интересы новых членов БРИКС (ОАЭ, Саудовской Аравии и Ирана) в этом направлении;
- 3) выявить сходство, различия и возможности для общей деятельности, с тем чтобы понять, насколько сотрудничество в сфере логистики может стать общей основой для формирования в перспективе полярной повестки БРИКС.

ОСОБЕННОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И ИНДИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИКИ В РЕГИОНЕ

В начале рассмотрим стратегическое видение Арктики Китаем и Индией, определив области пересечения их интересов и возможности сотрудничества в этом регионе мира. Названные государства – члены БРИКС в настоящее время проявляют видимую активность в высоких северных широтах и входят в качестве наблюдателей в Арктический совет. Хотя КНР и Индия не являются арктическими с географической точки зрения и не имеют прямого выхода в акватории Северного Ледовитого океана (СЛО), в последние годы они опубликовали несколько важных программных документов, в которых сформулировали собственные арктические интересы. Стоит отметить, что обе страны заявили о намерении соблюдать Конвенцию ООН по морскому праву, а именно: уважать право России регулировать проход через российскую исключительную экономическую зону. Это заявление можно считать общей признанной нормативной рамкой, формирующей основу международного режима в регионе.

Системным фактором сближения Москвы и Пекина по ряду вопросов, в том числе связанных с развитием Арктики, является более или менее очерченная риторика так называемого коллективного Запада, представляющая обе державы в качестве угроз сложившемуся миропорядку. Так, в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. РФ и КНР названы “автократиями <...>, экспортирующими модель принуждения в международных отношениях”, а сдерживанию России и стратегической победе над КНР посвящен подраздел в разделе о глобальных приоритетах США⁵. При этом и западные [16], и отечественные⁶ эксперты отмечают, что курс на сдерживание обеих держав в региональном и глобальном измерениях вынудит последние интенсифицировать арктическое сотрудничество. В результате в силу ресурсного и технического потенциала именно РФ и КНР будут влиять [16] на формат развития международного сотрудничества в регионе.

По совокупному объему прямых иностранных инвестиций в развитие инфраструктуры российской Арктики в целом лидирует Китайская Народная Республика. За последнее десятилетие КНР вложила более 90 млрд долл. США в проекты, связанные с добычей и транспортировкой энергоресурсов в АЗРФ, а государственная компания *Chinese Ocean Shipping Company (Cosco)* по объему навигации в прилегающих к России акваториям СЛО уступает лишь российским национальным перевозчикам⁷. В 2023 г. китайские партнеры из компании *Newnew Shipping*, несмотря на риск вторичных санкций, не только осуществили⁸ морскую перевозку контейнерных грузов в Китай через Северный морской путь, но и

⁵ *National Security Strategy: October 2022*. The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 18.10.2023).

⁶ Пряхин В.Ф. *Россия и КНР в Арктике. Пример конструктивного сотрудничества*. Российский совет по международным делам. 2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/vpryahin/rossiya-i-knr-v-arktike-primer-konstruktivnogo-sotrudnichestva/> (accessed 18.10.2023).

⁷ Humpert M. *Putin and Xi Discuss Further Deepening of Arctic Partnership*. *High North News*, 23.03.2023. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/putin-and-xi-discuss-further-deepening-arctic-partnership> (accessed 18.10.2023).

⁸ *Global Ports и китайская Newnew Shipping будут развивать контейнерные перевозки через Балтику и Дальний Восток*. *Морские весты России*, 13.09.2023. Available at: <https://morvesti.ru/news/1679/104908/> (accessed 10.04.2024).

поставили⁹ на линию СМП партию контейнеровозов для регулярных рейсов по названному маршруту. Это свидетельствует о нацеленности КНР на постоянное присутствие в регионе и о том, что данное направление торговли Пекин оценивает как перспективное.

Северный морской путь – ключевой элемент сближения Москвы и Пекина в вопросах развития Арктики. Несмотря на санкции со стороны западных стран и соответствующие риски для КНР, согласно отчету генерального директора де-факто ответственной за развитие маршрута госкорпорации “Росатом”¹⁰, план объема перевозок по СМП за 2023 г. был перевыполнен. Внимание КНР к этим проектам объясняется рядом факторов. Китай заинтересован как в обеспечении собственной ресурсной безопасности за счет диверсификации поставок энергоносителей, так и в сотрудничестве с Россией в регионе и по другим направлениям, в том числе в сфере научно-технологического взаимодействия. В 2018 г. была опубликована китайская Белая книга по Арктике¹¹, определившая интересы страны в Заполярье на долгосрочную перспективу. В документе отмечено, что КНР является “приарктическим государством” (*near-Arctic state*), призванным поддерживать эффективное взаимодействие между арктическими и неарктическими державами, а также подчеркнута наличие более чем десятилетнего диалога с Россией по вопросам развития Арктики. С 2013 г. Китайская Народная Республика имеет статус наблюдателя в Арктическом совете, хронологически его получение совпало с провозглашением концепции “Пояс и путь”. Северный Ледовитый океан и СМП, таким образом, стали для Китая устойчивой логистической альтернативой в торговле с Европой, а также действенным инструментом обеспечения ресурсной безопасности – в первую очередь в энергетической сфере – на случай нарушения цепочек поставок по “традиционным” маршрутам.

В Указе Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) “О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года”, которым фактически утверждена Арктическая стратегия России, отдельный пункт посвящен мерам по развитию инфраструктуры и судоходства в рамках Арктической зоны. Первостепенная важность придается развитию Северного морского пути, круглогодичной навигации по этому маршруту, состоянию инфраструктуры морских портов и судоходных путей¹², созданию штаба морских операций по управлению судоходством на протяжении всей акватории СМП. В планах значились также объединение транспортно-логистических услуг СМП на основе цифровой платформы, предназначенной для безбумажного оформления мультимодальных перевозок пассажиров и грузов, строительство на российских судостроительных верфях для работы в его акватории не менее семи универсальных атомных ледоколов проекта 22220¹³, головного атомного ледокола проекта “Лидер” и дополнительно четырех неатомных ледоколов, 16 аварийно-спасательных судов различной мощности до 2024 г., 30 аварийно-спасательных судов различной мощности до 2030 г., трех гидрографических и двух лоцмейстерских судов. Предусматривались организация системы профессионального и дополнительного образования с учетом потребностей Севморпути, разработка и утверждение программы строительства грузовых судов, используемых в целях торгового мореплавания, для реализации экономических проектов и строительства грузопассажирских судов для осуществления перевозок между морскими и речными портами в Арктической зоне, строительство портов-хабов и создание российского контейнерного оператора в целях обеспечения международных и каботажных

⁹ Китайская Newnew Shipping Line поставит на линию на Севморпути пять контейнеровозов. *Морские вести России*, 07.07.2023. Available at: <https://morvesti.ru/news/1679/103639/> (accessed 10.04.2024).

¹⁰ Кагалтынов Э. Объем транзитных перевозок по СМП в 2023 году достиг рекордных 2.15 млн т. *Коммерсантъ*, 19.02.2024. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6523694?ysclid=ly49tg0qtx787702450> (accessed 10.04.2024).

¹¹ *China's Arctic Policy. The State Council of the People's Republic of China*. The State Council. The People's Republic of China. Available at: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed 18.10.2023).

¹² Здесь можно отметить внедрение системы оптимизации доставки арктической нефти, разработанной “Газпром нефтью”. Подробнее см.: Цифровая система “Капитан” помогла “Газпром нефти” на 12% сократить расходы на морскую логистику арктической нефти. *Газпром нефть*, 29.03.2021. Available at: https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/tsifrovaya_sistema_kapitan_pomogla_gazprom_nefti_na_12_sokratit_raskhody_na_morskuyu_logistiku_arkti/ (accessed 10.04.2024).

¹³ К 2024 г. готовы три судна, еще одно готовится к эксплуатации в ускоренном режиме. Подробнее о планах судостроения см.: Литова А. Россия активно обновляет свой флот: к 2035 году планируется построить более 1000 судов. *Ведомости*, 15.12.2021. Available at: https://www.vedomosti.ru/industry/infrastructure_development/articles/2022/12/15/955368-rossiya-aktivno-obnovlyaet-flot (accessed 10.04.2024); Атомный ледокол “Якутия” спустили на воду. *TACC*, 22.11.2022. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16395641> (accessed 10.04.2024).

перевозок в акватории СМП.

Все эти положения находят свое отражение и в утвержденном Распоряжением Правительства РФ от 01.08.2022 № 2115-р Плане развития Северного морского пути на период до 2035 г., где в п. 5.3 отдельной задачей ставится развитие международного сотрудничества в целях развития судоходства по СМП. Многие из положений Арктической стратегии России представляют несомненный интерес для потенциальных партнеров РФ из неарктических стран – в первую очередь участников БРИКС, в особенности Китая и Индии, к которым после расширения организации в 2024 г. добавились в качестве интересантов ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран. Москва, со своей стороны, активно демонстрирует и встречную заинтересованность: именно члены БРИКС подразумеваются в качестве первоочередных партнеров в подпункте п. 50 Концепции внешней политики 2023 г., посвященном мирному сотрудничеству и устойчивому развитию АЗРФ.

Переходя к Индии, необходимо отметить, что она начала активно проявлять свой интерес к Арктике с 2010-х годов, получив в 2013 г. статус государства-наблюдателя в Арктическом совете. Согласно принятой в 2022 г. Арктической политике (Белой книге)¹⁴, в число приоритетов страны в Заполярье входят такие аспекты международного сотрудничества, как развитие экономики посредством геологической разведки в Арктике, цифровизация арктической логистики, инвестиции в устойчивые морские перевозки контейнеров при содействии Международной морской организации (ИМО) и многое другое [17].

Отдельно стоит отметить заинтересованность Индии в развитии проекта международного транспортного коридора “Север–Юг”¹⁵. Согласно п. 5.0.8 Арктической политики индийское правительство считает перспективным [18] соединение его инфраструктурных мощностей с российской единой глубоководной транспортной системой. Важно уточнить, что данную логистическую цепочку планируется расширить до Арктики¹⁶: на практике это означает интеграцию инфраструктурных мощностей СМП в данный проект. С учетом прошлого опыта взаимодействия СССР и Индии по коридору “Владивосток–Ченнаи” и открывшейся перспективе¹⁷ возобновления полномасштабного сотрудничества по этому маршруту, в настоящее время индийское представление о “расширенной” Арктике и логистическое сопряжение сулит ощутимые выгоды обеим сторонам от перевозок по Северному Ледовитому океану [18]. Несмотря на длительность реализации масштабного проекта МТК “Север–Юг”, индийская сторона демонстрирует готовность к этой работе и расширению логистических сетей в виде “продолжений” СМП на юго-запад и юго-восток от российской Арктики.

Таким образом, несмотря на наличие противоречий и известной остроты в отношениях Пекина и Нью-Дели, цели и методы реализации внешнеполитических интересов этих стран в Арктическом регионе в рассмотренных аспектах не противоречат друг другу. Наоборот, акцент обеих стран на важности экономического освоения региона и диверсификации торговых путей создает благоприятную почву для сотрудничества, а опыт логистического взаимодействия и проектирования в Арктике, возможно, наметит некоторые перспективы для выработки общей повестки БРИКС на многосторонней основе. В данном случае Китай и Индия могут выступить как государства, накопившие значительный опыт арктических перевозок. В качестве дополнительного стимула для развития многовекторной логистики в Арктическом регионе стоит выделить фактор санкционного давления США и европейских стран на РФ и КНР, что в перспективе, вероятно, усилит инвестиционную вовлеченность обеих держав во взаимодействие по арктическому треку.

¹⁴ *India's Arctic Policy 2022*. Ministry of Earth Sciences of India. Available at: <https://moes.gov.in/sites/default/files/2022-03/compressed-SINGLE-PAGE-ENGLISH.pdf> (accessed 18.10.2023).

¹⁵ Международный транспортный коридор “Север–Юг” – мультимодальный маршрут транспортировки пассажиров и грузов, общей протяженностью в 7,2 тыс. км от Санкт-Петербурга до индийского порта Мумбаи. Он создан на рубеже XX–XXI вв. для привлечения транзитных грузопотоков из Индии, Ирана и других стран Персидского залива на российскую территорию (через Каспийское море) и далее в Северную и Западную Европу. МТК “Север–Юг” является кратчайшим маршрутом между Россией и Индией, альтернативным Суэцкому каналу.

¹⁶ *India's Arctic Policy 2022*..., p. 19.

¹⁷ *Россия и Индия укрепляют сотрудничество по развитию морского коридора “Владивосток–Ченнаи”*. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. 25.01.2024. Available at: <https://erdc.ru/news/rossiya-i-indiya-ukreplyayut-sotrudnichestvo-po-razvitiyu-morskogo-koridora-vladivostok-chennai/> (accessed 27.01.2024).

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ОАЭ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА НА АРКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЛОГИСТИКИ

Несмотря на значительный экономический, технический, научно-исследовательский и дипломатический статус “старых” участников объединения – Индии и Китая, представляется актуальным в контексте расширения БРИКС рассмотреть возможности влияния Объединенных Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Исламской Республики Иран (ИРИ) на развитие логистики в АЗРФ. Следует отметить, что арктическая повестка во внешней политике этих стран еще не сформировалась окончательно. Тем не менее их потенциальный вклад в оптимизацию и повышение доходности российской Арктики, в том числе через эксплуатацию Северного морского пути, представляется весомым.

В контексте арктических интересов ОАЭ стоит выделить деятельность ведущей государственной логистической компании *DP World*, которая с начала 2020-х годов развивает сотрудничество с российскими партнерами в области заполярного судоходства. Первое соглашение между *DP World* и Росатомом было подписано в ноябре 2021 г., оно оговаривало проектирование флота контейнеровозов для подобных маршрутов и совместное развитие портовой инфраструктуры на российском побережье Северного Ледовитого океана [19]. Договоренность позиционировалась как показатель развития отношений РФ и ОАЭ в целом, а также демонстрировала рост интереса неарктических держав к транспортным маршрутам Заполярья и готовность России допустить партнеров из других регионов к арктическим проектам в целях экономической выгоды и укрепления многосторонних связей вместо зависимости от инвесторов из какой-либо одной страны (КНР) [13].

В июне 2023 г. *DP World* и Росатом обсудили возможность совместных проектов регулярных контейнерных перевозок по СМП, возникло совместное предприятие ООО “Международная контейнерная логистика”¹⁸. В декабре 2023 г., накануне присоединения ОАЭ к БРИКС, две компании подписали соглашение, направленное именно на развитие транспортно-логистических цепей между странами БРИКС в различных регионах. Рамки географии соглашения потенциально включали и Арктику: в частности, Северный морской путь объявлялся одним из перспективных направлений логистической интеграции различных государственных объединений, то есть на данном этапе речь шла о взаимодействии уже более широком, нежели двустороннее. При этом признавалось, что опорная инфраструктура располагается на российской территории, тогда как основной вклад в развитие проектов может быть внесен ОАЭ¹⁹.

В активно формирующейся арктической политике ОАЭ отдельное направление представляет климатический аспект. Ему придают существенное значение и другие неарктические страны [20], однако для Абу-Даби он актуален в первую очередь в контексте собственных проектов в Гималаях. Это более близкий для страны регион, где разворачивается программа ОАЭ “Третий полюс”²⁰. Последняя становится моделью для аналогичных практик в Арктике, а кроме того, позволяет ОАЭ закрепить за собой статус державы, заботящейся о решении глобальных проблем. Это важный фактор формирования положительного международного образа элит Объединенных Арабских Эмиратов, которые таким образом стремятся нивелировать критику США и ЕС и обвинения в авторитаризме, снизив тем самым влияние идеологического фактора в пользу экономики. В Арктическом регионе логистические проекты с участием ОАЭ могут стать в перспективе более приоритетными для самого арабского государства, поскольку это подчеркнет его статус морской державы, поможет диверсифицировать внешние связи, укрепить положение на азиатских рынках посредством контроля над важным альтернативным маршрутом [13]. Инвестиции в транспортную инфраструктуру, в первую очередь Северного морского пути, соотносятся для Абу-Даби с интересами национальной безопасности и выстраиванием долгосрочного сотрудничества с широким спектром стран, чему отвечает многосторонняя структура БРИКС.

¹⁸ Росатом и *DP World* создадут глобального логистического оператора. *Атом Медиа*, 07.12.2023. Available at: <https://atommedia.online/2023/12/07/rosatom-i-dp-world-sozdadut-globalnogo-logi/> (accessed 08.03.2024).

¹⁹ Там же.

²⁰ Launch of The Arctic Circle – United Arab Emirates: Third Pole Process. *Arctic Portal*, 23.06.2022. Available at: <https://arcticportal.org/ap-library/news/2860-launch-of-the-arctic-circle-united-arab-emirates-third-pole-process> (accessed 08.03.2024).

Королевство Саудовская Аравия, фактически²¹ присоединившееся к БРИКС зимой 2024 г., также обладает значительным потенциалом для развития международного взаимодействия в сфере арктической логистики. Как и в случае с ОАЭ, Саудиты официально²² признают значимость участия в двух- и многосторонних логистических проектах для поддержания престижа государства на мировой арене. Так, согласно декларации целей развития страны до 2030 г., Саудовская Аравия позиционируется как страна, расположенная на пересечении торговых потоков из Европы, Азии и Африки – это стратегическое положение описывается словосочетанием “уникальные логистические ворота”. Использование данного географического преимущества позволит, следуя официальной позиции государства, не только развивать международную кооперацию, но и способствовать поддержанию внутривластной стабильности и росту благосостояния подданных. Для интенсификации товарооборота и укрепления положения Саудовской Аравии в мировой политике официальный Эр-Рияд признает необходимым не только развитие устоявшихся маршрутов (равно как и связанной с ними инфраструктуры), но и разработку перспективных. К числу последних, несомненно, относится и Северный морской путь.

Российская сторона признает значимость²³ потенциального вклада Саудовской Аравии в развитие СМП. Несмотря на географическую удаленность, перспективный формат стратегических инвестиций в инфраструктуру АЗРФ, упоминаемый главой Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), позволит Саудовской Аравии поспособствовать развитию логистической кооперации стран БРИКС в российской Арктике. Более того, наличие опыта взаимодействия с *Maersk* – крупнейшей логистической компанией в мире – через расположенную в Саудовской Аравии дочернюю компанию *Kanoo Terminal Services Ltd.*, делает Эр-Рияд важным стейкхолдером в логистических вопросах регионального и глобального уровня. Вышеупомянутая частная компания обладает²⁴ значительным опытом в таких технических аспектах развития международной логистики, как контейнерные перевозки, обслуживание сухих портов, перевозка нефтехимических продуктов, рефрижераторного оборудования и др. Перечисленные технические возможности позволят Эр-Рияду интенсифицировать перспективное взаимодействие РФ и ОАЭ в сфере обслуживания портовой инфраструктуры СМП.

Иран, в отличие от ОАЭ, в меньшей степени включен в арктическую проблематику. У него отсутствует соответствующая региональная стратегия, однако еще в начале 2017 г. посол ИРИ в РФ посетил АЗРФ, в частности, Ямало-Ненецкий автономный округ, для оценки возможных совместных инвестиционных проектов в области ТЭК²⁵. Этим же аспектом интересовались иранские представители при подписании соглашения между Технологическим университетом им. Шарифа и Тюменским индустриальным университетом в 2019 г.²⁶

Сотрудничество в отраслях ТЭК также связывается с развитием транспортной инфраструктуры, но гораздо важнее проблем простого транзита добытых углеводородов для Ирана в арктическом треке представляется примыкание к ключевому для Тегерана упомянутому выше МТК “Север–Юг”. Включив ИРИ, он свяжет вместе сразу несколько стран БРИКС, что отвечало бы и частным экономическим интересам Исламской Республики²⁷

²¹ В Москве нет сомнений в участии в БРИКС Саудовской Аравии. *Интерфакс*, 15.02.2024. Available at: <https://www.interfax.ru/world/946226> (accessed 17.07.2024).

²² Saudi Vision 2030. *Government of the Saudi Arabia*. Available at: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf (accessed 17.07.2024).

²³ Глава РФПИ Кирилл Дмитриев призвал инвесторов вкладывать средства в Северный морской путь. *Первый канал*, 10.01.2024. Available at: https://www.1tv.ru/news/2024-01-10/468624-glava_rfpi_kirill_dmitriev_prizval_investorov_vkladyvat_sredstva_v_severnnyy_morskoy_put (accessed 17.07.2024).

²⁴ *Transportation and Logistic Services*. Kanoo Terminal Services Ltd. Available at: <https://www.kanooterminals.com/transportation-and-logistics-services> (accessed 17.07.2024).

²⁵ Посол Ирана в РФ впервые пересек Полярный круг во время поездки на Ямал. *TACC*, 20.02.2017. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/4038725> (accessed 08.03.2024).

²⁶ *Iranians Are Interested in Arctic Projects. The Agreement with the First University of the Islamic Republic Was Signed in Tyumen*. *Sever-Press*, 19.09.2019. Available at: <https://sever-press.ru/news/sever-press/iranians-are-interested-in-arctic-projects-the-agreement-with-the-first-university-of-the-islamic-republic-was-signed-in-tyumen/> (accessed 08.03.2024).

²⁷ *Международный транспортный коридор “Север–Юг” и его значение для Ирана*. Офис Почетного Представителя Торгово-промышленной палаты Российской Федерации в Иране. 28.07.2023. Available at: <https://iran-tpprf.ru/mezhdunarodnyj-transportnyj-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (accessed 08.03.2024).

и несло бы в себе объединительный потенциал для РФ, Индии и Ирана по арктической проблематике.

В последние годы Тегеран выступил ключевым стейкхолдером в вопросах развития МТК “Север–Юг”. В частности, в марте 2024 г. было подписано двухстороннее российско-иранское соглашение о поддержке особых экономических зон в рамках этого транспортного коридора. Принимая во внимание видение будущего логистических цепочек со стороны Индии, описанного в предыдущем разделе, Иран, таким образом, получит возможность косвенного влияния на развитие арктической логистики.

Вовлеченность в той или иной степени и наличие заинтересованности в общих региональных проектах такого пула стран, как Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, Индия и Китай, позволяет с большой долей уверенности утверждать, что и логистические процессы в АЗРФ как отдельное направление кооперации, и повестка стран БРИКС по вопросам Заполярья в целом получают действительно многостороннее оформление.

В заключение раздела выскажем предположение, что имеющаяся напряженность в отношениях ОАЭ и Ирана вряд ли существенно отразится на их взаимодействии по арктическим вопросам. В пользу этого свидетельствуют несколько факторов. Во-первых, пример Китая и Индии, также имеющих ряд разногласий в Азиатском регионе, демонстрирует, что это не мешает каждому государству по отдельности вносить свой вклад в развитие Арктики по тем направлениям, которые обозначены в их программных документах как приоритетные. Во-вторых, Иран и ОАЭ равным образом географически удалены от региона, но рассматривают себя как морские державы и их заинтересованность в развитии транспортных коридоров может превалировать над некоторыми пунктами двусторонних отношений. ОАЭ при этом позиционирует себя в качестве глобального центра судоходства, поэтому выход и освоение арктических вод для этого государства представляет важный элемент данной стратегии²⁸. В-третьих, официальный Абу-Даби во время недавней встречи ОПЕК+ выступил против плана продления квот на добычу нефти до 2025 г. Это дает Москве возможность интенсифицировать производство и распределение своих энергоресурсов в Арктическом регионе, что, в свою очередь, можно интерпретировать как заинтересованность в мирном и планомерном развитии АЗРФ.

Таким образом, выявленные у новых стран – членов БРИКС интересы в области логистики в Арктическом регионе, говорят о формировании отдельного потенциального направления для кооперации членов объединения. Это направление не только усиливает тенденцию, заложенную “старыми” участниками БРИКС в лице Китая и Индии, но и позволяет интенсифицировать и углубить сотрудничество, выходя за рамки двустороннего формата, и заложить основу для формирования будущей полярной повестки объединения. К числу ключевых элементов этой повестки будут относиться уже не только волнующие всех участников вопросы охраны, но и логистическое сотрудничество в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в статье анализ интересов стран – членов БРИКС в области логистики в Арктическом регионе показал, что кооперация как в исторически сложившемся двустороннем, так в перспективном многостороннем формате в рамках расширенного состава БРИКС представляет существенный интерес для большинства участников этого объединения.

Несомненно, многолетнее взаимовыгодное двустороннее российско-китайское сотрудничество в области арктической логистики – главным образом, с использованием

²⁸ *يلا امشال! بطول! ايف تيسورلا تيتارامالا تكارشالا: تادابتلما عفنلما لامك ويفطصم. Roayah for Strategic Studies, 27.05.2022. Available at: <https://roayahstudies.com/2022/05/27/%d8%a7%d9%84%d9%85%d9%86%d9%81%d8%b9%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d9%85%d8%aa%d8%a8%d8%a7%d8%af%d9%84%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d8%b4%d8%b1%d8%a7%d9%83%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d8%a5%d9%85%d8%a7%d8%b1%d8%a7%d8%aa%d9%8a%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d8%b1%d9%88%d8%b3%d9%8a%d8%a9-%d9%81%d9%8a-%d8%a7%d9%84%d9%82%d8%b7%d8%a8-%d8%a7%d9%84%d8%b4%d9%85%d8%a7%d9%84%d9%8a/> (accessed 11.04.2024).*

инфраструктурных мощностей Северного морского пути – является значимой переменной в развитии российской Арктики и Арктического региона в целом. Это сотрудничество не исключает взаимодействия с другим традиционным государством БРИКС, обладающим более-менее четко оформленной арктической повесткой, в частности с Индией, которая проявляет интерес к возможности сопряжения СМП с МТК “Север–Юг”. Даже имеющиеся у России и Китая некоторые расхождения в вопросе правового статуса Северного морского пути (который РФ рассматривает как исторически внутреннюю артерию, а КНР – как международный транспортный коридор с правом транзита) никоим образом не мешают странам осуществлять взаимовыгодное сотрудничество в регионе. Оба государства опираются в данном вопросе на решение по аналогичному кейсу между Канадой и США в отношении Северо-Западного прохода [21], показавшее, что державы способны эффективно взаимодействовать в Арктике при признании взаимных противоречий по частным вопросам, “соглашаясь по ним не соглашаться”.

При этом очевидно, что двустороннее взаимодействие по вопросам развития региона обладает меньшим потенциалом, чем многостороннее сотрудничество. Более того, важность многостороннего формата находит отражение и в современной внешнеполитической риторике России. В этой связи интенсификация сотрудничества с новыми участниками объединения БРИКС: Исламской Республикой Иран, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами (в первую очередь в области логистики, к которой все они демонстрируют особый интерес) позволит России не только диверсифицировать экспорт углеводородов, но будет также способствовать выработке единой повестки БРИКС по полярной проблематике. Сфера логистики, как и сфера борьбы с происходящими в регионе климатическими изменениями, является общим интересом для большинства членов БРИКС. Этот общий интерес может послужить прочной основой для более тесной кооперации стран объединения в многостороннем формате.

Более того, географическое преимущество России в виде прямого доступа к акватории Северного Ледовитого океана позволит ей взять на себя роль эффективного медиатора в переговорах по выработке потенциальной полярной повестки БРИКС. Такая повестка, несомненно, будет основана на принципе уважения к интересам и законодательству прибрежного государства, закрепленном в Конвенции ООН по морскому праву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бенедык И.В., Галимуллин Э.З. Перспективы Северного морского пути в контексте российско-американских отношений. *Международные процессы*, 2019, т. 17, № 4(59), сс. 115-134. [Benedyk I.V., Galimullin E.Z. Northern Sea Route in the Context of Russian-American Relations. *International Trends*, 2019, vol. 17, no. 4(59), pp. 115-134. (In Russ.)] DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.7
2. Конышев В.Н., Кобзева М.А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность. *Сравнительная политика*, 2017, № 1, сс. 77-92. [Konyshov V.N., Kobzeva M.A. China's Policy in the Arctic: Traditions and Modernity. *Comparative Politics*, 2017, no. 1, pp. 77-92. (In Russ.)]. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92
3. Kobzeva M. China's Arctic Policy: Present and Future. *The Polar Journal*, 2019, no. 1, pp. 94-112. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1618558
4. Lim K.S. China's Arctic Policy and the Polar Silk Road Vision. Heininen L., Exner-Pirot H., eds. *Arctic Yearbook 2018*, pp. 420-432. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3603710> (accessed 18.10.2023).
5. Зайков К.С., Джавахар Б. Арктическая политика Индии: исторический контекст. *Арктика и Север*, 2022, № 48, сс. 261-274. [Zaikov K.S., Jawahar B. India's Arctic Policy: The Historical Context. *Arktika i Sever*, 2022, no. 48, pp. 261-274. (In Russ.)] DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
6. Sinha U.K. India and the 'Age of the Arctic'. *Indian Foreign Affairs Journal*, 2013, no. 1, pp. 23-30. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45341860> (accessed 18.10.2023).
7. Kumar S.U. India in the Arctic: A Multidimensional Approach. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 2019, т. 19, вып. 1, сс. 113-126. [Kumar S.U. India in the Arctic: A Multidimensional Approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, no. 1, pp. 113-126. (In Eng.)] DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.107
8. Bisen A. India's G20 Presidency: Opportunity to Resume Engagement in the Arctic. *Policy Commons*, 10.08.2023. Available at: <https://policycommons.net/artifacts/4778008/indias-g20-presidency/5614304/> (accessed 08.03.2024).
9. Lagutina M., Leksyutina Y. BRICS Countries' Strategies in the Arctic and the Prospects for Consolidated BRICS Agenda in the Arctic. *The Polar Journal*, 2019, no. 1, pp. 45-63. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1618559
10. Лексютина Я.В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2019, № 4(51), сс. 40-48. [Leksyutina Y.V. China and India in the Arctic: Interests, Strategies and Cooperation with Russia. *Oikumena. Regional Researches*, 2019, no. 4(51), pp. 40-48. (In Russ.)] DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/40-48

11. Ясинь В. Международное научное сотрудничество стран БРИКС в Арктике. *Управленческое консультирование*, 2023, № 3(171), сс. 131-139. [Yaxin V. International Scientific Cooperation in the Arctic Among the BRICS Countries. *Administrative Consulting*, 2023, no. 3(171), pp. 131-139. (In Russ.)] DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-131-139
12. Куклина Е.А. Два трека арктического сотрудничества БРИКС. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 2023, № 3(45), сс. 25-37. [Kuklina E.A. Two Tracks of BRICS Arctic Cooperation. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2023, no. 3(45), pp. 25-37. (In Russ.)] DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-25-37
13. Khorrami N., Devyatkin P. *Dubai and the Opening Arctic: Russia's Rosatom and UAE Logistics Company to Cooperate in the Far North*. The Arctic Institute. 23.11.2021. Available at: <https://www.thearcticinstitute.org/dubai-opening-arctic-russia-rosatom-uae-logistics-company-cooperate-far-north/> (accessed 08.03.2024).
14. Young O.R. *Creating Regimes: Arctic Accords and International Governance*. Ithaca, Cornell University Press, 1998. 230 p.
15. Krasner S. *International Regimes*. Ithaca, Cornell University Press, 1983. 372 p.
16. Pincus R. Three-Way Power Dynamics in the Arctic. *Strategic Studies Quarterly*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 40-63. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26891883> (accessed 08.03.2024).
17. Шаумян Т.Л. Арктическая политика Республики Индия. Канаева Е.А., ред. *Регионы в современном мире: глобализация и Азия*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2020. 406 с. [Shaumyan T.L. Arctic Policy of the Republic of India. Kanaeva E.A., ed. *Regions in the Modern World: Globalization and Asia*. St.-Petersburg, Aleteya, 2020. 406 p. (In Russ.)]
18. Bisen A. *BRICS, Russia and the Arctic: India's Options*. New Delhi, Vivekananda International Foundation, 2024. 29 p.
19. Ивановский Д. ОАЭ присоединяется к арктическому сотрудничеству. *GoArctic*, 30.11.2021. [Ivanovskij D. UAE Joins Arctic Cooperation. *GoArctic*, 30.11.2021 (In Russ.)] Available at: <https://goarctic.ru/news/oaepri-soedinyaetsya-k-arkticheskomu-sotrudnichestvu/> (accessed 08.03.2024).
20. Файзева М.Р., Попов Д.И. Арктическая политика Латвии: предпосылки формирования. *Арктика и Север в контексте развития международных процессов: материалы VI Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых*. Архангельск, САФУ, 2022, сс. 12-17. [Fajzeeva M.R., Popov D.I. Latvia's Arctic Policy: Prerequisites for Formation. *The Arctic and the North in the Context of the Development of International Processes: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists*. Arkhangelsk, SAFU, 2022, pp. 12-17. (In Russ.)]
21. Вяхирева Н.С. Арктика как новый внешнеполитический приоритет Канады. Российский совет по международным делам. 19.03.2023. [Viakhireva N.S. *The Arctic as a New Foreign Policy Priority of Canada*. Russian International Affairs Council. 19.03.2023. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-kak-novyy-vneshnepoliticheskiy-prioritet-kanady/> (accessed 10.04.2024).

